
INSPIRIA
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
СТЕКЛЯННЫЙ ЧЕЛОВЕК
ВАЛЕРИЙ ПЕЧЕЙКИН

INSPIRIA

Стеклянный человек

Валерий Валерьевич Печейкин

Аннотация
Валерий Печейкин. Стеклянный человек
Детский ад
  Стеклянный человек
  1 сентября
  7 октября
  Первый подарок
  Кумулонимбус и нимбостратус
  Добрые дети
Я в искусстве
  Творческий труд
  Дырокол
  И это критика!
  Фотография с гирляндой
  Тайна моей фамилии
Бытописание
  Женщины и диван
  Рукавичка
  Коробка из «Икеи»
  Отпариватель
  Расческа
  Пароварка

Алкоголь
Шелковые объятия
Покупатели супермаркета
Растения против зомби
Соседка по Софрину
Мой рай
Кошачий рай
Кошачий ад
Взгляд охранника
Яйца и рация
Оливье и вечность
Политика
Человек и аналитик
Любимая коза
Повсюду Путин
Перпендикулярная линия
Маленький процент
Запах Жириновского
Цвет кожи
Росгвардеец плачет
Лукашенко у психотерапевта
Беларусь
Свеча революции
Женщины перед митингом
Стук в дверь
Хороший дефицит

Я – политолог
Маленькая смерть
Русская смерть
Моцарт жив!
Мы все умрем
Бесплатная смерть
Похвала смерти
Я несчастен
Спасибо, мозг!
Укол и Россия
Зингер
Секс
Харассмент бесплатно
Харассмент за деньги
V-word
Яйца
Обнимите меня
Обнимите меня крепче!
Массаж или секс
Зачем нужны психологи?
Сексуальный сантехник
Не менее сексуальный плотник
Разговор с плотником
Победи свои страсти
Гибискус
«Битва экстрасенсов» и я

- Гендер в кафе
- Сериал «Эскортницы»
- Средь белого дня!
- Стыд в штанах
- Ужас сториз
- Низкая самооценка
- Этот текст согласован с автором
- Бизнес-класс
- Такси в бездну
- Любовь в сериале

Зумеры

- Бедный парень
- Письмо от зумера
- Между бумерами и зумерами
- Наша эпоха
- Мальчики и пранк
- Кокэдама
- Пульверизатор
- Два куратора

Москва

- Бедные собаки
- Злая старуха
- Пепел курильщиков
- Ответ курильщиков
- Звуки человечества
- Голос из ниоткуда

Скупка
Новые наушники
Портрет печенья
Борода
Позовите меня!
В России есть две дыры…
Новый Колобок
Не Москва
«Мы узнали друг друга во вьюге…»
Трудно быть Богом
Любовь в гостинице
Обратно в Москву
В Питере – есть
Storytel
Как я спал с критиком: рассказ о сложном пути в литературу
Ну, [блин], и театр: рассказ о том, как один спектакль чуть не сгубил его автора
Девочка распадается на части: рассказ о том, как автор потерял интерес к писательству
Дед Мороз и медаль Грибоедова: рассказ о том, что все продается – даже литературная слава
Лучший год жизни: рассказ о том, почему коронавирус похож на кота, по которому мы будем скучать
Страшный суд: рассказ о том, что деньги все-та-

ки пахнут – наггетсами, маслом и имитированной красной икрой
«Чем пахнет?»
«Страшный суд»
Золотой роман ни о чем: рассказ о путешествии в больницу и обратно
Все умрут, а он останется: почему Уильям Шекспир переживет Льва Толстого
Почему актером хорошо быть при жизни, а писателем – после нее
«Замолчи и выйди!»: рассказ о том, как меня выгнали из Литературного института
«Судя по всему, ты атеист...»: рассказ о том, как меня отлучили от церкви
Россия, вперед!
Комедия

Аннотация

Эта книга – роскошный интеллектуальный стендап, темой для которого становится сама жизнь. Школьные экскурсии, работа в штабе Жириновского, поход в супермаркет, современный театр, Москва, Ташкент, Европа… Свободный жанр свободного человека, ирония и сострадание, а кроме этого – чувство, что наконец-то все назвал своими именами.

И если рассказы из первой книги Печейкина сравнивали с рассказами Чехова, то вторая книга – это скорее Достоевский времен «Бесов» или Ильф и Петров вкупе с Булгаковым.

Первая книга «Злой мальчик» стала максимально успешной.

Колумнист изданий «Москвич Mag», GQ, S7, Forbes, «Коммерсант Lifestyle». Лауреат премии «Дебют» в номинации «Драматургия» за пьесу «Соколы». Обладатель первого приза фестиваля «Новая драма» за пьесу «Соколы». Лауреат конкурса «Пять вечеров» памяти А. М. Володина за пьесу «Моя Москва».

Валерий Печейкин
Стеклянный человек

© Печейкин В., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Детский ад

Стеклянный человек

Классе в девятом нас повели в анатомический музей. Сначала собрали, наорали, а потом сказали, что в пятницу вместо двух уроков биологии мы пойдем в этот самый музей. Идти обязательно: потом будет опрос об увиденном. Обычно на такую фигню все забивали, кроме двух отличниц — Марины Лондаревой и Инны Орловой, которые везде мотались. Ну, и еще два брата-татарина, у которых дома было пятьдесят младших братьев и сестер. Короче, им было неприкольно торчать на хате.

Но в ту пятницу пришли почти все. Биологичка удивилась и почти не орала. Пришел даже Дима Есипенко, которого звали просто Ёс. Он, который жил на первом этаже, и его рожа вечно лупила из окна. Пришел Валера Скороухов, который все время болел, а в конце четверти играл джинна и читал задротские загадки со сцены в актовом зале. Пришел Фархад Эршад — пацан из Афганистана, который появился на занятиях один раз в начале года. И у которого все путали имя с фамилией. Все знали, что его мамашка занесла завучихе бабла, чтобы сыну выдали диплом в

конце года. Фархад мало учился, но много качался, на его шее висела золотая цепочка с какой-то арабской фигней. И в тот день все подумали, что если пришел даже Фархад, то музей реально чего-то стоит. Не иначе.

Рассказывали, что десятиклассникам, которых водили в прошлом году, повезло: им показали резиновые сиськи — их нужно было слегка вздрочнуть, и из сосочков брызгала белая фигня. Типа молоко. Потом сиськи сломались и их куда-то заныкали. Вот. А нам ничего такого не светило. Кроме стеклянного человека.

Пока шли до автобусной остановки, дорогу перед биологичкой перебежала черная кошка. Биологичка зассала и повела класс в обход, вдоль интерната для дебилов. Когда у нас кто-нибудь в классе тупил, ему говорили: «Отдадим тебя в розовый дом». Ведь интернат был покрашен розовым. Проходя мимо, мы шуганули пару даунов, которые тусили возле забора. Они еще больше затупили и все время, пока мы шли, смотрели на нас. Дебилы, чо.

Из-за кошки мы опоздали на автобус, а следующего пришлось ждать полчаса. За это время у одной девочки расстроился живот, а братья-татары подрались. Девочку отправили домой, а

братьев биологичка схватила и шлепнула друг об друга: они успокоились. Потом пришел новый автобус и мы все, кроме обосранной девочки, в него забурились. По дороге мы выбесили несколько бабок, биологичка снова на нас орала.

В музее нас встретили безрадостно: мы жестко опоздали. Экскурсоводша начала из-за этого орать на биологичку. Всем стало стремно, что какая-то левая тетка орет на нас. Мы даже попытались на нее быкануть, мол, заткни хавчик или сосни тунца. Потом биологичка отвела ее в сторону, поговорила, и та быстро успокоилась. Оказалось, биологичка просто дала ей наличных лавов.

— Ну, — начала экскурсоводша, — начинаем экспресс-обход.

Она вынула белый халат — мятый, как будто из жопы. Вынула, надела, повела.

Поначалу ничего прикольного мы в музее не увидели. Было фуфлыжно, как в поликлинике. Подошли к триптиху «Инфекция». Плакат про ОРВИ, плакат про кишечную хрень и плакат про СПИД. У последнего подзаголовок «Инфекции, передающиеся половым путем». Про некоторых в школе говорили, что они ходят этим путем с пяти лет. Было заметно, что все три плаката рисовал

один мусульманский художник, которому было ссыкотно изображать человека, поэтому он изображал не людей, а какую-то хрень.

На половом плакате было нарисовано несколько скамеек. На одной сидели наркоманы и ширяли друг друга в кавайные белые руки: ни вен, ни кошмарных фурункулов, посланных богом, автор не изобразил — просто руки, просто шприцы. Наркоманы были плохо одеты: видимо, все деньги уходили на ширку. Рядом сидела парочка — мужчина и проститутка. Она была побогаче и одевалась лучше, чем наркоманы. На ней была красная накидка и колготки в крупную клетку. Она закинула голову и подставила шею для поцелуя. На шлюшином лице проступали черты индивидуальности. Видимо, этот образ вызывал у художника эрекцию, типа отклик в душе. Вдобавок под скамейкой стояла открытая бутылка вина. Таким образом, автор за те же деньги рисовал больше предметов — его точно увлекла тема продажной любви.

Ну а рядом с наркоманией и проституцией был изображен гомосексуализм. Если шлюха вызывала у автора сочувствие, а ушлепки-наркоманы просто заблуждались — они не открыли пока для себя бухалово, — то гомосексуалисты…

это… Даже коричневый грипп (первый плакат), который вылетает из носа вместе с «апчхи», не был таким страшным. Когда художник рисовал гомосексуализм, он, наверное, напоминал богиню Кали — гнев и разрушение колбасились в его рисунке.

На скамейке сидели два мужика с длинными волосами; они ртами целовали друг друга в губы. Губы были похожи на защелки от маминых кошельков. Такие, знаете, с шариками. Гомосексуализм был одет в разноцветные рубашечки, которые обычно носят на даче или в сочах. Короче, как если бы два инженера оказались на отдыхе без жен, а удочки и наркотики забыли дома. Из всех искушений осталось одно — гомосексуализм. Не пропадать же выходным?

Экскурсоводша увидела, как мы угораем над пидормотами, и погнала нас дальше. Через пару сек она уже объясняла отличницам, что такое кровеносная система. Нас тоже заставили смотреть на экспонат, где мигали красные и зеленые лампочки. Они изображали круги, по которым бежала кровь в организме. Я знал, что зеленые лампочки получаются, если обычные прозрачные покрасить зеленкой, а красные — женским лаком. Так на Новый год делалась вонючая — лак

шмонил и трескался — гирлянда. А тут, значит, кровеносная система из тех же лампочек.

Про кровь все было более-менее понятно. Она содержится в основном в руках и коленях, ну и во всем остальном, если этим хорошенько долбануться. А что по поводу говна? Это не я спросил, а Дима Есипенко, который жил на первом этаже. И все тупо заржали — Фархад Эршад, братья-татары, даже девочки. Все, кроме отличниц. У них был какой-то иммунитет. Биологичка долбанула Есипенку по голове сумкой и куда-то погнала.

Экскурсоводша показала еще пару стремных экспонатов, и тут началась жесть.

Нас провели в зал, где под стеклом лежала вырезанная из разных людей хрень. Одна девочка сразу проблевалась. Причем та девочка, которая не села в автобус из-за поноса. Оказывается, дома ей дали деньги на такси, чтобы она смоталась в музей. Короче, бедняга за день дважды испачкала свое легкое летнее платье.

Потом нам показали дохлых лягушек в спирте и эмбрионов в банках. Видели их когда-нибудь? У биологички в подсобке стоит эмбрион: плавает в водке хрень, вроде запятой с глазами. И любой из нас мог в баклажке плавать и в школе какой-нибудь стоять. Однако мы стоим в музее и смотрим

на них, а они — на нас.

Еще показывали мозги: простые и нарезанные, как сыр на дне рождения — тонко-тонко. Экскурсоводша стала что-то задвигать про нейроны и электрические импульсы. Потом идет дальше и зовет: «А теперь, мальчики, ступайте сюда». Интересно, думаем, а почему именно мальчики? Может, хрен заспиртованный покажут. Оказалось, нам покажут — легкие курильщика и печень алкоголика. Экскурсоводша ехидно давай рассказывать, что бывает с теми, кто курит, что с альвеолами происходит; про цистит печени, про раннюю смерть и все такое.

Мы ее, конечно, слушаем, а сами, как хомячки, думаем о своем. Наконец, говорит, проходим в финальную залу, там вашему вниманию предстанет стеклянный человек из Германии. Тот самый. Проходим, смотрим — действительно торчит какая-то байда, похожая на нашего вахтера-киргиза. Стеклянный человек был не прозрачный, а какой-то бронзовый и стоял на деревянной подставке, подняв руки хендехохом.

Мы стали на него тупить: что такого? Просто стеклянный человек… Как вдруг у него засветились розовые мозги! Оказывается, экскурсоводша заныкалась в угол и включила человека в ро-

зетку. Теперь она стояла сбоку, держала в руках пульт на проводе и болтала: вот мозги, которые вы уже ранее видели нарезанными. Они, как вы помните, нужны для вмещения души и мыслей.

Щёлк пультом — а это красная гортань, по ней пролетает еда из фастфуда.

Щёлк — а это оранжевые бронхи, они нужны… а фиг знает. Щёлк быстрый — голубые легкие, которые нужны, чтобы курить и орать. Еще ими можно надувать шарики, но это для школоты.

Щёлк — сиреневые печень-почки. Ну, печень-почки нужны, кажется, чтобы фильтровать воду от хлорки. Еще они болят, если долго бежать кросс по заданию физкультурника Юрия Владимировича, который однажды напился и лежал прямо на школьной лестнице, а его в учительскую таскали химичка и русичка. В общем, печень-почки нужны, чтобы болеть. Спросите у Юрия Владимировича.

Щёлк — коричневые кишки. Они нужны, чтобы в них хранился кал. Непонятно, зачем они такие закрученные и выёжистые. Ведь можно было устроить, чтобы кал сразу вываливался из жопы. Но так бывает только в первоначальной природе, где туалет повсюду. Бог же предусмотрел, что построят Москву без туалетов. И придумал киш-

ки-лабиринты. Пока говно ищет выход, можно добежать до «Макдоналдса».

Щ… не-а, не щёлк, а барабанная дробь. Сами подумайте, что может засветиться ниже кишок… Ага, он должен засветиться. Но про него же не говорят, а тут… Все притихли… Было даже слышно, как трещат от напряжения глаза братьев-татар.

— Завершает наш обзор…

Белая вспышка!.. Свет светит во члене.

— …половая система.

Какая, к черту, система! Это иван иванович, а не система. Так и надо было сказать, а завершает наш обзор, ребята, иван иванович, известный более как хер. Если откажут печень-почки, мочки ушей или даже мозг — жить можно. А без хера никак. Не надо забывать и про яйца — они придают херу вес. Важность хера для организма огромна.

Я посмотрел на отличниц Инну и Марину: лица у них были как зашнурованные. Глазами — двумя черными дырками — они хавали божественный свет. Посмотрел на биологичку: она зырила на член именно как на орган, который дан человеку не для радости, а для контрольной работы. Хорошистки смотрели на член испуганно, а единственная троечница Света Сластихина — с уважением, как на деда-ветерана. Ну а мальчики

ржали: Дима Есипенко, братья-татары и афганец, даже Валера Скороухов, уж на что задрот, тоже хмыкал. А что еще делать? Хер, писька, жопа — это смешно, а когда они светятся — вдвойне. Представьте, что светится жопа.

Член был похож на экономную светодиодную лампочку.

В нем билось живое солнце. Он был протянут каждому, как трубка мира: бери и вдыхай. О, ху… Мне показалось, у него появились два маленьких золотистых крыла, он вспорхнул и, кружась, взлетел под потолок. Все ахнули, кроме экскурсоводши:

— Половой мужской член имеет способность отделяться от тела. Его пещеристое тело при этом выполняет функцию аэродинамической трубы. Именно эта способность к полету и послужила залогом эволюционного скачка, который сделало человечество…

Хер спикировал из-под потолка и воткнулся экскурсоводше в рот. Заткнись.

Конечно, это была фантастическая картина. На самом деле все просто поржали, а биологичка, опомнившись, обозвала нас импотентами. Больше в музее ничего интересного не было. Мы пошли домой.

Не помню, был ли опрос на следующей неделе. Из биологии вообще ничего не помню… А ведь до хрена учил: эпителий, эндотелий, вакуоль. А вот стеклянного человека запомнил. Остальное как будто в темноте — все забыл.

1 сентября

Я не пошел в школу 1 сентября.

В Узбекистане 1 сентября — это День независимости, он там даже круче Навруза. Поэтому, когда накануне умер Каримов, об этом не говорили несколько дней, чтобы не омрачать.

Вечером накануне — 31 августа 1991 года — я подошел к матери и сказал, что принял решение не идти в школу. Вообще. Да, я долго думал, взвесил все «за» и «против» и понял, что мне это не подходит. «Хорошо, скажи об этом отцу», — сказала мама. Это означало «ты с ума сошел, он тебя убьет».

Отцу я ничего не сказал. В школу я все-таки пошел. И все десять лет жалел об этом. Без шуток: решение, принятое в неполных семь лет, было верным. Школа оказалась абсолютно бессмысленным делом. Я до сих пор не понимаю, зачем все это было.

Из первого учебного дня я запомнил один момент. Все вставали и представлялись. Шли по алфавиту. Передо мной встал маленький лупоглазый Дима Петров. Ну, Дима так Дима, Петров как Петров. Так могут и должны звать разведчи-

ка, человека без свойств. А потом встал я.

«Меня зовут… Валера Печейкин». Класс бахнул смехом. Некоторые уронили разложенные пеналы. И тут я понял, что у меня очень смешная фамилия. Все десять лет из-за нее у меня не было настоящего прозвища. Меня уже звали Печейкин.

Когда я в 20 лет решил взять псевдоним, друг отговорил меня словами: «Валера, понимаете, вам он не нужен. Тексты, которые вы сочиняете, требуют именно такой подписи. Ваша фамилия уже звучит как псевдоним».

Так я остался Печейкиным. Я несу эту фамилию официально с первого дня в первом классе. В классном журнале меня записывали Печкиным, Печенькиным, Пегейкиным, Печонкиным, проч., проч.

Я с гордостью нес свою фамилию и считал себя героем, пока не встретил автора, чьей фамилией была — Пидоренко. И она была настоящей. И он так подписывался.

Так что, дорогие дети, с гордостью несите свои имена и фамилии, с гордостью пишите их на тетрадках. История рассудит, кто из вас был печейкин, а кто — Печейкин!

7 октября

Однажды в нашем доме появился календарь. Годы были 90-е, и календарь совмещал астрологический прогноз, советы хозяйке и познавательную статистику — кто из великих родился в такой-то день. Календарь торжественно повесили в туалете.

Я сразу отлистал на 7 октября и прочел: родились физик Нильс Бор и рейхсфюрер Генрих Гиммлер. Я ненавидел физику, поэтому гордиться Бором не стал. А вот слово рейхсфюрер произвело на меня огромное впечатление. Я решил, что если этот человек упомянут в календаре — между гороскопом Весов и советом про картофельные глазки, — то это прекрасный человек. Я почему-то решил, что рейхсфюрер — это как парфюмер, только добившийся больших успехов. Короче говоря, я обрадовался.

И стал всем рассказывать, что вот, мол, живешь, а потом бац — и узнаешь, что родился избранником неба. Был, мол, такой Гиммлер, а вот теперь — я. И тогда не помню, кто (возможно, мать, которая преподавала историю в техникуме) сказала что Гиммлер был одним из соратников

Гитлера. У них даже имена похожи, а рейхсфюрер — это не парфюмер, а последняя сволочь.

Я был в отчаянии. Родиться в один день с бессмысленным физиком и последней сукой, почти Гитлером, проклятьем человеческим. А больше в календаре не было никого. Надо мной стали подхихикивать, что, мол, так себе денек — 7 октября.

Я листал энциклопедию в надежде найти хоть еще кого-то, но все гении словно разбежались по другим дням. Седьмое октября было словно воронкой, оставшейся от падения астрологической бомбы.

Говорили, что в советское время это был День Конституции, но потом его отменили. День из красного стал серым… Я и Гиммлер с кровавой пастью одиноко ели торт.

Но шло время. Из газеты про звезд я узнал, что в этот день родился музыкант Том Йорк. Хоть что-то! Потом проскочила информация, что 7 октября — день сотворения мира в иудаизме. Уже неплохо!

А потом по телевизору сказали, что в этот день родился Путин. Владимир Владимирович Путин. А я Валерий Валерьевич Печейкин. И мы похожи.

И вот уже двадцать лет телевизор напоминает всем, кого нет в соцсетях, что меня нужно поздравить. Потому что поздравляют его.

Но знаете что? За эти годы я стал намного лучше относиться к Нильсу Бору и его квантовой теории спектров.

С праздником, Нильс!

Первый подарок

Вспомнил, что мне подарили на первый день рождения.

Мне 4 года, и мне дарят игрушку. Я спрашиваю, что я такое сделал. Оказывается, у меня день рождения — оказывается, этот день принято отмечать. Я радуюсь и одновременно огорчаюсь, так как не помню подарков на 3, 2 и 1 год. Сэкономили? Ладно…

Подарили деревянного Винни-Пуха с лапками на резинках. Я сразу отрываю одну лапу. Пух становится калекой, я прошу родителей поменять игрушку на новую. Ну, говорят мне, извини — теперь в следующем году. Я рыдаю: целый год! Лучше бы не дарили ничего, лучше оставили бы в неведении. Вместо этого: слезы, расчлененный Винни. Как говорил Екклесиаст, «он напрасно пришел и отошел во тьму, и его имя покрыто мраком». К вечеру я перестаю плакать, во мне растворяется первое детское отчаяние и осознание того, что я убийца. На следующий год мне подарят пожарную машинку, я тоже сломаю ее, но чуть позже. Потом будет еще какая-то игрушка, а потом подарки начнут совмещать с необхо-

димостью — школьный ранец, пенал, ботинки. Потому что накануне я уничтожил новые.

С тех пор день рождения, едва начавшись, изводит тем, что через несколько часов закончится. Как женщина не нужна 9 марта, как мужчина — всегда.

Страшней всего день рождения ближе к вечеру — когда хороших слов наговорят столько, что можешь стать донором комплиментов. Как же хорошо, что я не пью алкоголь. Печально видеть, как именинник превращается в роман-реку и стримит о том, что ему интересно. А все такие: чувак, уже как бы другой день, восходит заря безразличия. Я бы говорил о музыке, о нейросетях, о Кафке, а потом включил бы Fog Tropes Ингрэма Маршалла и смотрел, как расходятся гости. И мысленно видел, как светится в Кремле одно окошко — кабинет Путина. У него ведь тоже — сегодня. Но он тоже не пьет, как и я. Поэтому мы ничего не сказали. Мы просто помолчали, подумали. Я — о нем, он — о ничем.

С днем рождения тех, кто будет после нас.

Кумулонимбус и нимбостратус

В детстве нельзя было материться. Помню, как я довел мать до слез, принеся домой слово «п*****с». «В школе так сказал Дима Ковтунов. Мама, а что это такое?» — «Тебе отец объяснит!» Отец не объяснил. Объяснила жизнь…

Но однажды я нашел мат без мата. В энциклопедии «Вселенная и Земля» я прочел два слова. Кумулонимбус и нимбостратус. На самом деле ничего такого, кумулонимбусы — это кучево-дождевые облака, какие ходят сейчас над Москвой. А нимбостратусы — это слоисто-дождевые, какие затягивают небо осенью и наводят тоску.

Эти слова стали для меня самыми страшными ругательствами. В кумулонимбусе слышалось что-то вульгарное. А в нимбостратусе — тут и объяснять ничего не нужно. Как будто кто-то [какашка].

Я сделал эти открытия классе во втором и блистал ими класса до пятого. И блеснул однажды на уроке географии. В этот день проходили тему облаков. Одноклассник Дима Ковтунов на вопрос училки, какие они бывают, сказал: «Тучи». Все смеялись. А я сказал: «Кумулонимбусы и нимбо-

стратусы!» Все молчали. Но потом смеялись.

В другой раз нас попросили сделать устный рассказ о любимой птице. Дима Ковтунов рассказал про ворона, Настя М. — про голубя, а Валера Печейкин встал и сказал: «Моя любимая птица — желтогорлый рогатый жаворонок». Его я нашел в сборнике открыток «Природа Алтая». И мне показалось, что он — это я в мире птиц. Жаворонок выглядел как маленький черт. Как я.

Произнес я его имя как «желтоголлый логатый заволонок», потому что картавил. Отец тогда прочел, что для борьбы с картавостью нужно повторять слово «трамвай». Помню, как я сидел и говорил: «Тламвай, тламвай, тламвай…» Сказать «трамвай» не получилось ни разу. Но я обнаружил важный побочный эффект. Повторение одного слова вводило в наркотическое состояние. В нем слово «трамвай» полностью теряло свой смысл. А во-вторых, в него, как вода из кумулонимбуса, ливнем хлынули все прочие смыслы.

Тогда, в начальной школе, я испытал настоящий наркотический приход. Я несся в бесконечном тламвае по небу и нимбостратусу, кумулонимбусу на крыльях желтогорлого рогатого жаворонка — навстречу слову «серқуёш», которым начинался гимн Узбекистана. Оно зна-

чит «солнечный».

Никогда этого не забуду.

С тех пор я узнал и произнес все плохие слова. Сегодня я могу говорить слово [«гомосексуал»], но не хочу. Оно внесено в Конституцию. Я попробовал говорить «поправки», как когда-то — «трамвай». «Поправки, поправки, поправки…» — через две минуты слово потеряло смысл. Но наркотического эффекта нет. Нельзя наполнить смыслами то, что бессмысленно.

Добрые дети

В одном классе со мной учился мальчик-татарин, звали Дамир. Его все били, а он смеялся. Его трясли, бросали и возили по полу, когда нечем было заняться. То есть всегда. Дамир никогда не обижался, не жаловался, только иногда сильно морщился, когда втроем сильно прижимали к стене, зажимали нос и рот, не давая дышать. Ну или еще что-нибудь такое. Сегодня нашел его профиль в интернете. Любит книгу «Перст указующий», игру Silent Hill, телеигру «Уйти в отрыв!» и фильм «Чистильщик». Стал красивый, улыбается, глаза, как и тогда, — добрые.

Был еще один мальчик, имя не помню, только прозвище — Базарбай. Он приходил в школу с заточкой, иногда приставлял ее кому-нибудь к горлу. Учителя знали? Знали. Родители знали? Знали. Нам говорили, что дети должны сами решать свои проблемы внутри коллектива. У Базарбая было еще несколько друзей — компания корейцев. Один из них ходил с муляжом пистолета и, как говорил, пугал им проституток — чтобы те «бесплатно сосали». Были еще ребята в параллельном классе. Двое из них забрались в кабинет

русского языка и литературы. На столе лежали оставленные для проверки тетради. Ребята насрали в них и ушли, как пришли — через окно. Их нашли и отругали. Двое других через полгода забрались в класс математики, но срать не стали — просто подожгли. Еще двое написали над входом огромные слова: «Е****Я ШКОЛА». Под ними проходили линейки и пели песню: «Школьные годые чудесные!»

И вот сегодня, вспоминая чудесные школьные годы, я задаю себе два одинаковых вопроса. Я вспоминаю Дамира, над которым издевались, и спрашиваю себя: почему он нас не убил? Я вспоминаю Базарбая с ножом и спрашиваю себя: почему он нас не убил? Два одинаковых вопроса и один мой ответ:

Раньше дети были другие.

Добрые.

Я в искусстве

Творческий труд

Очень важная для меня тема: как оценивать чужой творческий труд. Итак, как это происходит в двух мирах — в России и в Европе.

В Европе:

«Дорогой Валерий!

Мы были очень рады получить Вашу работу «Кусок моего дерьма», сделанную из Вашего собственного дерьма, что делает работу очень личной и даже глубокой.

Все мы с интересом и уважением отнеслись к Вашей работе, в которую Вы вложили частицу себя, ведь Вам пришлось многое переварить, чтобы создать работу «Кусок моего дерьма». В ней есть теплота и мягкость, пряность и терпкость — все в одном бесшовном куске. Куске дерьма.

Спасибо Вам за нее!

Нам хочется помочь сделать Вашу работу еще интереснее, для чего мы написали 375 точечных комментариев по оформлению Вашей заявки. Будем рады, если вам удастся с ними ознакомиться и внести изменения. После этого мы сможем двигаться дальше вместе.

Спасибо Вам и хорошего дня!

Обнимаем Вас,
команда фестиваля «Дерьмо — всем»

В России:
«валентин печейкин.
Вы прислали работу «Кусок моего дерьма». Смотрите, у нас три вопроса:
1. Работа «Кусок моего дерьма» сделана из дерьма?
2. Это ваше дерьмо?
3. Почему?
Хотелось бы получить ответ на эти пять вопросов.
Также хотелось бы уточнить, с какой стороны начинать знакомство с вашей работой? В коробке оно лежало по диагонали. Это что-то значит?
Нам понравилась сама коробка. Очень хорошая коробка. Где вы такие берете?

Андреев Семен Андреевич,
руководитель специальных проектов отдела перспективных проектов фонда поддержки молодых инициатив «Чистый Байкал»

Дырокол

Два раза в жизни я был сильно не прав.

Первый раз такой. Мне был нужен дырокол. Всего лишь две дырки в плотной бумаге: тык и тык. Всё. Согласитесь, покупать ради такого целый дырокол — это глупо. Я жадина, но не дурак.

Короче, мы с другом придумали план по бесплатному дыроколингу. Зашли в «Комус», спросили про мощный дырокол, нам принесли — проверить. И вот тут начинается наш план: я отвлекаю комусиху, а друг — делает дырки. Но тут все пошло не по плану. Комусиха оказалась стервой. Вы, говорит, сначала купите, а потом дырки делайте. Мы отвечаем, что нам сначала проверить нужно. А она говорит: сделайте одну дырку — и если ок, то покупайте. Хорошо, а можно мы сначала… «Нет». Смотрю я на эту бабу и вижу: она умрет за дырокол. Вот реально — жизнь положит. Я не знаю, что делают с людьми в «Комусе». Я слышал, как люди гибнут за детей, за миллиарды, за смешное видео для ютуба. Но чтобы за дырокол — я такое видел впервые.

Ладно, ушли мы из «Комуса» с одной дыркой. Пошли в другой. Приходим, задаем те же вопро-

сы — только на этот раз консультант парень с коком на голове. Он не умирает за дырокол, но очень его боится. Я не даю, говорит, никаких гарантий, что он не сломается, что вы его не сломаете, вообще никаких гарантий не даю. Сначала купите — потом ломайте. А как же я узнаю, работает ли он? Это я не знаю — надо купить, потом пробовать. Даже дырочку не дадите сделать? Пожалуйста, купите…

И, знаете, я бы его дожал. Парень симпатичный, я заглянул в его глаза и увидел, что в глубине души он не продавец дыроколов, а мятный рыцарь… Но тут влезла какая-то бабка. Корректно называть ее пожилой женщиной. Но она явилась в виде старой дуры. Она влезла в наш разговор. И стала тянуть парня-продавца на кассу, чтобы он пробил ей какие-то тетрадки. И тут нас всех заклинило, как степлер. Мы все стали орать. Орала бабка, орал продавец, орал я. Мы орали минут пятнадцать.

И вот сейчас я понимаю сердцем, что был не прав.

Второй раз, когда я был не прав, случился накануне. Я тогда написал в фейсбуке, что у меня выходит книга. И через 0,5 секунды появился коммент: «Спасибо, но вашего бреда хватает

и здесь». Если бы коммент появился хотя бы вторым, хотя бы через 5 секунд… Но это была первая и мгновенная реакция. Я очень обиделся. И удалил. Получается, я задушил свободу слова? Получается, так.

И это критика!

Я тут испугался: прислали новость. «Критик раскрыла секрет литературного успеха автора пьес для «Гоголь-центра». Новость опубликована на сайте агентства ФАН. Это то самое медиа, которое этим летом опубликовало ролик с «мамой-геем» и вопросом «Такую Россию ты выбираешь?».

Я боялся нажимать на ссылку, как на тысячу вирусных вирусов.

Ну вы сами подумайте, что может быть за таким заголовком: КРИТИК РАСКРЫЛА СЕКРЕТ УСПЕХА.

Господи, что же там?!

Я приготовился читать: «Оголтелый квиросатанист замарал сто шестьдесят страничек, сделанных из убитых русских деревьев, ведь их можно было потратить на брошюру советов сибирской травницы, но нет, издательство с нерусским названием INSPIRIA решило отдать их этому вувузеле гомосексуализма, каждый слог которого — болезненная отрыжка, как если бы сам ковид научился писать. Секрет его — договор с дьяволом, подписанный на Госдепуслугах».

Но, знаете, ничего подобного. Вся статья — это ссылка на статью Лидии Масловой в «Известиях».

Например, такая цитата: «По мнению Масловой, которое критик привела в беседе с “Известиями”, доля очарования Печейкина как писателя заключается в его самолюбовании, вызывающем скорее умиление, нежели отвращение».

В общем-то, все.

Ну я даже не знаю, что сказать. Даже не знаю… Такую Россию я не выбирал. Где настоящая критика? Очнись, Россия!

Фотография с гирляндой

Помню, как меня впервые сфотографировали «как писателя».

Это произошло за час до церемонии премии «Дебют». Ее проводили перед Новым годом, и в зале пушкинского музея повсюду лежали гирлянды. Я нацепил одну из них и ходил. «Гирляндочку все-таки снимите. Вы писатель, хоть и молодой», — попросил фотограф. Оказалось, все это время я ходил с новогодней гирляндой на шее. Я снял. Я все-таки писатель.

Мой образ чрезвычайно нравился молодой писательнице Ире Г. А мне нравились ее сатирические рассказы.

Мы с Ирой много болтали. Потом была церемония, мне дали приз за драматургию. Ире тоже дали — за малую прозу. Обрадованные, мы продолжили разговаривать и после премии. Но сколько веревочке ни виться — ей приходит конец. И нашему разговору тоже. Но тут приехал Ирин муж — невысокий, пухлогубый, красивый.

Я тогда еще не знал, что они были накануне развода. И все время скандалили. Я ничего этого не знал. Но принялся болтать с утроенной силой,

чтобы развеселить обоих. Но муж только пыхтел. Потом куда-то ушел. Потом позвонил самой Ире Г., она извинилась и ушла.

Вернулась через несколько минут и сказала, что нервный муж уехал.

Потом мы встречались у нее дома в Питере. Ира нянчила маленького ребенка. Я спросил, где муж. «Развелись».

Так я узнал, что тогда ему не понравилось, что мы так много болтаем, что я не отхожу ни на шаг. «Он хотел бить тебе морду». Я помолчал и признался, ее муж мне очень понравился. «В каком смысле?» Я сказал — в каком.

Мы помолчали. У меня был фотоаппарат. Мы сделали фотку. Ира попросила только не фотографировать ребенка, потому что детей нельзя фотографировать. Ну потому что нельзя.

Той фотографии не осталась, но осталась эта. Я в праздничной белой рубашке. Без гирлянды, без ребенка, без мужа. Но скоро — с премией.

Тайна моей фамилии

Я тут зашел в… «Одноклассники», чтобы посмотреть фотографии своей школы. Ну, знаете, у бумеров такое бывает. И вот я смотрю фотографии со школьных линеек и начинаю обращать внимание на жилые дома, которые окружают школу. И тут я понимаю, что я никогда к ним не подходил.

Ни-ког-да.

Понимаю, что, родившись в Ташкенте, я никогда не был ни в Бухаре, ни в Самарканде, ни в Каракалпакской долине, не видел музей Савицкого — вообще ни-че-го.

Понимаю, что, работая в крохотном театральном мирке, не знал никого из моих теперешних коллег. Ни-ко-го.

А сейчас знаю их всех.

Но одного человека я узнал еще в Ташкенте и не забываю сейчас. Недавно мы буквально столкнулись на зум-встрече в Creative Writing School. Это Евгений Абдуллаев, прозаик, поэт, критик, переводчик, редактор-философ (настоящий, а не из инстаграма). Мы с ним всегда были с разных планет — это мягко сказано. Он прозаик, я дра-

матург. Он православный, я атеист. Он женат, я нет. Он родил и воспитал детей, я едва нахожу силы заварить чай. Но при этом мы, мне кажется, хорошо понимаем друг друга. Рискну сказать, что даже дружим.

Короче, если вы хотите кого-то почитать и не знаете Абдуллаева — начните читать. У него есть большие романы, вроде «Ташкентского», камерные повести, вроде «Глиняных букв, плывущих яблок». А если вы молоды и настолько наивны, что поступаете в театральный, возьмите одно из его стихотворений. Я, например, опус без названия, который, помню, заканчивается: «Бродит закат, в объективе его — всё темней. Пыль оседает, и кот пробегает по ней». Ищите его по кудрявому псевдониму Сухбат Афлатуни (дословно «Диалоги Платона»). Ну а если совсем лень — послушайте его лекцию на TEDx — «Поэзия в большом городе».

Евгений Викторович, кстати, был тем самым человеком, который отговорил меня брать псевдоним. Я хотел быть Дмитрием Тихомировым. Но он посмотрел на меня и сказал: «Валера, то, что вы пишете, написал автор с фамилией Печейкин. Более того, в русской литературе сочетание первой буквы «П» и «-кина» священно. Пушкин, Пелевин,

Прилепин». Тогда, развлекаясь, мы придумали мне синтетический псевдоним Пушлейкин.

Короче говоря, он может все. А я только учусь у него.

Бытописание

Женщины и диван

Я понял, почему бедные люди такие бедные, особенно русские.

Был у меня диван, который я не хотел выбрасывать, а решил его отдать — тем самым бедным людям. Сделал объявление на «Юле», и началось — стали писать мне бедные люди.

Сначала: ой, неужели бесплатно. Потом: ой, а почему отдаете, что с ним не так? Потом: а он разбирается? Потом: сфотографируйте по-другому, спинку, ножку и гузку. Потом: а как я его вынесу, вы мне поможете? Потом: я приеду, ой не приеду, ой завтра, ой невамор.

И все это были женщины: Ольга Б., Ариша Н., Марина Д., Ира С., Виолета П., Наталья К., Виктория П., Ульяна Ч., Фиолета Ч., Ольга С.

Так они писали, звонили, кокетничали, охали, интриговали, пока не приехали на «газельке» два азербайджанца с ключом-десяткой и, тихо матерясь, не разобрали диван на молекулы. Поздравили с наступающим и увезли диван в неизвестном направлении. Сидит на нем сейчас, наверное, отец-вахтер и охраняет склад мокасин.

Так в эволюционной борьбе азербайджанцы

победили бедных русских женщин.

Рукавичка

Иногда у меня бывает такое: я покупаю на «Озоне» товар, а потом его возвращаю. В этот раз я купил рукавичку в виде медвежонка…

Нормальные люди напиваются ночью, звонят бывшим или покупают в Китае реплики брендовых кроссовок. А я покупаю хлам на «Озоне».

Я делаю это в те минуты, когда кажется — так будет смешно. Смешно, если я приду куда-то в гости, меня спросят как дела… а я ненавижу этот вопрос. Тогда я выну рукавичку, открою рот медвежонка и скажу: «Я устал и хочу умереть».

Или когда я работаю и какой-то бездельник спросит, почему у меня такой серьезный вид. Да потому что я работаю, вашу мать! Но скажу это не я, а рукавичка.

Или когда приду в какую-нибудь компанию, а там зумеры, у всех эйрподс и батплаг, сидят, обсуждают квир-теорию или читают мои гей-пьесы. В этот момент так хочется взять рукавичку-медвежонка и просто, ничего не говоря, вставить в нее руку… Сделать «а-а-а…». И так же молча снять.

Или, когда враги России будут покушаться на нашу Сибирь, надеть тряпичного медведя на

руку. «На!» — взмахнуть и выбить им, врагам, зубы.

Вот такая полезная вещь!

Но потом наступает утро, я просыпаюсь и понимаю, что идея с медвежонком — очень плохая. Никто не улыбнется. Мир мрачен, как дежурный у эскалатора. И я иду в «Озон», чтобы вернуть игрушку.

Захожу. За прилавком сидит мальчик. Я ему говорю, мол, так и так, возврат товара. Он говорит, хорошо, давайте сюда. Начинает щелкать клавишами… И в этот момент дзынькает дверь, кто-то входит. Какой-то мужик. А мальчик за прилавком громко говорит: «Вы возвращаете товар — рукавичка в виде медвежонка! Сумма к возврату 330 рублей! Все верно?!»

Я смотрю на мужика, он смотрит на меня. Мне хочется что-то ему сказать, объяснить. Но я чувствую себя как кубанский массажист, который говорит в суде: «Это был не член, а логопедический колпачок» (погуглите). Но как я объясню случайному мужчине, почему я покупаю и возвращаю рукавичку? Но вдруг по его глазам я вижу: он все понимает. Возможно, он сам иногда сидит с рукавичкой дома.

Я вижу: тихая теплая ночь. Его левая рука наде-

вает на правую — рыжую лисичку. А затем правая на левую — серого волка. И в тихой теплой ночи они начинают говорить. Лисичка рассказывает волку про мир людей — о диктаторах, сажающих самолеты, о «Евровидении», новой маскулинности, «Северном потоке–2», юбилее Сахарова. А об этой тихой теплой ночи расскажешь? Расскажу, волк.

И они разговаривают.

Коробка из «Икеи»

Привезли заказ из «Икеи». В нем есть коробка «Кварнвик». И к ней инструкция — как собирать. Ну, думаю, я что, дебил, чтобы читать. Это как инструкция к туалетной бумаге.

Беру часть коробки, все понятно — вот стенки, вот дно. Чтобы его собрать, нужно подогнуть нижние части. Подгибаю, но друг в друга не входят. Хм, думаю, странно… что же делать… Не брать же инструкцию?

Взял как бы случайно, как будто заглянул в тик-ток: просто из интереса. Короче, написано, что не нужно пытаться сложить дно коробки, сгибая силой одну из частей. А как ее тогда, блин, собрать? Ка-а-а-к?

Да пофиг, решил я. Согнул, поднажал — дно сложилось в… днище. Коробка встала, но не стоит. Ну и хрен с ним, думаю. Тупая коробка. Тупая Швеция.

Собрал так вторую коробку. Тоже не стоит нормально. Потом смотрю, а если вот так, чуть-чуть по другому сложить, то… Блин. Так вот оно как собирается-то: ровное дно, без сгибов.

И тогда я понял, что я русский. Весь опыт жизни

подсказывал, что нужно надавить, поднажать, приплюнуть, бочком-бочком, немножко молоточком — и тогда все встанет на свои места. Инструкция — для слабаков. Руки сами приведут тебя к правде. Пару раз получится плохо, но в третий — суперкруто.

Поэтому, кстати, и Путин не уходит. Он знает, что два раза будет днище, но в третий — красивое дно.

Отпариватель

Сегодня объяснял студентам-режиссерам, что такое характер. И почему он существует в ситуации. Пример.

Я жду курьера. Он должен приехать до 14.00. В 13.58 его нет. Я звоню:

— Здравствуйте, заказ по такому-то адресу.

— Ага, до 14.00.

— Но сейчас 13.58… Вы успеете за 2 минуты?

— Нет.

Пауза. Я жду, что курьер предложит мне решение, но он просто молчит. Я предлагаю ему вариант: я попрошу соседа дождаться его до 15.00. Курьер говорит, ага, отлично.

В 15.00 должно начаться мое занятие по драматургии. Я пишу соседу в телеграме, приехал ли курьер, и получаю ответ «нет». Снова звоню.

— Здравствуйте. Мы договаривались, что вас подождут до 15.00. Вы будете?

— Ага.

— Но сейчас 14.58. Вы успеете за 2 минуты?

— Нет.

Пауза. Я жду, что курьер предложит мне решение, но он просто молчит. Он просто молчит! И

тут я понимаю, что курьер глубокая творческая личность, а я нет. Его характер победил ситуацию: он просто смотрит в глаза конфликту, бросая вызов страху. Его выбор сделан. Очередь за мной. Теперь я должен сделать выбор: нужен мне отпариватель или нет.

Я выбираю жизнь.

Расческа

Шел вчера мимо «Артплея» и встретил подругу — она хлопнула меня по плечу и спросила, как дела. Но не спросила, что я тут делаю — очевидно же, что я иду на «Артплей», или за техникой в Zoom, за фотоаппаратом. Или на «Винзавод». Или в рокерский гадюшник — может, туда? Но нет. Я шел за складной расческой.

Накануне я нашел такую на «Озоне» за 357 рублей. «А вы не охренели?» — сказал я. И нашел точно такую же за 75 рублей в магазине возле «Курской». Туда я и шел.

И вот, встретив знакомую, понял, что со мной не так. Я не понимаю, откуда берут энергию и идеи те ребята, которые переходят из одного музея в другой, которые передвигаются между одним загоном для хипстеров к другому.

А я шел за расческой. А вокруг бурлила программа «Моя улица». Это было что-то невероятное! Я видел лица и лопаты людей, которые реально меняли жизнь. Кусища бетона, вонища, мат, что-то дымилось и корежилось — мимо бежали эскортницы, сжав ноздри, и тут же какие-то бородачи вскрывали асфальт. И я. Я рисковал жизнью,

пробираясь между самосвалом и экскаватором, между проезжей частью и раскопанной бездной. Я стоял на краю жизни. А хипстеры валились в яму смерти и булькали там.

Подруга, которую я встретил, училась когда-то в одном творческом вузе. Помню, как пришел к ней однажды, а она показала мне двор. А там — полдесятка дорогих автомобилей и длинный сверкающий лимузин — как член в презервативе. «Что это?» — спросил я. Оказалось, это автопарк проректора. Он сдает тачки в аренду, а двор общаги использует как парковку. Тамошние студенты сочиняли «духовку» про поиск бога, про бродячий цирк, инвалидов, многодетных, священников, метро, как трудно быть молодым. А лимузин не заметили.

Зря. Ведь лимузин — это жизнь. И любая эскортница, которую он возит, знает об этом. А мы только догадываемся. Зря.

Пароварка

Фак, у вас есть мир попроще? Купил овощи для пароварки, которой никогда не пользовался. Прихожу домой, пытаюсь понять, как готовить. Ничего не понимаю: какая-то чаша, под ней шпунька, над ней пластиковое блюдо с дырками. Зачем это? В инструкции клинопись: ничего не понятно.

Потом смотрю, а у меня же мультиварка. Тьфу ты. А чем она отличается от пароварки? Лезу гуглить и понимаю, что мультиварка и пароварка — это как эпидемия есть, но Парад Победы тоже… Ну, вы поняли. Короче, я просто хренакнул овощи и нажал кнопку. Через 10 минут вытащил. Ну, скажем так, овощи вышли на плато…

Добило меня то, что, как оказалось, пароварка 10 минут только разогревается. То есть я съел неприготовленные овощи. То есть да, овощное плато. Тут я чуть не заплакал. Почему я, гений, должен тратить на это время, почему еду нельзя напечатать, как в сериале «Upload». И то может закончиться картридж с жирами… Короче говоря, я немного Божена Рынска: мне нужно пол-ярда и слугу.

Все это меня так расстроило, что я съел сырники о-т-д-е-л-ь-н-о от сметаны. Это как секс в ковид-скафандре. Как танцевать под песню, которую поешь. Фак.

Я ел чистую сметану и смотрел ютуб. Включилась реклама, где бородатый мужик сидит в тачке и говорит: хватит ныть, включи голову, сделай что-то прямо сейчас. Знаешь, в чем секрет жизни, Печейкин? Это слово из 8 букв. Первая «к», последняя «д». К******д. Кооооовид? Кандидоз? Нет, там «д» не в конце. Коммммод? Нет, скорее «казнокрад». Или даже «конезавод».

В общем, сижу как кот: рот полон сметаны, а голова — мыслей.

Алкоголь

Я не пью алкоголь уже много лет. Все мои коллеги знают об этом. Они не едят мясо и пьют. Я ем мясо, но не пью алкоголь. И первый вопрос на банкете: «А почему?»

Одни считают, что можно есть убитую курицу, другие — можно убивать себя. Я просто лучше отношусь к себе, чем к курице.

Я не пью и не считаю это событием. Я ведь не рассказываю вам об этом каждый день — правда? Вы знаете, что я ем дошик и сырок. Но я не отчитываюсь в фейсбуке: не пью месяц, не пью два, посмотрите на мою кожу.

Я принял решение не пить — для себя. Что делать вам — я не знаю.

Лет пять назад я (еще в ЖЖ) отругал алкоголь. И тогда мои комментарии завалили друзья-гуманитарии — мне присылали селфи со всяким Château Margaux. И сообщения в духе «пью этот яд прямо сейчас», «привет от алкоголика», «попробуй пить, станешь добрей» и проч.

Говорить об алкоголе так же трудно, как о гомосексуальности. Я не «алкоголефоб, но…», «У меня есть знакомые алкоголики, и я к ним нормально

отношусь...»

Но разница вот в чем. Гомосексуальность не гомосексуализм. А алкоголизм — это алкоголИЗМ. Не алкогольность.

Важный признак алкоголизма — это его отрицание. Я давно признал: если я не пью алкоголь, это не делает меня не-алкоголиком. Алкоголики — все. И я тоже. Давайте здесь успокоимся, отшутимся и пойдем дальше, ок?

Алкоголь больше похож на оружие, чем на секс. И это оружие часто промахивается. Комментарии: «А у меня всегда в яблочко!», «Может, у тебя просто не стоит?», «Проверь ствол».

Да, алкоголь оружие. Просто один им защищается от стресса. Хватает бутылку и — бах! Другой алкоголем нападает и убивает. Человек имеет право делать с собой все, что угодно. Проблема в том, что он делает это с другими. Это оружие промахивается.

«Гитлер не пил алкоголь». «Лев и Валера против!» «Сырки — тоже зависимость».

А еще мы все пьем воду. И хорошие, и плохие. Только вода не дает такого эффекта. И жаль, что хорошая минералка стоит как плохое пиво. Я недавно возвращался ночью домой и на расстоянии 50 метров увидел две компании. И, друзья,

они не напились пепси-колы. Одни кричали: «[Мужской половой член] в [фекалиях]!» Другие просто: «Бееееээээ…»

Алкоголь — это керосин, вылитый в пламя дурака. Поэтому я аккуратно обошел эти компании. Как избирательные участки.

Когда я учился в Литинституте, то пил через вечер. Помню, как мы ходили в «Магнолию» ночью за водкой. «Может, не надо, мальчики?» — спросила нас продавщица. «На-адо», — сказали мы. Почему я пил? Потому что мне казалось, что литература и алкоголизм — это как орфография и пунктуация. Алкоголь помогает расставлять запятые в течение дня. Вот ты лежишь троеточием, потом накатишь, подпрыгнешь как восклицательный знак, потом… Потом снова троеточием…

А потом я решил, что буду писать сам.

Друзья, если коротко и прямо: пожалуйста, постарайтесь отказаться от алкоголя. Хорошо, это слишком резко. Постарайтесь пересмотреть свои отношения с алкоголем. Конечно, он помогает вам быть веселей, остроумней и делать селфи. Поблагодарите его за это. Но однажды он может вас убить. Или кого-то — вами.

Шелковые объятия

Не знаю, было ли у вас такое — любовь с первого звука. Не взгляда. Слышишь голос и понимаешь — это твой человек. Готова родить. Жениться. Украсть в ковре.

Звоню в маркетплейс, чтобы уточнить детали заказа. В трубке голос молодого человека: «Здравствуйте, меня зовут Сергей…» И все — я понял, что это он. Мой губернатор. Фургал моих ушей.

И он тоже, кажется, понимает, что я его избиратель. Мы все друг про друга понимаем, но сказать не можем. У меня — заказ, у него — алгоритм.

Сергей начинает подробно перечислять детали моего заказа. И по заказу все про меня понятно.

— У вас… капсулы для стирки с ароматом Lenor…

— Да… — я хотел сказать «да, я такой», но сдержался. Сережа, жги.

— Саше для белья «Орхидея»…

— Да…

— Саше «Весенний жасмин»…

— Да……

— И… саше… последнее… «Пробуждение чувств».

Тут я чуть не заплакал: что ж ты делаешь-то, Сергей?!

— Вы сказали, саше «Последнее пробуждение чувств». Но оно не последнее. Будет еще…

— Я в том смысле, что оно последнее в заказе…

— А…

Мы молчим.

— Ваш заказ подтвержден и будет доставлен 1 августа.

— Хорошо…

— Я чем-то еще могу вам помочь?

— Ничем.

— Тогда я желаю вам доброй ночи.

— И вам.

Я зашел в гардеробную, взял в руки саше: старое и выветренное. Встряхнул, вдохнул. Прочел надпись: «Шелковые объятия». Повесил обратно. Стоял в темноте. Всё.

Покупатели супермаркета

Зашел в продуктовый магазин забрать ароматические саше с маркетплейса. Пока кассирка искала заказ, я оглянулся — на магазин, на очередь, на мужика сзади. Три банки крепкой «Охоты» и консервы «Жаркое». На фото оно выглядело как гангрена для пачек сигарет.

Несколько человек, выпучив глаза, разглядывали ценники. Трехсоткилограммовая женщина вертела в руках упаковку с мишками Барни. Несколько мужичков зависли в отделе алкоголя — вечер пятницы, час до закрытия, надо успеть.

И вот смотрел я на людей и думал, кого же они мне напоминают. И понял.

Накануне я посмотрел «Самый лучший день» Жоры Крыжовникова. Это были они. Только они не пели. Не танцевали. Не Нагиев.

Им дали Конституцию, заасфальтировали радугу, скидки на пиво — а они. А что — они? Они напоминали персонажей в поисках автора. Электрических кукол с погасшими батарейками. Будто кто-то обещал вдохнуть в них жизнь и пустить ток. Но они перегорели и задымились.

Тем временем у меня в наушниках зазвучал «Transgender Dysphoria Blues» Against Me! Слова: «And you know it’s obvious But we can’t choose how we’re made».

Мне принесли коробку с саше. Сквозь картон пробивался запах орхидеи и жасмина. Искусственный. Но запах супермаркета был сильнее. И естественней. Как будто жаркое в банке стало мыслить. И верить, что, когда откроется крышка, оно встретит бога.

Саше ни во что не верит. Просто висит. Просто благоухает. Как память о настоящем жасмине.

эмодзи цветка

Растения против зомби

Я очень люблю игру «Растения против зомби».

И люблю ставить ее в пример студентам-драматургам. С точки зрения киноредактора, эта игра абсурдна. В чем конфликт растений и зомби… в природе? Или «Angry birds» — в чем биологический конфликт птиц и свиней? Это же не кошки и собаки, не мужчины и женщины. Никакой биологии или социалки. Даже шахматы и те понятней — черные и белые. Только белые, сволочи, ходят первыми. «Растения и зомби» объясняют важную идею, что важен не открытый конфликт, а абстрактный. Он обнажает саму суть игры — желание играть.

Но сейчас я понял, что здесь все-такие есть конфликт. Но тайный. Растения и зомби противостоят друг другу онтологически.

И сегодня я понимаю это как никогда. Я растение, замершее в ожидании атаки зомби. Я просто базовый горошек, который плюется одной горошиной в две секунды. Любой зомби сожрет меня секунды за три.

Я горошек, который сидит в изоляции. А зомби все время куда-то идут, едут, чихают, кашляют и

мычат: «Brains...» Я выхожу на улицу: у четырех человек из пяти в глазах — мутная вода. Им нужны мои мозги, потому что своих у них нет. Вместо мозгов у них — мнения. Мня-мня-мня.

«Plants vs Zombies» можно увидеть и через «патриотическую» оптику. Как конфликт подмосковных дач и западной военщины. Мирных грядок и Евросодома. Росла тихо наша ботва, никого не трогала, а тут вдруг zombies are coming. И наползла западная гниль на наши шесть соток. Идут, трясут однополыми пестицидами на православные помидоры. Или перевернуть все так: рос девственный укроп, мужала картошка, а на них повалила вдруг колорадова туча.

И почему политтехнологи не используют этот ресурс — игр на мобильниках и планшетах? Уж зомбировать так зомбировать.

Я, например, включая любую игру, принимаю сразу оферту, нажимаю на «далее», на «пропустить», на «принять». Ой, это было «проголосовать». Уже нажал. Ну ладно. Блин. Ок.

Соседка по Софрину

Звонок в дверь. Женский голос говорит: «Здравствуйте! Не могли бы вы мне открыть дверь в подъезд? Я иду к вашим соседям». Обычно я не открываю, у меня хорошо настроено ухо: я слышу, человек просто хочет рассовать флаеры из пиццерии. Или однажды детский голос спросил в домофоне: «Здласьте! А у вас лядом зивёт алмянская семья?» Это, очевидно, маленький маньяк.

Но этому женскому голосу я поверил. И открыл. На всякий случай посмотрел в глазок, кого впустил. На площадке появилась высокая женщина за пятьдесят. Звонит соседям. Открывает дверь сосед В.

— Здравствуйте, В.! — говорит незнакомка.

— Здравствуйте. А вы кто?

— А я ваша соседка по Софрину.

И дальше начинается лайт-версия сорокинских писем Мартину Алексеевичу. Незнакомка приехала из Софрина к В., так как на звонки он не отвечал. Тридцать лет назад она стала его соседкой по даче. В семье В. десятилетия разворачивались «нормальные склоки». Они закончились тем, что все члены семьи больше не разговаривают друг

с другом — «прошлое — отрезанный ломоть». Все переругались и даже пересрались до состояния, названного Сорокиным «дрисня говна». Незнакомка в этом не участвовала, но ее стервозная свекровь — да.

Прошло тридцать лет, все разъехались и поумирали. Умерла прошлой зимой и мать В. До самой смерти никто из участников семейного скандала не изменил взглядов. Как сказал В.: «Каждый судит со своей колокольни, если она поместилась в могилу».

На трех сотках в Софрине соседка теперь хочет поставить теплицу. Но В. в права наследства вступать не хочет, отписывать три сотки — тоже. «Просто оставьте в покое». Незнакомка умоляет: «Я же не цыганка, чтобы забирать чужое. Я вам деньги дам!» В. не берет, незнакомка умоляет, В. отказывается: «Делайте что хотите!» — «Но не могу по закону…»

Я вернулся на кухню, заварил кофе, включил ютуб. И ровно в эту минуту вижу: летит квадрокоптер над зеленым лесом, а мужской голос говорит: «Еще раз внимательно посмотрим на участок Трутнева. Вот это 7019 задекларированных им квадратных метров. Видите проблемку? Участок на самом деле в два раза больше. Он со-

единен с соседним участком — 6874 квадратных метра. Полпред Трутнев фактически пользуется соседним, оформленным на не связанное с ним юрлицо участком. Но это никак не проходит по документам и не декларируется. Вот смотрите, он даже тропинку специальную проложил…»

И вот я смотрю на 1,5 гектара Трутнева, а под дверью у меня женщина умоляет продать ей три сотки. Она поставит на них тепличку, пройдет год, а может быть, два. Но разящая рука правосудия доберется до нее. И покарает, и разорит. Потом журналист на пресс-конференции попросит у Путина помиловать несчастную. И Путин помилует. А Дмитрий Ольшанский скажет: а ведь мог не миловать, она ведь НАРУШИЛА ЗАКОН.

Полтора гектара и три сотки. Недвижимость за 2 млрд. и теплица. И закон, который мы пытаемся уместить, как колокольню в могилу. Очень высокую в очень глубокую. Россию в Россию.

Мой рай

Приснился странный сон. Я умер, но попал в рай. А попал, потому что успел покаяться в последний буквально момент. На последнем вздохе сказал: «Господи, прости за всю ху…» И уже в раю договорил: «…йню». Но мне зачли покаяние. Видимо, была какая-то акция или в честь 75-летия Победы — не знаю.

Короче, я в раю. Он выглядит как галерея современного искусства. То есть светлые стены и мало людей. Они смотрят на маленькие картинки, висящие на стенах: какие-то литографии, цветочки, пейзажики.

Часть сновидения проходит скучно: я просто хожу из зала в зал. Наконец с кем-то заговариваю и признаюсь, что первый день в раю и попал сюда в последний момент — успел покаяться. Это как успеть в последний день подачи налоговой декларации. Так я, конечно, не шутил, а просто поделился радостью с незнакомцем. И понял, что его расстроил. Не вижу его лица, но, чувствую, оно недовольное.

Дальше все как во «Сне смешного человека» Достоевского. Я уничтожил рай. Было это так…

После признания я продолжил ходить по бесконечной галерее. Вскоре встретил группу людей. Это святые. Они ни дня в своей жизни не дрочили, все гетеросексуалы, русские и так далее. И они не понимают, почему мы на равных: они не дрюкали не разу, остальные дрюкали — и все в раю. Я понимаю, что они во многом правы, но сделать-то ничего не могу. А потом вижу — еще группа и еще, еще. Почти святые (кто подрочил всего один раз), почти-почти святые (дрочил два раза). И так далее.

Началось бесконечное дробление.

Но рай так устроен, что там все залы одинаковые и ни одной скамейки. То есть негде собраться, сесть и организовать святой донбасс. Так бы каждая группа заняла себе зал и пускала только своих. Но нет, в раю не так. Все просто ходят и ворчат. А я как нулевой пациент хожу, опустив голову, боюсь глаза поднять: с меня же все началось. А главное, в раю нет Бога: к нему бы все пришли и ё-маё, что за дела. Но его нет.

Проснувшись, я стал думать, отчего такой сон. Вспомнил Флоренского, вспомнил Фрейда, но ничего не смог ими объяснить. И тут я вспомнил: перед сном в час ночи я вынул из морозилки свиную грудинку. И увидел, что ее срок годности

закончился 16 мая этого года. Но хранилась-то она в морозилке, а не просто в холодильнике. Плюс в вакуумной упаковке. И вот я стоял и думал: можно ли ее съесть? Но решил не рисковать. Была такая мысль: «А вдруг она испортилась и я умру во сне?» И что-то мне не захотелось умереть из-за свиной грудинки. Главным образом потому, что во сне нельзя быстро покаяться.

Вот так мысли о сроке годности свиной грудинки привели меня к религиозным исканиям. Друзья, не оставляйте никогда духовных поисков: пусть они осветят вашу юность, зрелость и пенсию. Люблю вас, братья, сестры и внегендеры.

P. S. Итак, вопрос: есть ли свиную грудинку после разморозки? Спасибо.

Кошачий рай

Папа римский заявил, что удовольствие от еды и секса — исходит от Бога. На самом деле я заявил это на неделю раньше, когда побывал в Свято-Троицком Стефано-Махрищском ставропигиальном женском монастыре. Уф, еле выговорил! «Ставропигиальном», как мне объяснили, — это «федерального подчинения». Возможно, поэтому монастырь производит такое люксовое впечатление. А, возможно, потому, что на него действительно снизошла божья благодать.

Это очень легко понять по его обителям. Я не про монашек. Я про котов.

Рыжика, экзотика, черныша, ваське, трехцветной кисоньке. И двум огромным мейн-кунам. Одного зовут Марсель, и он, как сказала, монахиня, «боится мужчин».

Все толстенькие, но в меру. Шерстка лоснится. Васька лезет на руки, экзотик трется об ноги. Мейн-кун, правда, убегает, но это только потому, что слишком популярен, как Даня Милохин.

Так вот, по каждому зверю видно, что здесь — благодать. Здесь едят, молятся и любят.

Стефано-Махрищский монастырь лучшее место во всей округе, созданное по всем варламовским канонам — дорожки, газон, клумбы и беседки. Рекреационная зона, кулинария, ремесла, торговля, социальная жизнь — все здесь. И вокруг ни одного места, которое могло бы конкурировать по осмысленности и чистоте. Из других достопримечательностей — табличка «Бросишь мусор = проклятье + штраф 50 000 руб. по КоАП».

Поэтому, когда я слышу про «3 храма в сутки», то для меня это сообщение звучит двояко. В Москве — нет, не надо. В остальной России — давайте больше. Потому что ни одна другая структура не проведет электричество, водопровод, не начнет торговлю и движ.

Так вышло, что вокруг тик-тока, VR-очков или моих пьес жизнь в России не организуется. Почему — будем разбираться. Но мое железное доказательство в том, что хорошие коты не водятся там, где плохо. Вокруг меня сейчас нет ни одного кота, например… Бог не дал.

А святой Стефан Махрищский передал через них свое благословение на производство скармоццы, кочатты и хлеба двадцати сортов. После такого — только секс. После секса — только в рай.

Мяу.

Кошачий ад

Я потерял веру в человечество. Зашел на ютуб-канал Teddy Kittens и посмотрел видео «Котенок сладко спит вместе с цыпленком». Там уже 9,4 миллиона просмотров — мой один из них.

И тут я гляжу под видео: у него 278 тысяч лайков и… 12 тысяч дизлайков. Двенадцать, мыть их, тысяч дизлайков!

Я открыл соседнее видео «Губернатор свалок с Лазурного побережья» с «Навальный LIVE». И там 27 тысяч лайков и 323 дизлайка. То есть людей спящие котенокцыпленок бесят гораздо больше, чем коррупция губернатора Ленобласти Александра Дрозденко.

Люди, вы кто? Вы вообще люди?

Что должно произойти с человеком, чтобы он поставил дизлайк котенку и цыпленку? Я несколько раз пересмотрел видео: зверята не делают ничего плохого. Котенок не сожрал цыпленка, они не какают, не отрицают Холокост, не делают котозигу. Ничего, кроме высокой милоты.

Может быть, не нравится съемка? Отсутствие закрученного сюжета? Неясно, в каких они

отношениях? Эти 12 тысяч — это операторы российских рэп-клипов или кинокритики, которым не понравился новый Нолан.

Или это души единороссов, оставшихся без работы после «умного голосования»?

В общем, если вам некуда деть свой гнев, то вы знаете, что делать. Сегодня, именно сегодня.

Давайте сохраним нашу страну, чтобы котята и цыплята могли спать вместе.

Взгляд охранника

Зашел в магазин. А там новый молодой охранник. Лицо в маске. У охранников два главных инструмента — рация и глаза. Как у слепых обостряется слух, а у глухих — зрение. Так и у охранников заостряется прищур.

Из-за пандемии у москвичей стал появляться осмысленный взгляд. Тринадцать лет назад я впервые спустился в московское метро. И что я увидел: все пассажиры находились в состоянии делирия. Помню, Угаров на «Новой драме» проводил эксперимент — заставлял профессиональных артистов сидеть на сцене, «выключившись», как люди в метро. И ни у кого не получилось: все играли, наигрывали, пионерили и проч. А главное — таращились. Только один простой зритель вышел, сел и «выключил лицо». И оно потрясло всех как голова горгоны Медузы. Стеклянные глаза метрополитена, как дыхание смерти, обожгли зал. Эксперимент пришлось остановить.

Но теперь глаза начали жить. Я смотрю на молодого охранника и вижу, что его лицо живет под маской, а глаза веселятся. Ресницы как у быка или будды. Он еще не научился сканировать

зрачками штрихкоды, через неделю научится. А пока у него просто два синих глаза и прыщи на лбу. Если бы не прыщи, он мог бы подрабатывать в рекламе — продавать суши, кошачий корм, только не кредиты. Там нужны другие глаза.

Жаль, что никто не скажет ему об этом. Посмотрел на него, в наушниках заиграла Mazzy Star: «Til your eyes share into dust. Like two strangers turning into dust». Прощай, незнакомец, я уношу память о тебе и салат с моцареллой.

Яйца и рация

Господи, ну почему со мной все время что-то происходит!

Захожу в магазин, у входа все как обычно — тележки, корзинки, крутятся охранники. Беру корзинку и иду к холодильнику, где выставлены блинчики и салаты. Здесь обычно скидки. Глаза ищут их.

И вдруг… звук!.. и странная тяжесть… наливает руку… правую…

Смотрю корзинку: в ней лежит рация.

Как рассказывали позже свидетели, произошло следующее. Я стоял у холодильника с салатами, рядом шел веселый охранник. Возможно, не просто веселый, а навеселе. Он держал рацию за антенну и помахивал ей. Антенна выскользнула, а вместе с ней рация, как праща, пущенная Давидом в Голиафа, пролетела и упала ровно в мою корзинку.

— Извините, но я это не брал, — сказал я.

И наивно захлопал глазами: мол, я не буду покупать вашу рацию. А потом рассмеялся: я, охранник, продавщицы, салаты, скидки — все.

Так вот, вероятность того, что из рук охранника

вылетит рация, пролетит по воздуху и окажется в моей корзинке, равна… Как видите, не нулю, но очень к нему близка. Но я всегда выхватываю у судьбы эту вероятность!

Притом что не прошу! Притом что по складу характера я не охотник за головами, а охотник за скидками. Не поэт, не авиатор, не искатель. В душе я домохозяйка. Меня сводит с ума Тимоти Шаламе и сырники с малиной.

Сегодня напомнили анекдот, который описывает мои отношения с жизнью. Она меня пранкует, а я — ну ок, жизнь, давай пока.

Анекдот такой: усталая женщина заходит в подъезд, едва волочит ноги, в руках тяжелые хозяйственные сумки. Вдруг… на лестничной клетке… эксгибиционист!.. Он распахивает плащ, под ним — член.

Женщина смотрит уставшим взглядом. Потом говорит:

— Тьфу, яйца забыла купить!

…

Оливье и вечность

Вернулся вечером из гостей, принес оливье.

Утром проснулся, и первая мысль: надо доесть. Холодненькое, в стеклянной миске.

Достал, поставил, открыл: оно совершенно. Стал есть и думать, что есть оливье как смысл. Ведь оливье — это не просто салат, но и мысль, выраженная салатом.

Прежде всего оливье — это имя. Это талант Лоренса Оливье, это классика авангарда Оливье Мессиана, а посмотрите, как похоже оно на портреты Фернанды Оливье, модели Пабло Пикассо.

В оливье есть всё сразу, всё сразу: колбаса, огурчик, морковка, а также мудрость, разнообразие и цельность — потому что оливье — это взгляд бога на нашу планету. Он задумал ее как салат, сказал: пусть всё растет. Только не ешьте друг друга, а кушайте оливье.

Оливье возвращает Россию в мировой контекст. Россия — майонез мира сего. Секретный ингредиент, без которого салат был бы сух. Этот мир стоит на России, как оливье — на капле майонеза, как сама Россия — на слезинке ребенка. Майонез как мать, мазик как маза — удача во всем.

Я ел его и чувствовал, что я — горошинка, попавшая на вилку. Одинокий, когда я вырван из моего салата. Круглый дурачок, когда я не часть целого. Но лишь я окажусь во рту, на родном языке, я уже часть моего народа. Моего салата.

Съел половину, остальное — вечером. Когда над городом появится звездное оливье. И сама Земля в нем как горошина, а Млечный Путь — веточка укропа, а Вселенная — та еще петрушка.

А может быть, все мы снимся оливье. Я не знаю, я жду ответа.

Политика

Человек и аналитик

Как выглядит в России разговор простого человека и аналитика.

— Здравствуйте, я безымянный простой российский человек, но хочу быть чуть менее простым.

— Угу. Я аналитик. В чем вопрос?

— Накануне я возвращался домой. Меня схватили какие-то люди, ограбили, засунули в зад пучок петрушки…

— Вопрос-то в чем?

— Так вот, вопрос… что это за безобразие?

— Спасибо за ваш вопрос. Я бы мог начать с того, чем отличается федерация от конфедерации, республика от монархии, демократия от автократии. Все это очень интересные и важные вопросы. Но я уже забыл, о чем вы спросили… Да и какая разница, что волнует такую козявку. Изучать нужно не козявок, а их первопричину — нос.

— Апчхи. Правда!

— Будьте здоровы.

— Спасибо за ответ. А что почитать на эту тему?

— Вы читали труды Рональда Инглхарта?

— Не читал. Я просто все это время был в гневе

и растерянности. Это такое унижение: приходить домой с пучком травы в заднице!..

— Так вот, попросите в следующий раз заснуть вам в попку труд Инглхарта. Не сомневаюсь, что многое встанет на свои места в вашей голове.

— А откуда вы знаете, что будет следующий раз?

— Есть глобальное исследование, которое показывает, что единожды пучок не засовывают.

— И когда это безобразие прекратится?

— Это зависит от ста семнадцати факторов.

— Каких?

— Известно их количество, но содержание неизвестно. Но, скорее всего, пучок петрушки будут засовывать вам до конца жизни. Только вчера его засовывали люди с тремя полосками на штанах, сегодня — с двумя полосками на погонах, а завтра — с одной полоской в тесте на коронавирус.

— А можно… как-то сделать, чтобы всем засовывали, кроме меня?

— В России нет. В России можно регулировать только угол наклона пучка в вашей заднице.

— А мои соседи говорят, что если вместе собраться и самим схватить тех, кто засовывает пучки, то…

— Если вы с соседями такие умные, то зачем

меня спрашивать?

— Извините, пожалуйста…

— Дам один совет. Когда я жил в России — брр, страшно вспомнить! — я делал так. Перед возвращением домой сам засовывал себе петрушку в задницу. Хулиганы были в растерянности. Одни ее вынимали, другие поливали. Я знаю парня, который после этого сам стал аналитиком.

— Спасибо за ваш ответ.

— Не за что. Покупайте мою книгу «Ой, ты умер! Как ученые доказали бессмысленность вашей жизни».

— Спасибо, куплю.

— Мне все равно. Спасибо.

— Спасибо.

Любимая коза

Меня часто спрашивают: «Валерий, как жить?» Я отвечаю: жить надо так, чтобы не стать политиком. Для этого нужно, как в старой притче, «[вылюбить] козу». Помните, про монаха, который сделал много добрых дел, но все помнили его как козолюба.

Так вот, нужно сделать то, что любишь. И добрые люди не пустят тебя в политику. Там ведь только святые. Политики как освященные яйца на Пасху: избиратели дерутся ими — чье первое треснет? Самое крепкое яйцо становится президентом. И двадцать лет красится луковой шелухой.

Политики — это собрание всего хлама в голове избирателей. Поэтому они также напоминают катышки на свитере. Это иконы и шашлык, однополые браки и нетфликс, феминитивы и баборабы. Это повар, который готовит из того, что упало на пол. Я так не смогу. Я неженка и подбираю крошки не с пола, а со стола.

В политике мне придется сделать две вещи. Первая — позвонить своей козе и сказать ей: «Я тебя люблю, но… Пойми, у меня начался новый

этап…» А потом всю жизнь блеять перед избирателем.

Вторая. Придется самому стать козой (козлом?) и повернуться попкой к монаху. Нужно стать шашлыком, который 365 дней жарит твой избиратель. Любой политик вынужден пропускать через себя дух мирового шашлыка. Все по Гегелю. А я так не могу. Я верю, что говядина родилась не для смерти в мангале, а для жизни в дошираке.

Я хочу бежать по зеленой траве к солнцу. Я и моя коза. Бежать подальше от политики. Туда, где свет и аромат, где я состарюсь, обнимая козлиный череп, рисуя на песке маленький пентакль… Sanguis Bibimus… Corpus Edimus… Tolle Corpus… Ave… Ave…

Повсюду Путин

У меня есть друг: умный, красивый, молодой. Казалось бы — живи и радуйся! Но вот недавно он признался, что ему очень трудно жить. Знаете почему?

«Из-за Путина». Я говорю: эээ, в смысле? «Ну ничего делать не хочется…» А если он уйдет? «Тогда — сразу захочу!»

С одной стороны, это смешно. Ну камон: Путин не мешает мне дышать и работать. А с другой — Путин как программа, которая в фоновом режиме загружает систему. И все начинает лагать.

Когда мой друг родился, Путин вскоре стал президентом. В детстве Путин вообще не заметен: какой-то смешной мужик в телевизоре. Ну и бог с ним. Потом он пошел на второй срок, а мой друг — в школу. В школе тоже не до Путина, там математика, русский и физра. Потом он ушел и оставил кресло Медведеву. В конце медведевского срока у друга начался пубертат: тут тоже не до президента. Тут океан любви, а не кооператив «Озеро». Потом вернулся Путин. Ну пусть, что ж поделать… Хочется ему так. Друг поступил в творческий вуз, искал себя как автора. И Ларс

фон Триер влиял на него больше, чем Путин. Но незаметно его срок вырос, как хронометраж у Триера. Увеличился с 4 лет до 6… В 2018-м он словно выпустил вторую часть «Нимфоманки» — выбрал себя еще раз. Народ сказал: «Я ничего не чувствую, но, если вам так хочется, я просто буду лежать и охать». Любви уже не было. Секса тоже.

Ладно, пусть. В 2024 году он точно кончится. А теперь стало понятно — нет.

Не кончится? Не кончится-я-я? До 2036 года-а-а? На новый срок? «НАНАНА. NO».

Ему 69, и он смотрит на Байдена, которому 79, и говорит: пф, а я еще огурчик. Он смотрит на Елизавету II, которой 95, и говорит: я сам королева!

Ладно, не в 2036-м, но в 2042 году его точно не будет. Мне будет 56. Увижу новую Россию!..

Но Володин уже сказал: «После Путина будет Путин».

… … …

П… у… т… и… н…

Перпендикулярная линия

Я кое-что придумал. Вместо «Прямой линии» — «Перпендикулярную линию». Раз в году президент приходит к гражданам. Происходит это так: рандомайзер выбирает случайную семью в России. Она узнает об этом утром. Сначала приезжает «скорая», чтобы успокоить и вакцинировать. Потом приезжает ФСО, все проверяет, меняет металлические вилки и ножи на пластиковые.

В полдень приходит Путин.

Все повторяется как на «Прямой линии», только наоборот — перпендикулярно. Путин начинает спрашивать: а почему то, а почему это. Почему так одета, почему кот здесь лежит, почему этот майонез, почему здесь мусор, почему волосы покрасила, почему к лету не похудела, почему белье с сушилки не снято, почему полы не мытые, почему пакет с пакетами, почему платежки не оплачены. Дети гетеросексуалы? Почему не рожаете? Материнский капитал, детское питание, пособия на детей, еще пособия, геев всех попрятали. А не рожаете — почему? И далее вопросы уже про гараж, дачу, родственников.

Сидит семья, головы повесили. Что тут ска-

жешь?

— Владимир Владимирович, — начинает отец, — можно ответить?

— Говорите, конечно. Давайте начнем, например, с белья на сушилке.

— Хорошо, Владимир Владимирович… Так вот… В шестнадцатом веке в результате объединения Королевства Польского и Великого княжества Литовского возникла Речь Посполитая…

[Проходит пятнадцать минут.]

…поэтому мы пока не сняли белье с сушилки.

[Проходит пять минут.]

И еще пару моментов. Беглый взгляд на сушилку показывает, что в семье все хорошо: у каждого есть во что одеться, есть верхняя одежда и нижнее белье из тканей разного вида плетения. В целом в семье достаток. Мужчины носят мужское, женщины — женское. Темное и светлое стирается отдельно. Да, шерстяная кофта села после стирки… Но кто не допускает ошибок? А все потому, что инструкция была не на русском. Хорошо было бы, чтобы на русском языке. Можно ли это организовать?

По результатам встречи постановили: снять белье в ближайшее время, разложить по шкафам, строго соблюдая разделение мужского и

женского. Коту британской породы выдать предостережение не подходить к клетке с попугаем. Попугаю выдать корм, поменять воду, научить слову «Россия». Сыну выдать ключи от дачи, чтобы он ехал с подругами для гетеросексуальных мероприятий. Полы помыть, мусор выбросить. Вечером совместное употребление арбуза. Просмотр киноклассики.

— Спасибо.

— Будьте здоровы.

Маленький процент

Когда я жил в Ташкенте, мне рассказали такую историю. Она тоже связана с голосованием и тем, как власть рисует сама себе процент. Градус отрисовки этого процента ясно показывает, насколько власть сдурела.

Короче, центр изучения мнения узбеков решил узнать, насколько сильно они любят президента Каримова. Вернее, так: президенту Каримову нужно было показать, что узбеки его очень любят. Придумали опрос с вопросом — назовите величайшую личность всех времен и народов в истории Узбекистана. Ну и, конечно, варианты ответов: Каримов и все прочие от Мирзо Улугбека до Тамерлана. Но потом социологи спрашивают сами себя: а как выбрать между Каримовым и Тамерланом? Ему ведь памятники на каждом углу. Не, так не пойдет. Решили сделать два опроса: величайший мертвый узбек и величайший живой. И среди живых, естественно, Каримову конкурировать не с кем.

Вышли на улицу и получили по опросам около 83 % у Каримова. По меркам российской власти отличный такой процент. Казалось бы, можно

публиковать и идти домой кушать плов. Но тут глава центра исследования узбеков говорит: так, уважаемые, то есть получается, мы заявляем Каримову, что у нас 17 % оппозиции? Ну а как может разумный человек не считать Каримова величайшим из людей? Сегодня он так думает, а завтра бабах делает. Это не яхши. Давайте, говорит, поднимем каримовский процент до 90. Норм? Норм.

Собрались уже расходиться, и тут кто-то говорит: но 10 %, которые не любят Каримова, — это же три миллиона человек. Вы только подумайте: три миллиона… Это как бы много.

«Так, сколько дадим?» — «Девяносто два?» — «Ни туда ни сюда». — «Девяносто пять». — «Отлично!»

В общем, дали 97 %. И пошли домой кушать самсу.

Каримову все понравилось. Сказал, есть над чем работать. Но я думаю, что ему было больно, обидно, что не 100 %. Думаю, он из-за этого и умер. От нервов.

Запах Жириновского

Однажды я видел Жириновского.

Это было лет десять назад. Друг друга работал в ЛДПР. В молодежном крыле. А Владимир Вольфович, как известно, любит молодежь. Мой друг тогда закончил курсы медицинского массажа, и да — ему предлагали съездить к Ж. для массажа. Но друг почему-то отказался. А мог бы сейчас возглавить Хабаровский край.

Но речь не об этом. Я был тогда в Госдуме, в самом рабочем кабинете Ж. Он похвастался, что это бывший кабинет наркома Калинина. Показывал телефоны на рабочем столе, откуда он может звонить большим начальникам.

Ж. начал встречу с того, что потребовал полностью выключить телефоны. Я вырубил свою кнопочную «Нокию» и стал слушать.

Ж. говорил, что главное дело — агитация. Она самое важное и самое скучное, потому что отнимает много сил. Но к телефонной агитации можно привлечь, например, людей с инвалидностью. Они сидят дома, и им доставит удовольствие звонить по телефону и агитировать за ЛДПР. Еще, помню, говорил, что в больших городах много

бродячих собак. Их нужно отстреливать. К этой мысли Ж. возвращался несколько раз.

В конце часового монолога он объяснил нам, для чего идут в политику — ради власти. «Власть!» — Ж. вскинул руки к 4-метровому потолку. Потом обрушил их на телефонные вертушки. А затем сказал, что только обладая властью, можно за одну ночь отстрелить всех бешеных собак. Была большая пауза. Всем показалось, что речь окончена. Все зашевелились.

Я тихонько вытянул «Нокию» из джинсов и… включил. Но я забыл, что телефон включается с ОЧЕНЬ ГРОМКОЙ МЕЛОДИЕЙ. В тишине жириновского кабинета прозвучало «тигидынь-дыгындынь-дилидинь-там-таааам».

Я подумал: мне конец. Я зажмурился.

В тишине раздался голос Ж.: «Сейчас у нас будет десять минут на фотографирование. А потом я подарю всем дезодоранты “Жириновский”».

Так и случилось. Возникло две очереди: одна для фотографии, другая за дезодорантами — к помощнику Ж.

Я встал за дезиком. Потому что помощник был… Как бы вам сказать… Красивый и глупый. Он был как чехол для айфона, но без айфона. Ему едва исполнилось двадцать лет, и у него была

визитная карточка. Звали его тоже Владимир. От него сильно пахло дезодорантом своего босса. Бутан, изобутан, пропан, денатурированный спирт, изопропил миристат, глицерин, парфюмерная композиция, линалоол, лимонен, бутилфенил метилпропионал, альфа-изометил ионон, цитронеллол, гераниол, аллантоин, триклозан.

«Не использовать возле огня. Не направлять в глаза. Не давать детям».

Интересно, какой он сейчас. И как пахнет. Владимир.

Цвет кожи

Честно, не хотел писать о нациях и цвете кожи. Это как вопрос, чей Крым. Любой ответ всех перессорит. Надоело.

Я родился с белой кожей в Ташкенте. Но я оттуда уехал. Почему? Потому что неприятно, когда тебя называют «русской свиньей». Неужели так называли? Называли. В глаза? В глаза. И били? Били. Но менты же не тормозили, как в Москве — «чурок»? Тормозили. И деньги отжимали. Но за что?

Помните, анекдот:

— Вань, видишь, два еврея, давай их побьем.

— Давай. А если они нас?

— А нас-то за что?

К великому сожалению, национализм, как и всякое зло, не может быть локализован. Например, националисты только русские или белые. Увы, нет. Гуманизм — это равенство. Зло принадлежит всем. Нас не объединило добро, но мы очень похожи в ненависти. Черные такие же идиоты, как и белые. Все равны в глупости. Здесь мы настоящие — м-ы.

Живя в Ташкенте, я очень хотел уехать в Рос-

сию. Мне казалось, русские люди как увидят, так сразу устроят мне спа, жра, выпива. Помню, как я ходил в российское посольство в Ташкенте. Во-первых, это второе в городской черте здание, обнесенное колючей проволокой. Первое — Таштюрьма.

В посольстве я понял, что Россия не для русских, а для бюрократов. Они относились как к «чуркам» — ко всем. Я помню, добивался консультации юриста. Неважно, о чем мы говорили, важно, как выглядел юрист. Зайдите в инстаграм и наберите #cuteguy. Юрист выглядел как полубог. Из недостатков — прыщик и пробивающийся на воротник — второй подбородок. В пересчете на ташкентские цены зарплата юриста была как, не знаю, у Сечина. Со мной он говорил секунд десять. Хотя десять много. Шесть.

И тогда я понял, что я не русский. Потому что нация — это не язык, не лицо, не цвет кожи, не имя, не родня, не история. Нация — это зарплата. Заметьте, все комментарии про Америку о том, как разбили витрину Louis Vuitton и утащили сумку. Какая катастрофа. Потому что единственный пострадавший в этой битве — это Капитал. И Джордж Флойд пытался сбыть его визитную карточку — фальшивую банкноту.

В мире, где только зло универсально, капитализм — единственная универсальная нация и цвет кожи. Тоже зло, но меньшее.

Единственное, о чем я тогда думал, стоя перед наливным юристом: только смерть и оклад уравняют нас. У меня белая кожа, но зеленый паспорт с птицей Хумо. У него красная морда и паспорт красный — с орлом. Он богатый русский, а я бедный русак.

Но я очень рад, что родился не в среде русских. Потому что не слипся с ними мозгами, как пельмени в морозилке. Самое страшное, когда страна превращается в огромный пролежень. Включите российский сериал — там никого, кроме славян. Америке повезло: белые, черные, желтые, радужные — и всем приходится договариваться. А в России обо всем договорились белые и беленькая. Два раза в месяц: аванс и зарплата. Снова нечего отложить на луи вуитон.

Росгвардеец плачет

Иду по улице к метро. Проходя мимо Альфа-банка, замечаю справа какую-то темную фигуру. Смотрю: крепкий молодой человек. Стоит и плачет. Да, плачет на улице — в понедельник, посреди дня. Людей вокруг нет, только он один — рыдает, уткнув локоть в дерево…

Ну я же не зверь, подошел и спросил, в чем дело. Думал, может быть, кто-то умер или заболел.

Молодого человека звали Владимир, он работает, не поверите, в Росгвардии. Шел он к психологу по ОМС, но заблудился и отчаялся, как комик Долгополов — его накрыли слезы прямо во дворе. Владимир сначала не хотел рассказывать, но потом поделился: накануне он был в парке Горького.

— Я не знал, что люди могут дойти до такого зверства, — начал Владимир, слезы еще блестели на его смуглых щеках. — Накануне мы задерживали пенсионерок на «Пушкинской»… Старуха — она же как большой мешок с маршмеллоу. Что может сделать вам маршмеллоу? Да, пожалуй, ничего. Или даже тонконогий студент Высшей школы экономики? Это как мешок

с митболами. Что могут сделать вам митболы? Но вчера… в парке Горького… — голос его задрожал, а глаза вновь наполнились слезами, — вэдэвэшники… они толкались, ругались… Я поцарапал запястье. Видите?

Он показал запястье с чудовищной отметиной — около 0,5 см.

— Что произошло с людьми? Почему они такие? Я шел в росгвардейцы не для того, чтобы меня толкали… Я росгвардеец, я цветочный ветер из игры Flower. Я вплетаюсь в поток жизни и начинаю свой замысловатый хаотичный танец…

Оказалось, что нас слышала пожилая женщина, которая вышла на балкон. Она быстро спустилась во двор и предложила себя задержать. Владимир поблагодарил ее, заломил, шутя, руки и нашел в халате корвалол. Мы пошутили про наркотики, пенсионерка, тоже шутя, написала на груди «Хабаровск». Но тут Владимир сказал, что это не смешно, и произвел задержание. Идут следственные действия.

Лукашенко у психотерапевта

Лукашенко у новой психотерапевтки. Старая вспылила и сказала, что он просто старый мудак, убийца и диктатор. Лукашенко написал в фейсбук — друзья нашли ему новую по скайпу и VPN. У нее тоже висели на стене сертификаты, а рамки у них были даже золотистей. Она сказала, что никакой он не убийца, а большой малыш. Лукашенко говорит, что он устал от волны абьюза. Он не нападает, а защищается. Психотерапевтка отвечает: конечно, конечно. Лукашенко говорит: в 67 лет жизнь заканчивается? Психотерапевтка отвечает: оуч, нет, вы еще корнишончик. Лукашенко говорит: кому я вообще и что должен? Психотерапевтка отвечает: пфф, никому, живите для себя. Лукашенко говорит: хочу и буду! Психотерапевтка говорит: вы рождены быть счастливым, а не оправдываться, не угрызаться. Лукашенко: а грызть! Они смеются. Лукашенко говорит: якая ж карысная навука псіхалогія!

Беларусь

Меня очень веселят люди, которые пишут — ой, ну побегают белорусы, покричат, а Лукашенко все равно останется президентом. Ну задавили одного, а могли бы сто, даже сто двадцать!

В целом да. Вряд ли Лукашенко куда-то денется. И в целом да — семь тысяч человек арестовал, а мог бы и убить. Дело в другом.

Если вы говорите кому-то «в чем смысл куда-то выходить, ничего же не изменится», то ответьте мне на несколько вопросов.

Вы когда-нибудь болели за спортивную команду? Смотрели футбол или хоккей? Там же реально мужики гоняют мяч по траве или шайбу по льду. И от этого ничего не меняется. Зачем вы смотрите? Или, может быть, вы верите в бога и ходите в церковь. Или просто верите — зачем? Что от этого изменится? Или смотрите кино — на экране артисты, а не люди. Зачем вы на них смотрите? Они решают конфликт, которого не было. Он на вас не влияет. И вы на него.

Вы, наверное, верите только в инструменты прямого действия. А что это вообще? Молоток? Других я не могу назвать. И зачем вы рожаете

детей? Они ведь могут вырасти геями или рэперами. Они могут послать вас на хрен (что я бы сделал на их месте). Если у вас нет детей, то зачем вы просто занимаетесь сексом? К чему все эти фрикции? Чтобы тупо кончить? И… все?

Когда-то в журнале «Костер» я прочел заметку о мальчике, который ничему не удивлялся. Восторженные одноклассники рассказывали ему о походах, открытиях и влюбленностях, а он отвечал им: «Ну и что?» В конце автор говорил, мол, ну и сиди один, злой пионер, а мы пойдем в поход.

И я понимаю обе стороны. Пионер мог оказаться интровертом, он просто не хотел удивляться публично. Он удивлялся внутри, а не на партсобрании. Но он не писал в фейсбук.

Я говорю о людях, которые пишут в ответ на любое проявление чужой наивности, геройства или пассионарности. Им важно, чтобы у белорусов не получилось. Тогда они выдохнут и скажут: «Значит, и у нас не получится!»

А если у белорусов получится, они скажут: «Ну и что?» Или как в старом анекдоте: «Покажите мне «это». Ну помните, мы пели, что «все умрем в борьбе за это». Вот я и хочу его увидеть».

Сегодня вдруг выяснилось, что «это» для огромного количества людей снова стало поводом

рисковать жизнью.

Но если вы совсем не видите «этого», то посмотрите на свою жизнь. Вы тоже революционер. Вы каждый день боретесь за какой-то маленький кусочек быта. За кафе, химчистку, фильтр воды. Если у вас нет эмпатии к политической борьбе, переведите ее на свой язык. Просто скажите: эти люди ведут борьбу за раф на кокосовом молоке. Так норм?

Вот и хорошо. За раф можно умереть.

Умрите же за него.

Но лучше выпить его в годовщину революции, где пролилось больше кофе, чем крови.

Свеча революции

Купил в «Икее» свечи. Простые, не ароматические. Стеклянный подсвечник у меня уже был. Вынул одну свечу из коробки, взял подсвечник. И тут началась первая странность. Свеча внизу была специально усечена. Она вошла в подсвечник идеально. Крепко, вертикально. Как устанавливают колышки у домов бизнес-класса. Возле эконома они всегда торчат в разные стороны. А тут какая-то свечка и встала как ракета.

Мне это не понравилось. Я покупал свечи для домашнего ритуала. Ты ее берешь, запихиваешь, ровняешь.

Ладно. Я зажег свечку. Думал, она запыхтит, затрескочет. И потекут капельки воска…

Свеча молчала. Почему-то в ней не образовалось черных точек, которые лезут на горящий фитиль. И трещат. Капель воска тоже не было. Свеча была как с картины Герхарда Рихтера. Просто свеча.

Я был в ужасе. Где свечи моего детства? С шумом, вонью, уютом в начале и пожаром в конце! Где они?

Свеча горела тихо и ненасильственно, как бело-

русская революция. Только в конце я почувствовал запах разогретого стекла — это подсвечник сообщил, что всё. Отсветила.

Женщины перед митингом

А куда делись такие женщины? Помню, несколько лет назад перед каждым митингом какая-нибудь тетка писала:

«Послушайте, но ваш Навальный же просто безвкусен как загубник. Он познакомился с женой на курорте в Турции. Я, конечно, понимаю, что Россия будущего видится вам как трехзвездочный отель, а Москва — шведским столом. Но я не принимаю этот выбор между курагой и фуа-гра, где оба — просрочка».

Эти женщины все время описывали разговоры за соседним столиком в духе:

«Я и моя подруга, две уставшие бобошки, хотели просто отдохнуть, но за соседним столиком села парочка. Она в чокере, он похож на Колчака. И начали: «Ты идешь завтра?» — «Конечно, иду». Я подумала: может, они про тот иммерсивный спектакль по новодрамовскому дыр бул щылу (меня сто раз позвали, ффф). Но нет. Они про митинг Нав-го.

И дальше обе как забывшие стоп-слово: надо идти, идти надо. Мы с подругой изнемогали, как

пастила под солнцем. Подошел официант, мальчик с коком, спросил, все ли нам понравилось. Мы обе засмеялись, потому что как бы — нет. В чем дело? Вино? Нет, мальчик, шато-лафит не подводит, а то, что льется в уши — Révolution russe, — это полный швах. Я оставила мальчику побольше чаевых, чтобы он не волновался и купил себе другой дезодорант. Может быть, начав с подмышек, наши мужчины наконец и сделают что-то путное.

P. S. Теперь по делу. Вы меня спрашивали про одно заведение. Ну, я зашла. Стены отделаны планкеном, принесли чизкейк с соусом из гуавы. В гуаве волос. Такой, знаете, как дикобразова игла. Надеюсь, это заведение снесут протестующие на выходных. Мой гонорар за чизкейк в кассе — отдаю на дело революции».

…

Где сейчас эти женщины?

Надеюсь, они здоровы.

Стук в дверь

В подъезде стучат. Подумал: за мной пришли. Выхожу: сняли кафельную плитку (которая как у Соболь в подъезде), ободрали стены и начали красить. Ого, думаю, ничего себе: из моей хрущевки стали делать дворец!

Закрыл дверь, стою один в коридоре, и такое чувство… как будто Путин правда меня читает. И сказал: я хочу войти в историю, как человек, который отремонтировал Печейкина.

И тут я понял: вот приведи меня сейчас к Путину, что я ему скажу? Как ведет себя интеллигенция на встречах с Путиным: он обводит глазами народных артистов, и едва их взгляды встречаются — они начинают хохотать. Краснеют, пыхтят и заливаются.

Потому что личный контакт, он сильней всего. Будь я президентом, я бы сделал так. Завтра омоновцы просто и тихо подходят к каждому:

— Ну ты чего такой? — очень спокойно, сняв маску.

— Чего — какой?.. — Сердце бьется, потому что все омоновцы красивые.

— Ну вот такой…

— Какой… такой…

И вот мы стоим, а остальным неудобно подслушивать, и все отходят.

— Вот вакцину тебе сделали, ремонт тебе делают…

— Я… поймите… дело в правах… человеческих…

— Ну, напиши об этом. Зачем ходить? Сегодня так холодно.

— Холодно.

И вот мы смотрим друг на друга, у него на носу блестит снежинка, у меня — слеза.

— Как я найду тебя?

— Я найду тебя сам.

— Оставь номер.

— 02.

Он уходит, его широкая спина исчезает среди других широких спин. Но его такая одна.

И я такой один.

Хороший дефицит

Главный провал этого года, конечно, российская вакцина «Спутник V».

И главная ошибка в том, что ее пиар не понимает души русского человека.

Короче, чтобы русский человек захотел товар, он должен встать в очередь. Если за товаром нет очереди — кому он нужен? Другое дело, если есть очередь: к айфону, поясу Богородицы. Вот это я понимаю!

А вакцина? Лежит, как старуха на пляже. Ну кому нужна такая вакцина?

Нужно было сделать вот что:

1. Создать искусственный дефицит: открывать запись по чуть-чуть;

2. Пустить слух, что вакцину сначала дадут депутатам;

3. Остальное сделает российский фейсбук.

В фейсбуке разыгралась бы финальная битва. Посты «Путин, я умираю, спасибо»; статья «Доживу ли я до конца сериала?» — россиянка не может получить вакцину, но уже купила подписку на нетфликс»; истории о том, как либералы уступают друг другу места в очереди: ты живи, нет, ты.

В итоге целый день был отдан вакцинированию Нюты Федермессер.

И все бы вкололи себе «Спутник». Как миленькие. И выложили фотки: «Буду жить…»

Живите же ж!

Я – политолог

Эх, я выбрал неверную профессию. Слишком поздно я понял, что нужно было выучиться на российского политолога. Оказывается, мои разговоры с друзьями можно считать экспертизой:

— Валерий, что сейчас происходит? Власть трясется от страха?

— В общем-то, да, она страшно напугана. Все ее действия тому доказательство.

— Но есть мнение, что власть просто хохочет над нами. И ничего не боится.

— Знаете, она действительно хохочет. Это хохот от страха. Бесстрашие ужаса.

— Как интересно… А как вы думаете, она извинится за действия своих сотрудников? Например, того, кто ударил пожилую женщину в живот.

— И что с ней?

— Она в реанимации.

— Она умрет. Убийство старух в Санкт-Петербурге — это классика. Но омоновец не Раскольников, он сейчас сидит и хохочет в трешке, подаренной за зверство.

— Валерий, погодите, пришла информация: с женщиной все в порядке, а омоновец извинил-

ся. Что вы об этом думаете?

— Это ровно то, что я только что сказал: это тройная насмешка. Он был с цветами?

— Кажется, да.

— Это цветы зла. Улыбка мрака. Власть понимает, что ей остались считаные дни…

— Валерий, десять лет назад вы опубликовали статью «Этой власти остался год»…

— И?

— Ну вот — и? Власть на месте.

— Это не власть, это политический труп власти. Власть мертвецов. Это надо понимать. Это видно на статистике европейского фонда EBANO.

— Что же там?

— Там сначала вниз, а потом вниз и в последние годы — вниз, вниз, вниз… Ни разу не вверх. Как будто ледяная горка, по которой скатываются российские дети на санках отчаяния. Они летят по льду, и в глазах немой вопрос: «Мама, папа, за что?» А в ответ — раскаты смеха Путина.

— Спасибо, это был Валерий Печейкин, политолог, психоисторик и эксперт центра Сиффреди. Всего доброго, Валерий.

— Россия, проснись.

— Ага.

— Угу.

Маленькая смерть

Русская смерть

Шел мимо Ваганьковского кладбища, решил зайти. (Да, у меня такое бывает.)

Хожу, гуляю. Поклонился саркофагу Лидии Владимировны Черниковой, работавшей на Гостелерадио. Сейчас она лежит скульптурой из белого мрамора за 17 миллионов рублей, а над ней стеклянный саркофаг — за 3. Поклонился я иконам на могиле целительницы Джуны. И, конечно, бригадиру Измайловского ОПГ Данилову[1], на чьей могиле высечено Dictum — Factum ([пацан] сказал — [пацан] сделал).

А дальше — ноунеймы и бедняки.

Если бы я был Собяниным некрополя, я бы заявил покойникам, что они, прикрываясь бумажками о смерти, лежат в могилах с заборами-самостроями. Могилы-то ладно, а заборчики я бы снес. Каждое надгробие с таким забором напоминает открытый балкон панельного дома. Балкон, куда вынесли сломанный холодильник. Или дачку: забор в забор. И все скособёбились.

О, как страшна и корява русская смерть! Де-

---

[1] Примечания: 1

Достоверную информацию об этом человеке найти не удалось

ревянные кресты, гранитные камни, обелиски. Пафосные памятники футболистам и артистам. Тут же провалившиеся могилы. Шрифт Times New Roman, пришедший в новейшее время вместе с пластмассовыми венками.

Я хотел найти могилу Рюрика Ивнева, лежащего где-то на Васильевской аллее. Но меня увлек портрет одной старухи, потом другой. Так я обнаружил себя у могилы Андрея Васильевича Пупкова, скончавшегося в 2017 году. Кто такой Андрей Васильевич? А важно ли? А я кто такой? А вы?

Только кремация. Только ветер.

Моцарт жив!

Смотрите, если совсем коротко — фактически Антонио Сальери не травил Вольфганга Амадея Моцарта. То есть он не опускал ему в бокал токсичное вещество, которое привело к ранней (по нашим меркам) смерти композитора в 35 лет. Вопрос в другом, почему Пушкин сделал то, что он сделал — уверил в этом весь русскоязычный мир.

Первая причина, на мой взгляд, творческая. «Моцарт и Сальери» (изначально «Зависть») входит в сборник «Маленьких трагедий». Давайте вспомним их — это еще и «Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Пир во время чумы». Еще к ним иногда добавляют «Сцену из Фауста». Так вот, все эти тексты — переделки, подражания, мистификации. «Фауст» — Гете, «Скупой рыцарь» — стилизация Шенстона, «Каменный гость» — впечатление от русской версии «Дон Жуана» Моцарта и либретто Лоренцо да Понте. И «Пир во время чумы» — вольный перевод Джона Уилсона.

Так вот, для нас Пушкин — это Пушкин! А для современников — талантливый копирайтер,

которому говорят: ты, шоколадный и, на беду, русский, лучше ничего не выдумывай, а возьми у англичан и немцев, переделай и дай нам почитать. И тогда Пушкин говорит: я создам собственный миф, не хуже, чем Гете. И создал.

Да, это делает тот же Пушкин, что сказал: «Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено, и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною». Это он же и пишет «Моцарта и Сальери».

Но не только для того, чтобы возвыситься до Гете.

Пушкин действовал не только как поэт, но и политик. Он говорит: историю отравления придумал не я, а, цитата, «некоторые немецкие журналы». Но Пушкин не читал по-немецки! Значит, ему кто-то пересказал статью из «немецкого журнала». Еще Пушкин слыхал, что Сальери будто бы освистал «Дон Жуана» на премьере. «Завистник, который мог освистать «Дон Жуана», мог отравить его творца». Логика, конечно, фантастическая. Тем более, Пушкин путает премьеры в Праге и в Вене.

Но все это неважно. Важно то, что, как я сказал, Пушкин здесь действует как политик. Он говорит: я понимаю Моцарта и ненавижу Сальери. Он все

равно его отравил. Даже если он не опускал ему в бокал «дар Изоры», даже если не было встречи в трактире «Золотого льва». Он все равно убийца.

Для Пушкина Моцарт — свободный, народный, гениальный. Сальери — ремесленник и подражатель. Моцарт — первый независимый художник, фрилансер, автор рингтонов. Сальери — сидел на госзаказах габсбургского двора. Моцарт стал вип-конфетой, Сальери — ядом.

Вот как-то так я и привел вас к мысли о том, что мы достоверно уже никогда не узнаем, что случилось с Навальным — чай это, самогон или вода в речке.

Но его все равно отравил Сальери.

А Моцарт все равно не умер.

Мы все умрем

Возвращаюсь домой. Прохожу мимо окон многоэтажки. В окнах второго этажа — две девичьи фигуры. Одна поднимается на подоконник, открывает форточку и кричит в город:

— Мы все умрем!

Спокойно едет курьер с желтой коробкой. По дороге женщина ведет черную таксу, на ошейнике в темноте мерцает красная лампочка. «Чёртик, фу!» — говорит женщина. Два бородатых гея бегут трусцой. Семья выходит из магазина. Жена говорит мужу: «Посмотри, что он делает». Она кивает на сына. Тот открыл тюбик с кетчупом. И пьет. Губы малыша в алой пасте.

Едет курьер, бежит Чёртик, трусят геи, малыш сосет кетчуп. Я прохожу мимо и, уже издалека, слышу, как девичий голос вновь кричит: «Мы все умрем!.. рем!.. ем!..»

Да, все. Но Чёртик должен жить.

Бесплатная смерть

Про разницу ОМС и платной медицины.

Пришел к врачу, он рассматривает результаты моих анализов.

— Валерий Валерьевич…

— Да?

— Вы давно у нотариуса были?

Пауза. Я пытаюсь понять, как мои анализы связаны с нотариу… И начинаю догадываться.

— А, простите, что?

— Надо сходить. Ну, к нотариусу… — врач что-то пишет в карте и дудит губами.

— Написать завещание? — улыбаюсь я одними щеками, как ботоксная старуха.

Врач, не отрываясь от письма, отвечает:

— Или уже написали? Советую написать.

Перед моими глазами проплывает, нет, не жизнь, а слово «конец».

— Конец у нас у всех один, — заключает врач.

— А если я… ну… не хочу… То есть хочу дальше… ж… ж…

— Конец у нас у всех один, Валерий Валерьевич. Рано или поздно, — врач останавливается, перестает дудеть. По лицу его пробегает тень

брошюры «Вся философия за 20 минут». — Лучше, конечно, поздно, чем рано. Но конец у всех один. И он неизбежен.

Продолжает писать и дудеть.

* * *

Теперь про платную медицину. Вижу огромное лицо в очках, зависшее над моим ртом. Это моя стоматологиня. Она смотрит в мой открытый рот. Я как человек с картины Мунка. Немой крик ужаса — после государственной поликлиники. Врачиня смотрит в бездну моего рта. Она видит, что сырки, эклеры, риттер-спорты не прошли даром. Моим зубам — конец. Но врачиня говорит: «Все зависит от вашего бюджета, Валерий Валерьевич». Она могла бы добавить: «Но конец у нас у всех один…» Однако она этого не говорит. Она знает, что конец человека определяется не судьбой, а дном кошелька. Но что определяет дно кошелька — не судьба ли? Здесь, признаюсь, у меня нет ответа. Для этого нужно хотя бы прочесть брошюру «Вся философия за 20 минут». А откуда у меня столько времени? Лучше поесть.

Похвала смерти

Пришел сегодня в поликлинику, чтобы сделать вакцину. Заполнил бумажку, захожу. Женщина-врач читает мою анкету, затем смотрит в электронную анкету и говорит:

— У вас несколько лет назад была тяжелая травма черепа.

— Ага.

— Авария?

— Да нет, просто у подъезда дали по башке, чтобы забрать айпад.

Пауза. Я думаю, может, ей интересно, что с айпадом. Говорю:

— Айпад забрали.

— Но это очень тяжелая травма: перелом костей свода основания черепа…

— Ага.

— …гематома…

— Угу.

— …субарахноидальное кровоизлияние…

— Ды.

— …ушибы тканей орбитальной области… кровоизлияние в склеру…

Врач смотрит на меня как на живого мертвеца.

Даже с профессиональным ужасом. Помолчав, говорит:

— Выглядите вы хорошо.

Я открываю рот. Вашу мать, это реально единственный комплимент за последние 5–10 лет. Все эти годы мне говорят «у тебя мешочки под глазами», «чо грустный?», «ты похудел…». А тут врач сделала мне комплимент. Врач.

— А почему мне нельзя делать прививку?

— Потому что она может дать побочный эффект — ПОВРЕЖДЕНИЕ МОЗГА.

— ШТО?

— ДА.

В этот момент я снова выгляжу как идиот. Ни черта себе, думаю, прививочка: буквально отвал башки.

Короче, чтобы ее теперь сделать, мне нужно пройти росгосад в виде обследования терапевта и невролога. Резюмирую: я прививку не сделаю никогда.

С другой стороны, после сегодняшнего комплимента я могу считать свой жизненный путь оконченным. Перед смертью я выглядел хорошо.

До встречи.

Я несчастен

Меня спрашивают, почему я никогда не писал о своей травме — черепно-мозговой, из-за которой мне не делают прививку. Тут вот какая история.

После выписки из больницы в моей жизни произошло несколько счастливых событий — как парадоксальное следствие травмы. И вот однажды я поделился этим со своим знакомым. Сказал, знаешь, чудо из чудес, но мои когнитивные способности еще лучше прежних, да в личной жизни я счастлив — все как-то потянуло одно другое и, вот, сложилось.

— Ну, если тебе так лучше… Думай так.

— В каком смысле?

— Ну… Что ты такой же, каким был.

— Прости, я, наверное, не до конца восстановился. Ты о чем?

— Тебе важно сказать себе, что ты пережил травму, что нет никаких последствий. А ВЕДЬ ОНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ. Что касается удачных событий — они могли бы сами произойти. Ты просто не хочешь признавать, что ЭТОТ КОШМАР ЕДВА НЕ УНИЧТОЖИЛ ТВОЮ ЖИЗНЬ.

Я в шоке. Просто в шоке.

Потом знакомый сам отправился к психотерапевту, ему прописали таблетки, он стал писать в соцсетях о том, что его собственная жизнь — это поток счастливых событий. При каждой новой встрече он продолжал говорить, но все мягче: я убеждаю себя, что все хорошо, а сам живу в аду. В конце концов я разозлился и спросил, почему это я в аду, а он нет. «Ну, потому что у меня все хорошо и это видит специалист, а ты говоришь о себе сам». Хе-хе.

И, знаете, я не исключаю, что он прав. Я еще пробовал делиться с другими людьми рассказом о своем счастливом спасении. Все мрачнели, отводили глаза… «Ты же понимаешь, что без последствий не обойдется…» Ок, говорил я, но все это время я жил счастливо, я мыслил, писал, хохотал — это факт. «Но последствия…» Какие, блядь, последствия!.. «Вот видишь, как тебя бесоёбит…» Но, блин, мои когнитивные способности позволяют мне работать! Башку проломили мне, но я слушаю Густава Малера, а не Славу Марлоу!

Короче, я перестал этим делиться. Я прожил неправильную жизнь. Нужно было лежать на каталке и пускать слюну. Тогда мне прислали бы немного денежек, вы видели бы мое обреченное лицо во френдоленте, ставили «сочувствую».

Или проматывали. Но ей-богу, я не знал, что так надо. Простите меня, что ли. Я обязательно умру, постараюсь в мучениях.

Просто подождите.

P. S. Ну а если серьезно, то медицинская этика и (просто гуманистическая) делает нашу жизнь лучше. Погуглите, что такое ятрогенные заболевания. Некоторые наши врачи и тупые люди делают все для развития психозов и патологий. Здоровый может быть несчастен, а больной — счастлив. Счастлив может быть не только человек, который заплатил за это психологу. Счастлив может быть просто любой — вы, я, кто угодно. Счастье — это не результат анализа: пока не получу, не узнаю. Я не мотивационный оратор, чтобы сказать вам «вы уже счастливы». Просто поверьте, счастье — это не товар в дефиците. Если вы его у кого-то заберете, то его не станет где-то больше. Его станет везде меньше. А вы мудак.

Спасибо, мозг!

Вспомнил историю, которая помогает меня больше любить.

Когда меня с разбитой головой привезли на МРТ, то случилась одна штука. В отделении был мой друг — врач по образованию. Наверное, поэтому врач, который проводил МРТ, решил поделиться с ним мнением о пациенте — обо мне. Спросил, кто я такой и чем занимаюсь. Друг сказал, что я журналист и писатель. Врач хмыкнул: мозг, который он видел, — это был мозг… ну, скажем так, человека физического труда. Простого русского человека, который в голову — ест.

Эту историю я услышал уже после выписки из больницы. И она очень меня поддержала! Я узнал, что не только не смогу «быть как раньше», но и раньше не мог быть! У меня попросту не развиты структуры мозга, которые отвечают за креативность. Я творческий кастрат. И это суждение не человека, а ученого. Не оценочное мнение, а факт.

Оглядываясь сегодня на свое творчество, я просто обязан брать его в кавычки — «творчество». Ведь оно не дано мне Богом (у меня нет тому

доказательств), оно не дано мне разумом (есть тому доказательства). Оно результат чистейшего выживательства. Того, что остальных талантов природа дала мне еще меньше — в кулинарии, в ремонте, в эскорте.

Поэтому я трепетно отношусь к своим текстам. Бедный человек всегда знает, сколько дошираков отделяет его от голода и смерти. И, конечно, я завидую тем, чей талант как бесконечный антисептик в метро — ангелы подливают его утром, днем и вечером.

И в эти святые дни я прошу у Бога еще немного таланта. Хотя бы две упаковки нейронных связей. Хотя бы одну!

Укол и Россия

Сделал вакцину. Первым делом я перепутал поликлиники — пришел не в тот филиал. Понял свою ошибку и вылетел на улицу. Бежал через метель, прыгал сквозь сугробы, обгонял собак и снегоочистители. И вот я, как фурия, ворвался в нужную дверь.

— Печейкин?

— Печейкин.

— Вы опоздали. Подождите. Пока заполните анкету.

Заполняю анкету. Теперь я уже знаю, что в параграфе с заболеваниями нервной системы нужно ставить галочку, где «да». Наконец меня вызывают.

Вхожу, там добрая женщина-врач. Уже хорошо, потому что в первой поликлинике была злая тетка.

— Вы не ответили на вопрос про диабет.

— Простите, я торопился, — ставлю галочку, что нет.

— Так, а что с нервной системой?

— Черепно-мозговая травма средней степени тяжести. Но со мной всё в порядке.

Это говорю я, человек, который опоздал, влетел бешеный. И написал свое имя как ВВалерий. Этот человек сейчас говорит, что с ним все в порядке. Я понимаю, что сейчас решится моя судьба. Мозг ищет ответ: как доказать свою адекватность. Как? Как как как?

Я вспомнил прием у психиатра в военкомате. Меня попросили показать на карте, где находится Россия. Но сейчас в кабинете вакцинации нет карты, а меня ни о чем не просят. И тут я вспоминаю, что один из маркеров адекватности — это вовлеченность человека в общественную жизнь. Ну, понимание, где он находится и что вокруг. Не случайно в Древней Греции идиотом называли человека, который не интересуется политикой.

Я говорю:

— Я знаю, кто президент.

Врач смеется. Это хорошо, потому что я на ее месте вызвал бы мне психушку.

— Это хорошо, — говорит, — а когда была травма?

— Восемь лет назад.

— Это какой год был?

— О, это я не могу подсчитать без калькулятора, — смеюсь.

— Я тоже, — смеется врач.

Наверное, из коридора кажется, что мы щекочем друг друга.

— Вы в восемнадцатом году делали «эхо», патологических изменений нет. Так что можем сделать вакцину.

Дала направление. В соседнем кабинете сидел длинный мальчик, совсем не похожий на врача. Он-то мне и вколол вакцину.

Я собрался и пошел домой. По дороге все время искал признаки реакции. Перепутал в темноте бутылку воды с собакой, а больше ничего интересного. В магазине купил 4 сырка-чизкейка — сбивать температуру. Пока всё.

Посмотрим, что будет утром — со мной и Россией.

Зингер

Помню одну из первых поездок в Питер. Когда я зашел в «Зингер», в Дом книги. А там, на кассе — Михаил Боярский. Я хотел достать телефон, чтобы сфотографировать. Но какая-то девушка достала — раньше. И вдруг Боярский закричал: «Сколько стоит билет?» Девушка удивилась: «Какой?» А Боярский: «До твоей деревни! Хочу купить, чтобы ты уехала!» Тогда-то я и понял, что такое говорить по-петербуржски.

Сегодня зашел в «Зингер». У касс публика покупает грустные сувениры, притворяющиеся веселыми. Боярского нет… Зато есть на выкладке мой «Злой мальчик». Видно, что кто-то даже купил пару книжек. Приятно!..

Решил зайти в туалетную комнату. Нашел по указателям, подхожу и… Слышу за дверью звуки. Глухие толчки, то ли хрип, то ли шипение. Потом мужской голос, что-то мычит. Снова толчки. Мужской голос: «А!.. А!.. Ммм!.. А!..» Потом тишина. И в конце — о, ужас! — юный детский голос: «А!..»

Открывается дверь, выходит мужик. Я в таком ужасе, что смотрю на его лицо и не могу увидеть. Прячет глаза, идет, расставив руки с толстыми

красными пальцами. Руки, которыми только что… Открывается дверь, выходит подросток. Он похож на олененка, альпаку и жертву насилия. Я смотрю на его лицо, чистые глаза, тонкую шею. Хочется подойти и спросить, почему он делает это с мужчинами, да еще в книжном магазине. Просто какая-то сцена из «Тошноты». Подросток ускользает. Я захожу в туалетную комнату. Ссу, думаю.

Не найдя ответа, иду к раковине. Она когда-то была белой, как душа этого мальчика-проститута, а теперь посерела, покрылась серыми пятнами, сколами, трещинами… Я подставляю намыленные руки под автоматический кран. Кипяток как ударит! В ладони! Ааа, скааа! Как же больно и неожиданно… Но мыло надо смыть. Я снова и снова подставляю руки. Толчки воды — один за другим. Я: «А!.. а!.. а!.. ммм… ммм… а!..»

Ааа… Вот что тут было. Этот кран сломан. Вот почему мужик шел, расставив красные руки. Он не обнимал ими девственную плоть… И этот мальчик — по-настоящему чист и православен. Как и я.

Выхожу, расставив свои красные руки. Натыкаюсь на подростка. Он смотрит на меня с ужасом. Он стоял под дверью и слышал, как я

тут… Это толстый мальчик, он в очках, в руках какая-то книжка. Кажется, «Падение» Камю. Я не успеваю рассмотреть. Но мальчик успевает рассмотреть меня. На всю жизнь я останусь для него бородатым мужиком в черном пальто, который занимался самоудовлетворением в туалете книжного магазина.

Ну как на всю жизнь. На те несколько минут, пока кипяток не обожжет его ладони, запястья, пальцы. Те, которыми он будет листать страницы Камю или, может быть, «Злого мальчика». Я не знаю.

Я знаю только то, что мальчики должны быть красивыми и экзистенциальными. Как Альбер Камю.

Секс

Харассмент бесплатно

Харассмент в России — это худшее, что может случиться с человеком.

Это слово, как и ментальное понятие, пришло к шлюхам из «западной культуры». В ней сексуальная жизнь сопровождается индустрией секса. Хочешь бабу — иди к шлюхам. Нет денег на шлюх — возьми пособие на шлюх. Есть пособие, есть шлюхи, но нет эмоционального контакта — иди к психоаналитику.

Каждая часть человеческой жизни кем-то обслуживается. Продается и покупается. Поэтому жаловаться не принято, потому что: есть проблема — есть решение. И оно стоит денег. Это и есть капитализм.

Перенесемся в Россию. Проституция запрещена, порно запрещено, геев нет. Есть чахлые секс-шопы с вибраторами на разрядившихся батарейках. Мне товарищ однажды пожаловался, как там все дорого. Хотел купить анальный крючок в подарок невесте — отдавай ползарплаты. Но зашел в хозмаг и подобрал аналог в семнадцать раз дешевле. А другой жаловался, что вызвал проституток, они приехали, но, как бы сказать, «товарный вид не

соответствовал этикетке».

В России заняться сексом — задача фаустианской сложности. Если вас схватили за жопу в Америке или Европе — вам просто не хотят платить. Человек экономит на проститутках. Это обидно. Если вас схватили за жопу в России, тут все гораздо сложней. Это может быть все что угодно: от быдловатости до приглашения в книжный клуб. Шлепок по жопе как обналичка денег — так просто быстрей договориться.

А если вас уже трахнули, то чаще всего вас просто трахнули. Не будет ни роли, ни денег, ни-че-го. Поэтому малаховы так бегают за девочками/мальчиками, которым перепал хоть айфон. Как в старом анекдоте: «Расскажите товарищам, как вы дожили, что стали проституткой». — «Не поверите, но просто повезло».

Диана Шурыгина была вдохновляющим примером. Хотя и она не пошла дальше «Бургер Кинга». Но все остальные не получили и этого.

К выводам. Если назвать случаи харассмента «рука-жопостью» (когда рука доминанта хлопает по жопе жертвы), то можно вывести следующую формулу. В цивилизованном обществе вслед за рука-жопостью наступает стадия хитро-жопости — жертва получает вознаграждение за свои

страдания. И это прекрасно.

В России же вслед за рука-жопостью следует рука-пожатность. Это означает, что в публичном поле про вас скажут: «Ты смелая девочка! Ой, а ты мальчик? Извини, смелый мальчик!» И, в общем-то, все. Большинство оценит твой инстаграм и обсудит в личке, станут они тебя трахать или нет. Бесплатно, конечно.

Как сказала зрительница на одном из эфиров Малахова: «Бесплатно — это когда платит бес».

Прости нас, Господи! Но и ты ничего не делаешь просто так…

Харассмент за деньги

В фейсбуке у Борислава Козловского появился интересный текст про харассмент на работе. Там в самом начале такие слова: «Идея, что работа не место для нерабочих отношений, растет из формулы ты-это-не-твоя-работа. Есть территория личной жизни, где ты настоящий, а есть университет, и офис, и редакция, куда ходит отбывать трудовую повинность твой гражданско-правовой дубль».

Дальше о том, что с точки зрения марксизма нельзя лишать старика профессора права быть соблазнительным мужчиной для 17-летней студентки. Лишать, конечно, нельзя. Но есть одно лукавство во всем этом рассуждении. Маркс и Ги Дебор, помогите мне, грешному.

Суть в том, что «предметом труда» профессора является его наука. Не его волосатый живот и кривые ноги. Рабочим инструментом является педагогика, а не тот инструмент, который у него между ног.

Есть целый жанр порнофильмов, посвященный тому, как один «предмет труда» заменяется другим. Там на вызов женщины приходит муж-

чина-сантехник. И далее они отчуждаются от предмета труда. Сколько ни смотрел я этих фильмов, ни один не заканчивается тем, что раковину починили. В гей-фильмах в конце звучит реплика: «I will come again tomorrow to clean your chimney» («Я приду завтра, чтобы прочистить твой дымоход»). Потому что сегодня услуга не оказана.

Зачем же нужен такой жанр зрителю — смотреть, как грубо нарушаются права потребителя? Дело в том, что услугу получает сам зритель — он в этот момент дрочит. Потому что есть время, когда зритель хочет дрочить, а есть — содрогаться от экзистенциальной боли. Помните, в финале «Тошноты» Сартра есть сцена, где из библиотеки выгоняют профессора, который приставал к мальчику. Сцена замечательна тем, что помещена в роман как в услугу высокого чтения. Выдуманный профессор трогает выдуманного мальчика. Но не вас.

Все эти казусы возможны только в обществе, где криминализирован коммерческий секс. Секс — это или услуга, или любовь, или насилие.

И чем дольше развивается человечество, тем чаще мы возмущаем тем, как плохо нам оказывают услуги. Мы едем в такси, но вместе с поездкой

в «экономе» нам навязывают музыку водителя, курение водителя, коронавирус водителя, запах — тоже водителя. И мы пишем об этом в фейсбук, тегнув агрегатор.

[Сексуально активный] профессор как разговорчивый водитель — мы киваем, угукаем и подсмеиваемся. Потому что нам так проще доехать до конца. «На переправе коней не меняют». А теперь стали менять. И некоторые предпочитают выйти посреди дороги, встать на обочине и записать номер автомобиля.

Ну а все, кто с этим не согласен, проверьте свой фейсбук. У меня во френдоленте отцы семейств публикуют одновременно два вида постов:

1. Студентки должны им давать, глотать и говорить «спасибо». Бесплатно.

2. В «Кофемании» вместо рафа сделали обычный эспрессо. За деньги.

Запомните, бесплатно вам даст только жена и Карл Маркс.

V-word

Не путайте: не называйте вульву вагиной. С годами я понял, что это разные вещи. Итак, вульва — это то, что снаружи. А вагина — это как бы то, что за ней следует. Ее перспектива. Но в России сложно с образом будущего, мы и путаем одно с другим.

Мое первое знакомство с женской анатомией состоялось на уроке алгебры. Классе в седьмом. Одноклассник Андрей спросил меня шепотом: «Печейкин, а ты видел клитор?» И, как назло, в этот момент в классе наступила гробовая тишина. В этом провале звука прозвучал мой голос. «Что? — переспросил я. — Клитор?»

Классручка сильно меня отругала. За громкость голоса и поганость слова. Но не объяснила, что это за слово и почему его нельзя произносить. На перемене мальчики рассказали, что клитор — это «кусочек женской письки». Оказалось, что женщина устроена сложно, как торт. У нее было столько «коржей»: вульва, вагина, влагалище, клитор, еще куча всяких штук.

Мальчики спорили, что и где находится. Помню диспут, откуда рождается ребенок. Постановили,

что как получится, оттуда и рождается. Через ближний ход. «У них же куча всего».

Другое дело, мужское устройство.

Когда мы говорим [«член»], то, как правило, под этим подразумеваем ствол полового члена. Яйца вообще не в счет. Про забытые тестикулы есть очень хороший текст у Виктора Ерофеева. Так и называется «Яйца» (сборник «Мужчины: тираны и подкаблучники»). Мы говорим про [член] «член», если он является орудием преступления. Мы говорим «пенис», если [член] приболел. Или как в частушке: «Я дала интеллигенту прямо на завалинке. Девки! Пенис — это [член], только очень маленький!» Пенис — это правда очень интеллигентно, но бесчеловечно.

Устроен [член] очень просто. Это ствол, который никак не называется, и головка. Она считается наиболее важной. Поэтому ее часто делают метафорой эгоизма. В школе географичка говорила: «Я — последняя буква алфавита». А военрук: «Я — головка от [члена]». В простонародье головка называется «залупой». Помню, как уролог на приеме сказал мне: «Залупи елду». Мы говорим «елда», когда хотим подчеркнуть размер [члена] или его функциональность. У «елды» одно применение — половой акт.

В школьной русской литературе [член] почти не упоминается. В старших классах наконец я вычитал его в «Лолите». Набоков называет его комически «скипетром страсти». Зато в факультативной литературе я нашел его залежи у Юза Алешковского. В «Николае Николаевиче» он десяток раз назван «членом» и один раз «сигизмундом власовичем».

Сегодня [член] все чаще — член. Потому что все чаще он преступник. Пойманный на преступлении, он сжимается до пениса, а его владелец — до мудака. Потому что муди — это яйца. Беззащитные и внешние. Женский организм устроен мудрей, женщина все прячет внутри: и органы, и ребенка, которого вынашивает. Это потом он родится, отрастит [член] и станет мудаком.

Лучшее время мужчины — это девять месяцев в мамином животе. Когда вокруг — ничего, кроме рисунков Юлии Цветковой.

Я верю, что так будет и после смерти. [Ничего.]

Яйца

Я напишу про мэнспрединг и, простите, яйца.

Конечно, мы все осуждаем мэнспрединг — мужчина не должен занимать в транспорте места больше, чем женщина. Мы также осуждаем шибегинг — это когда женщина ставит рядом с собой сумку. Но тут начинается разница между мужчинами и женщинами. Женщина может выйти без сумки, а мужчина без яиц — никак.

Природа придумала яйца так, что они выведены за пределы брюшной полости. Почему? Потому что там происходит выработка сперматозоидов, а для этого нужна специфическая температура — 32 градуса. Так вот, чисто инженерно это оказалось возможно за счет выведения тестикул из организма во внешний орган — мошонку.

Из-за нее мужчина и раздвигает ноги в транспорте. В жару особенно. Потому что жара убивает его сперматозоиды. Это биология.

Конечно, биология не оправдывает хамства. И если женщине нужно сесть, то мужчина должен убить пару десятков миллионов сперматозоидов. Новые вырастут.

Но бывают такие моменты, когда просто невозможно сидеть иначе. Например, когда из почек выходят микролиты. Они проходят прямо — там. И просто невозможно не мэнспредить. И если в этот момент вы будете обижаться на мужчину, то знайте — ему очень больно. Это как не уступить место беременной. Мужчина в этот момент рожает крохотный микролит.

Конечно, не все мужчины в транспорте рожают, когда сидят, раздвинув ноги. Но тут надо читать статью сначала. В какой-то момент — поймете.

Тут еще вот в чем дело: если женщина «раздвигает», то общество ее критикует. Мол, раздвинула! А мужчина иногда просто не может не раздвигать. Мужчина всегда хочет. Мужчина всегда вынашивает. По сути, яйца — это самая «женская» сторона мужчины. Это как два младенчика, которые всегда с тобой. Ты растешь, стареешь, бородеешь. А они не особо. Яйца мужчины — это его детство, хрупкость, боль. Заметьте, что мы говорим «держать за яйца». Потому что тот, кто владеет яйцами, — владеет вами. Ну, если вы мужчина. Яйца — это как история браузера. Там всегда есть пара маленьких секретиков. И тот, кто их знает, тот майор или мама. Те, кто вас любят. Держат или удерживают. За яйца.

И если мужчина доверил вам яйца, то он доверил вам себя. Теперь вы — «мы». Теперь вы точно вместе. Как — они.

Обнимите меня

Я сейчас живу в загородном доме, который после нас будет сдан под каддл-вечеринку. Под что? Под каддл-вечеринку, говорят мне.

Так я узнал, что это вечеринки, где собираются люди, чтобы сначала просто обниматься, а потом… ничего. Это как? Это вот так.

Я подумал, что это как безалкогольное пиво, детское шампанское «для принцесс» или beyond meat.

Но оказалось, что это все-таки нечто более сложное и интересное.

Лет пять назад я зашел ночью в торговый центр на Беговой. Купил паэлью со скидкой и пошел к кассе. На моем пути вырос парень, который обратился ко мне: «Молодой человек…» Я подумал: о нет, он хочет паэлью. Но вдруг он сказал: «Можно вас обнять?» Сказать, что я был в замешательстве, — ничего не сказать. Холод сковал меня, как паэлью. Парень, увидев ужас на моем лице, быстро объяснил: он начинающий актер, и ему дали такое задание — пообнимать незнакомых людей. Я согласился, но обнимал его одной левой рукой, а правой держал за спиной свою

заморозку — я до последнего был уверен, что он хочет ее забрать. Но нет. Обнял, ушел.

В общем, каддл-вечеринки — это по-настоящему. Только объятия, «нельзя сексуализировать контакты», трогать писюн, сисюн. «Так не похожи на объятья прикосновенья этих рук», — обратится к вам словами Ахматовой модератор вечеринки. То есть это даже не петтинг. Можно пощекотать пятку, если разрешит владелец. Если вы захотите перейти к сексу, то за пределами вечеринки. А здесь — только каддл.

И вот для этого несколько парней и девушек едут за сто километров в дом во Владимирской области. Рядом речка, сосновый лес, ставропигиальный монастырь. Казалось бы, любись да молись! Но нет.

А ведь на самом деле каддлинг — это гениально. Объятия бывают гораздо лучше секса, как замысел лучше романа или пьесы. Огромное количество всего на свете могло бы стать лучше, остановись оно на этапе объятий. Если бы после питчинга в Минкульте не снимали кино, после выборов президента он бы просто менял аватарку «кто здесь самый крутой?». Поэт не убивал деревья своей графоманией, а просто проговаривал вслух рифмы: кот/небосвод, стул/Вельзевул,

бинджвотчинг/Сорочинск.

А вместо войны генерал говорил просто «бух!». А второй отвечал: «Не попал!»

По-моему, гениальная идея. Обнимите меня!

Обнимите меня крепче!

Написал про каддл-вечеринки и вспомнил, что кое-чего недосказал. Дело в том, что, если честно, я давно исповедую радикальный каддлинг. Самый радикальный — я обнимаю неживые предметы.

История у этого довольно долгая и сложная. Началось все в детстве. Соседка с пятого этажа подарила мне игрушечного филина. С чем это было связано — я не помню. Обычно мне ничего на дарили, а тут — роскошный филин. Помню, что ее маленького сына звали Вовой. Родители потребовали, чтобы я с ним дружил. Вова играл в песочнице, я залез туда и предложил дружбу. Вова сразу бросил мне в глаза песком, а я ударил его кулаком по голове. Был крик. Такая дружба.

И вот после этого у меня оказался филин. Вероятно, мои родители тоже что-то подарили Вове, чтобы исчерпать конфликт. А филин оказался моим «Северным потоком-2».

Много лет я не мог без него уснуть. Если я назову вам возраст, до которого я засыпал с детской игрушкой, то вы сильно удивитесь. А для меня это было невероятно важно, чтобы филя был воткнут

в верхний правый угол — между подушкой и стеной. Я помню каждое его синтетическое крыло, порванную резиновую лапку, подклеенный черный глаз. Филя был моей Лолитой.

Прямо скажем — я бы сейчас много отдал, чтобы его вернуть.

С тех пор спать я могу, только если обнимаю что-то. Важно: неживое. Сейчас — это любая подушка. Пару лет назад у меня стала болеть спина и спать на боку стало необходимостью, а с подушкой — это оказалось проще и приятней.

И тогда я узнал про еще одного каддлера. И если я казался радикальным, он просто лукашенко каддлинга — человек, который пошел ва-банк. Это мужчина, и он купил себе на «Озоне» подушку… для беременных. Я даже видел ее — это двухметровая колбаса в чехле с белыми медведями. Эта подушка — обязательное условие его сна. Я до такого пока не дошел. Но… я думаю об этом.

Подушка кажется мне идеальным партнером: мягкая, не ругается, не требует айфон, не жалуется в фейсбуке. Недостатки: нужно стирать. Но, согласитесь, это ничто по сравнению с ее достоинствами.

Каждый раз, обнимая ее, я вспоминаю слова оды Шиллера в переводе Миримского. Их я

собственноручно переписал в тетрадочку в ташкентской юношеской библиотеке:

Обнимитесь, миллионы!
Слейтесь в радости одной!
Там, над звездною страной, –
Бог, в любви пресуществленный!

Когда я, как герой «Заводного апельсина», окартинивал в уме эти слова, то никогда не представлял себе обнимающихся людей. Это вульгарно. Однажды я был на протестантской воскресной службе, где нужно было обнять соседа — это показалось мне странным. Объятия миллионов я всегда представлял себе объятием миллионов со своими подушками, игрушечными филинами, с мешочками ароматических саше. Но не людей с людьми.

Если вам кажется это прихотью, то я спрошу вас — зачем тогда пришел коронавирус? Зачем Бог обрушил экономику, рубль, туризм, авиасообщение, театр, фестиваль «Нашествие»? Бог просит вас, чтобы вы поняли, что это серьезно.

Плакать — в подушку, обнимать — подушку, душить — по… А, это я заговорился.

Всем добрый вечер.

Массаж или секс

Мне захотелось сделать массаж. Ну, чтобы мне его кто-то сделал, я-то сам не умею. Причем долгий массаж, чтобы час лежать и кряхтеть. В последний раз такой был у меня в Костроме, на меня еще горячие булыжники положили. Я тогда не знал, что массаж нельзя делать перед рабочей встречей. Потому что после я был как пьяный. Но, к счастью, в Костроме это незаметно: на каждом столбе объявление «помощь алкозависимым и наркозависимым» или «куплю рога». Я тоже был немножко на рогах.

Шел к метро и увидел, что рядом с домом в бизнес-центре есть массажный кабинет. Название вроде: «Боли — нет, жизни — да!» Записал телефон, на следующий день позвонил. Трубку взял сам массажист. Голос недовольный. Я объясняю, мол, так и так, хотел узнать, как к вам прийти, на сайте нет расписания и проч.

— А что у вас? Травма? Перелом?

— Нет, у меня, знаете, по утрам, бывает, болит спина. Ну, зажимы всякие. Одеревенения!

— То есть вы для удовольствия?

— Ну, для здоровья и…

— …удовольствия?!

Массажист повторил это слово еще раз двадцать: удовольствия? удовольствия! удовольствия…

И тоже раз двадцать дал понять, что его массаж не для удовольствия, а для тех, у кого проблема, у кого болит, у кого сломано, жизнь кого превратилась в ад, кому никто не помог.

В каждой фразе массажист уличал и обличал меня в том, что я хотел удовольствия, но он не такой, он про боль, про последний шанс, про жизнь. И еще он очень дорогой. Я еле отвязался от него. Положил трубку.

Через пару недель был у стоматолога. И решил зайти к физиотерапевту (платные услуги, не городская поликлиника). Сидит пожилая женщина, назовем ее Нарине Самвеловна. Захожу, объясняю. Она меня не прогоняет, кивает, что-то пишет. Выясняю, что она записывает меня на массаж грудного и поясничного отделов.

— А сколько он длится? Час?

— Щтё? Час? Какой час! Дэсят-пятнадцат минут!

— Десять… пятнадцать?.. А вот мне делали массаж в Костроме больше ча…

— Это фсё дэтские игры! Дэсят минут! Шесть

днэй подряд!

— Но…

— А ви что, для удоволствыя?

Она подтянула очки на носу и посмотрела на меня: так-так, вот он какой, пациент Печейкин Валерий Валерьевич, сибарит, гедонист, гюисманс. И тут я понял, что между врачами-массажистами есть договор — вытравить из своих рядов тех, кто делает массаж для удовольствия. Их утомило то, что к ним приходят с этой мерзкой целью. Если массаж — то для удовольствия. Массаж — он для боли. Запомни это, Печейкин.

Вечером рассказал об этом другу. Он сразу прислал мне группу в телеграме — там классический долгий массаж, демократичные цены, выезд. Правда, все объявления от мужиков, некоторые приписывают «добавишь 3000 руб. и могу трахнуть». Пригляделся: группа эскортников.

Вот я сижу и делаю выводы. А выводы очень простые. Есть 3 варианта: получить дорогой массаж при адской боли, получить быстрый массаж от Нарине Самвеловны 6 раз подряд. Или получить общий классический массаж от приятного собеседника. И сэкономить 3000 рублей. Или нет.

Буду думать. Буду выбирать.

Зачем нужны психологи?

Разговаривал вчера с другом, и он говорит: «Ну а ты напиши публично о том, что мне сказал. Почему не пишешь? Потому что боишься! Знаешь, что тебя порвут на части!» И вы, наверное, подумали, что я сказал что-то нетолерантное, ксенофобское или плохое про Путина? Нет, я говорил совсем не это.

Я просто признался, что не понимаю, зачем нужен психолог. Но аккуратно добавил: «Лично мне».

Дело в том, что никогда, даже в самые сложные моменты, я не чувствовал необходимости в услугах психолога. Я нуждался в деньгах, в лекарствах, в одежде или утюге. Но никогда не нуждался в психологе.

Однажды по заданию редакции сходил к бесплатному московскому психологу — он сделал мне «расстановку». После сеанса я чувствовал себя намного хуже, чем до. Те, кто слушал эту историю, начинали трактовать ее психологически: тебе, Валерочка, попался плохой специалист, а нужен хороший, у тебя психологическая травма от психолога! Давай я тебе посоветую одного

очень хорошего и недорогого — пять тысяч сорок пять минут.

Я могу понять, зачем нужен водитель, массажист, проститутка или президент. Но зачем [мне] психолог — не могу понять. Притом что всю жизнь я профильно занимаюсь инжинирингом человеческих душ. И своей собственной. Притом что был период — половина моей френдоленты писала в духе «вчера хотел покончить с собой, но похудел, смотрите: мой six pack, буду жить».

Насколько понимаю, психолог — это человек, которого я допускаю как профессионала в свое нутро, как допускаю стоматолога в свой рот. Ведь я не могу депульпировать свой зуб, но с душой — совсем другое дело. Кто лучше меня в ней поковыряется? Чья кюретка тоньше моей?

Психолог — это человек, который заведомо не может справиться со своей работой. И который будет раздражать меня больше, чем лечить. Да и от чего он меня вылечит? Одиночество, сомнения, тревога — я уверен, что все это философские проблемы, а не психологические.

Я представляю свой разговор с психологом как встречу Франца Кафки и Рудольфа Штайнера (был такой теософ). Кафка так заканчивает запись в дневнике: «Вначале ему мешал небольшой

насморк, у него текло из носа, он беспрерывно возился с носовым платком, усиленно работая пальцем в глубине каждой ноздри». И все. Никакого вывода или облегчения.

А все потому, что психолог работает с пациентом в отрезке времени — в том, за который он заплатил. А философ, Кафка (и я среди великих) — в концепции всей жизни. Она заканчивается не облегчением, увы. Это настоящая проблема, и ее никто не может решить.

Поэтому смешно приходить к психологу с бессонницей, тревогой, смущением, вожделением. Какая это ерунда в сравнении с тем, что когда-нибудь наступит миг, который отделит меня от своего тела, ваших добрых слов и видео котят, напуганных своим отражением. Так человек испугался бы, взгляни он в зеркало, а там — никого.

Еще Карнеги советовал учиться у кошек: если ты сыт, есть теплая коробка и не кусают блошки — ты уже счастлив.

Я, например, счастлив абсолютно. У меня есть все (кусь, коробка, блошек нет), а сегодня еще и солнечно. Одна лишь грусть: начался закат. Самое время залезть в коробку и уснуть.

Сексуальный сантехник

Накануне я вызвал сантехника, чтобы заменить смеситель. И нет, дальше не про это: «Я видел фильм, который так начинается». И не про то, что сантехник вообще не пришел, но взял аванс. И он не стал вдруг говорить про Крым. Не спросил, женат ли я. Не стал говорить, что Путин красавчик. И не выяснилось, что он из Минска или Хабаровска. И не рассказал он вдруг историю о службе в Афгане. И не оказался типичным представителем какого-то класса, подвида или трайба.

Он просто очень хорошо сделал свою работу. И я в очередной раз убедился, что добро — это когда человек из уважения к другому человеку становится равен своей рабочей функции. Сантехник равен сантехнику. Не философу, геополитологу или богослову (как сантехники из ГБУ «Жилищник»). Доброта — это как если бы Иисус во втором пришествии явился плотником. Починил дверной косяк и вознесся. Ю-ду победило зло.

Быть хорошим сантехником — это очень круто. Это и есть настоящая философия. Мой сантехник Андрей дважды сам ходил за отражателями, сам

купил заглушку на трубу, сам купил и привез полку из «Леруа». Он своим поведением сказал мне о мире, боге и труде больше, чем Ханна Арендт. Вот что такое банальность добра, дорогие друзья. Настоящий фильм для взрослых — это кино, где в начале сантехник приходит, чтобы починить раковину. Чинит и уходит.

Это секс.

Не менее сексуальный плотник

Мне тут потребовался плотник — Иисус Христос по первому образованию. И я обнаружил, что найти нормального плотника очень сложно. Сколько угодно драматургов, режиссеров, защитников тесака, антифашистов, феминистов, биполярников, а плотника — ни одного.

Со слезами я нашел одного на профи.ру, но как-то мне не понравилась его физиономия. А второго — с большим трудом — на YouDo. Сергей, 52 года, кроссовки модней, чем у всех моих знакомых.

Сразу заплатил, чтобы не ушел.

И стал думать: как так? Ведь мне всего лишь нужно 2 стеллажа на балкон. Это оказалось кратно сложней и дороже, чем я думал. Просто CrewDragon из ДСП.

Моей первой ошибкой была тема задания — вместо «изготовить стеллаж» я выбрал «организация хранения». И мой заказ стали просматривать дизайнеры — елены и эвелины, которые обставляют особняки любовницам олигархов, помогая отличать креветочный цвет от фламингового. И вот несколько эвелин просмотрело мою задачу.

Я не знаю, что с ними потом было. Возможно, им потребовалась коррекция зрения. Возможно, консультация психолога. «Я всегда ворсила по люксу, а тут — хрущевка. Есть ли способ забыть это?»

Когда я поменял задачу на «изготовить стеллаж», ее стали наконец просматривать саши и васи. Тут и выяснилось, что мастеров таких с гулькин пенис. Просто нет.

Ребят, вы извините, но собрать 2 простых стеллажа за 15к (без учета материалов) — это более чем нормальные деньги.

В общем, очень трудно быть средним классом — с одной стороны, люкс, с другой — пьеса «На дне». А посередине только разговоры о том, что все достойны жизни.

Но мне мало жизни. Мне нужен стеллаж.

Разговор с плотником

Мне пришла в голову гениальная идея. Я хочу поговорить со своим плотником, как будто я заказчик, а он сценарист. (Если кто не знает: я нашел плотника, чтобы он сделал мне два стеллажа на балкон.)

Говорить буду так:

— Сергей, а можно сделать дешевле?

— Можно, если брать не ЛДСП, а просто белый ДСП.

— А можно из дуба, но в три раза дешевле?

— Хм… А как?

— Не знаю, вы мне скажите.

— Ну, тут надо выбрать, Валерий: или белый ДСП подешевле, или из дуба, но дороже.

— Хорошо, я просто думал, вы захотите меня порадовать… А можно, чтобы стеллажи отражали пространство сзади и как бы увеличивали визуально балкон?

— А как это?

— Ну, я видел в тик-токе видео: в Японии такой материал вчера изобрели.

— Ваш стеллаж будут выпиливать в цеху в Химках…

— Ок. Хорошо. Спасибо. Я понял. А можно ли за счет стеллажа увеличить реальную площадь балкона? Я видел на Пикабу: в Дагестане так делают.

— Валерий…

— Я понял! Вы и этого не можете. Последний вопрос: ваш стеллаж может вернуть мне ощущение забытого детства, воскресить восторги молодости, быть мудрым, как Хемингуэй, и красивым, как Даня Милохин?

— …

— Сергей?

— Валерий, смотрите, вам вчера три режиссера, два критика и один инфлюэнсер написали, что могут сделать сами из папье-маше и козявок — может быть, вам их попросить?

— Сергей, давайте конструктивно.

— Конструктивно?! Да у нас в стране все думают, что если они могут работать тесаком, то могут и рубанком! Тьфу!..

— Сергей, что будем делать?

— Это вы мне скажите, Валерий.

— Я не знаю. Все не нравится… Я уже молчу про функцию идеального бойфренда, встроенного в стеллаж. Вы простые вещи не умеете, а уж это… Вот я тут сам нарисовал. Вы можете так собрать?

— Что это, Валерий? Вы нарисовали какой-то

кружок.

— Это вообще-то эллипсоид.

— Не понимаю.

— Просто сделайте мне обычный типовой шаровой стеллаж. Я сам сделаю из него квазигеоид.

— Вашу мать, Валерий! Что вы несете?

— Оскорбления пошли, класс. Просто отлично.

— Все, Валерий, я пошел.

— Может быть, вам другой профессией заняться? Например, нейробиологией? Плотник-то из вас не выше-е-ел, ахаха!

— Идите к черту, дорогой Валерий.

— Вот так. Ни настроения, ни стеллажа.

Звук удаляющихся шагов. Валерий пожимает плечами. Придется ждать Второго пришествия, когда Великий Плотник придет. И Наступит Стеллаж.

Аминь.

Победи свои страсти

Встретил в метро такую женщину. Теперь думаю о ней. И книге, которую она читает, — «Победи свои страсти» архимандрита Василия (Бакоянниса). Словно для меня женщина раскрыла ее на главе «Язык как меч». И я вспомнил, как бабушка говорила мне: «Язык твой — враг твой, Валерик». И ведь она была права — этот маленький кусочек мышц во рту доставил мне кучу проблем в жизни. Даже больше, чем похожий кусочек, как говорили в школе, «на метр ниже». Проблема с языком в том, что он все время болтает в голове, даже когда рот закрыт. Даже когда в голове он не говорит, то за ним все равно что-то думает. И там — страсти.

Думаю, может, найти 314 рублей и купить книгу архимандрита? Там, например, есть главы «Жало в плоть», «Прикрой брата своего» и — особенно меня интересует — «Старик в детском саду».

Если бы я был блогером, то в конце написал бы: «А какая у вас страсть?» Но если вы это читаете, то ваша страсть — я. И меня не победить.

Гибискус

На день рождения мне подарили гибискус. Вернее, не готовый гибискус, а набор для его выращивания — экокуб. И вот теперь я понимаю, почему у меня нет детей. Потому что я знаю все заранее.

Я, старородящая мать, высажу его в октябре. Уже через час я вернусь, чтобы узнать, ну как он там — когда зацветет? А он еще не проклюнулся через землю. Это нормально? Может быть, он погиб?! У меня начнется истерика. Потом меня успокоит гибискусолог — так у всех, он появится, ваш сладенький. Я зарегистрируюсь на форумах про гибискус и буду читать все, что пишут. Потом он наконец появится и начнет расти. Я буду стоять рядом с линейкой и измерять каждые полдня. А потом он однажды зацветет… Я заполню память телефона его фотографиями, терабайты снимков его цветочка — все ракурсы, такой свет, сякой свет, макрофото, гибискус на окне, я и гибискус, я целую гибискус, я держу его бутончик на ладони, я поливаю его, я удобряю его, еще раз я и гибискус. При встрече я буду вынимать телефон и говорить: «А вы видели, какой я вырастил гибискус?..

Видели… Но… есть новые снимки!»

А потом случится страшное. Я увижу другой гибискус — выращенный из такого же кубика. Но он будет выше, крупнее, краше. Гибискус подруги. Уткнувшись в подушку я, захлебываясь, спрошу себя: что я сделал не так? Свет был, азотистые удобрения были, вода была. Почему ты вырос таким? Я же растил тебя, как все, а ты вышел другим. И тут мне откроются глаза — все другие гибискусы лучше. Все. Кроме одного, который упал с окна и разбился. «Даже с конца ты не первый. Ты предпоследний. Ты не гибискус, ты кактус». А он что? Он молчит, как молчат все дети. И только потом, много лет спустя, я узнаю, что все это время он считал себя ромашкой, что каждый раз, когда я подходил к нему, он испытывал брезгливость и боль. И что он мечтает только о том, чтобы вернуться в коробочку, лечь в теплый грунт, сжаться в зерно.

Я сижу со стеклянными глазами перед ноутбуком. На форумах цветоводов новые снимки чужих гибискусов и их гибискусят. На Яндекс-дзене статья «Женщина не ожидала, что из гибискуса получится такое чудо! (Фото)». В комментариях меня спрашивают, почему я давно не выкладываю свой цветочек. А я боюсь, что подру-

ги узнают — гибискус сам завел инстаграм. Он там ромашка, он в одном горшке с черной розой.

Я смотрю и думаю: да, лучше тебе быть зерном. А на следующий день я иду в магазин и покупаю куб — «жгучий перчик». Ночь я проплакал, на утро — изменился. Теперь я как Сатурн. Выращу — сожру.

«Битва экстрасенсов» и я

Я не знаю, как настроить френдоленту, чтобы она сообщала важные новости. Например, уже давно идет новый сезон «Битвы экстрасенсов». Там лысый мужик с сушеным оленьим членом нашел трех мужиков в багажниках. Бабка из Эстонии кричит, как гигантский комар, но это не помогает ей найти мужика в багажнике. А красавчик некромант нашел все что угодно, кроме мужика в багажнике, но он чувствует менструацию Ольги Бузовой. А еще у нее над головой черная воронка, венец безбрачия и образ бывшего мужика с загнутым писюном. Что-что? Вот-вот.

Из антропологических наблюдений: в этом сезоне теперь, как на выборах, сидят наблюдатели. Они типа смотрят, чтобы все было по-честному. Иногда даже сомневаются, даже обвиняют в подсказках. Но потом смотрят записи и говорят: а, все норм. Жду, когда перед экстрасенсами поставят острый вопрос: кто победит на выборах в 2024 году. И как лысый мужик сожмет сушеный олений хер и скажет: [Правильный Ответ].

Идет 21-й сезон. Смотрим.

Гендер в кафе

История про гендер с неожиданным финалом.

Захожу в кафе, выбираю столик. К этой минуте лучший столик — рядом с детским уголком. Обычно я никогда не сажусь в этом месте (дети = кошмар). Но мое привычное место занято — там стоит лестница и вешают гирлянду.

Ок, сажусь рядом с детьми. За соседними столами две пары: мать с мальчиком и мать с девочкой. Детям лет по 6–7.

Мальчик воплощение будущего токсичного мужика. Ведет себя безобразно: кричит, бегает, разбрасывает карандаши и книги в детском уголке, быкует на чужую девочку. В конце хватает на кассе бутылку воды и убегает, мать — за ним. Отнимает воду, возвращает на кассу, а мальчик дерется и ревет. Короче, анфан террибль.

Девочка с мамой наблюдают за этим. И я. Мы мудро вздыхаем. Наконец тетка с мальчиком уходят. Хорошая мать и хорошая девочка идут к кассе. Как же отличается девочка от мальчика! Даже в походке. Девочка подходит к кассе, спрашивает у мамы: «Я могу взять сок?» Мать кивает, девочка берет бутылочку. Здесь прекращает иг-

рать рождественская песня, и, пока не началась другая, я слышу — девочка шепотом говорит матери: «Ты моя самая любимая мама на свете…» Этот шепот в тишине звучит как хоровой финал 8-й симфонии Малера (там очень громко). Мать смущенно смотрит на продавщицу, на меня. Мы красные от чужой тайны и умиления. Они покупают сок и собираются уходить. Девочка надевает курточку, собирает свои танки, машинки и солдатиков…

Стоп. Откуда солдатики у девочки?

Дело в том, что я поменял мальчика и девочку местами. В начале дикий ребенок, оравший на все живое, ворующий воду, — девочка. А тихий скромный мамин пупс — мальчик. С машинками, трансформерами и прочим.

О чем эта история? О том, что в тишине между рождественскими песнями, можно услышать кое-что важное. Или сказать.

Сериал «Эскортницы»

Я придумал российский сериал «Эскортницы» с Александрой Бортич, Юлией Александровой и Инной Чуриковой. В финале героиню дорого вылюбливают, но без любви. Другую — по любви, но за какие-то рубли. А Чурикова говорит им: счастье — это когда сходятся спрос и предложение. Режиссер скажет, что он ничего не хотел сказать, выводы зритель делает сам.

Почему я придумал этот сериал — я живу в районе апартаментов, которые богатые дядьки раскупили для эскортниц. Это та-а-акие дева-а-ачки!.. У них два режима лица: морду скукурузила и гривуазный шарман. Первым они расчищают проход, вторым — работают.

Каждый день я и эскортницы закупаемся в одном магазине. Они смотрят на меня в духе: «Ты как харч себе добываешь? Или с мужика живешь?» Я для них как мопс, вставший на задние лапы. Стоя в очереди на кассу, я разглядываю их филерные контуры. И думаю, какой же я слат-шеймер, фу. Главная загадка, почему они никогда не берут пакет, а всегда уносят покупки в руках. У меня два ответа. Первый — они берегут природу.

Второй — они привыкли брать руками столько, сколько природа дала.

Вернулся домой с этими мыслями, открыл компьютер, а там письмо: «Доброе время суток! Мы недавно совершенно случайно встретились… И ты меня заинтриговал — всё время думаю о тебе. Захотелось продолжить наше знакомство. Живу в соседнем доме, одна. Приглашаю, встретимся у меня? Вспомнить меня тебе поможет моя страничка ниже». И почему-то подпись «Святополк Зеленихин».

В общем, я решил дождаться, когда Святополк закончит трансгендерный переход, потом куплю тортик «У Палыча», возьму тыщи три рублей (хватит?) и наведаюсь. Или пять? Неужели так дорого?.. Ох. Ок.

Средь белого дня!

Недавно столкнулся с публичным харассментом — вот так, средь бела дня на улице.

Иду в сторону «Белорусской» по Пресненскому валу, мне навстречу — парочка. Мужчина и женщина, возраст — около 30 годиков. Воскресенье, поэтому мало машин, и в наступившей тишине я слышу, как она говорит ему, склонившись: «Какой красавчик…» И смотрит вперед, на меня. Я подпрыгиваю. Муж тоже смотрит и, чуть сдержанней, говорит: «Ага». И подмигивает. Жена вытягивает губы в трубочку и делает: тьмок. Я в ужасе. Я не знаю, что делать. Начинаю икать.

Накануне я вышел из метро, и девушка, впаривавшая какую-то ерунду, обратилась ко мне: «Молодой человек с серьезным лицом». Но не «красавчик», не «поцелуйчик». Что уж скрывать, я не Антиной, на моем лице бегущая строка — идикчертуидикчертуидикчерту. Конечно, я прошел мимо девушки, пока она не уговорила меня помочь людям, животным или купить отпариватель.

Но эти двое шли прямо на меня, за ними показалась третья женщина — она воткнулась

в меня глазами. Просто самка. У меня в голове пронеслось: это свингеры Пресненского района: я слышал, у нас есть такая группировка. Я дрогнул: почему бы и нет? Но тут же мысль: они пойдут ко мне? А если соседка наготовила борща и запах на весь подъезд? Но, с другой стороны, нам наконец поменяли двери с консервных банок на люксовые — хоть войти не стыдно. А эта троица была люксовой — мужик-альфач и бабы-шевроле. Но снова дрогнул: где я рассажу всю эту компанию? У меня и стульев столько нет. Решил так: бабу попроще на раскладной стул, мужика на обычный, а роскошную девку — на диван. А потом?

Прямо скажем: у меня мало опыта оргий. В основном они литературные. Но как мне поможет литература, когда дело дойдет до фразы «а теперь я» или «а теперь ты»? Их трое, все статусные и, видно, опытные. Лет под тридцать. Это двадцатилетних можно заболтать, как таксист на «экономе». А эти явно бизнес-класс: тут и «какое радио вы предпочитаете», «температура в салоне комфортна для вас?», «я помогу вам с дверью», «для ребенка есть кресло».

Стоп! Ребенок. Они катят коляску. Серую, как асфальт: она попала в слепую зону. Все это вре-

мя они подмигивали малышу в коляске, это он красавчик. Не я. Я все тот же «молодой человек с серьезным лицом».

Мы прошли мимо друг друга. Они так и не узнали, что побывали у меня дома. Что я влюбился, может быть, пригласил их посмотреть «Космическую одиссею: 2001». Они сначала согласились, потом в последний день он написал «извини, на работе ааа», потом она — «давай после праздников», а в конце во всех чатах — «сообщение прочитано». И я понял, что воспринял всё слишком серьезно — как фильм Стенли Кубрика. А это был кубик Рубика: разобрал и бросил.

Коляска едет дальше. Всего хорошего.

Стыд в штанах

Прошло полгода, прежде чем я решил написать об этом. О самом стыдном событии этого года. Это было в конце весны или в начале лета. Мне хотелось есть. И я ждал курьера с едой. Не спрашивайте почему, но мне нужно было спуститься за посылкой (еды было реально очень много, и ее везло такси).

Я дома, на мне домашняя майка и штаны. Знаете, такие, которые когда-то полюбил в молодости, как жену, а потом они располнели вместе с твоей задницей, пропитались потом, пятнышками и обросли катышками. Но все это не замечаешь, как морщинки на любимом лице.

Вот и у меня были такие штаны. Более того — есть.

Я был в них, когда спускался навстречу курьеру. И, клянусь, у меня вдруг возникла телепатическая мысль: «Можно ли выходить в таких штанах на улицу? А что, если кто-то увидит?» Но кто? Соседям все равно, они видели меня уже во всем, и я — их. Но мысль была настойчивой: а что, если увидит кто-то другой? Но я отогнал эту мысль, как смешную и горделивую — кто может меня

узнать?

Вышел, стою. Стою, жду.

— Валерий, это вы? Ой, это вы! Рада вас увидеть? Вы где-то здесь живете? Я очень люблю вас читать!..

Да, ровно в этот момент по дороге шла девушка, которая меня узнала. Я посмотрел на нее, но не увидел. Потому что все мои чувства были внизу — в штанах. Я почувствовал все катышки, все помятины, кратеры отвисших коленок. Я мог бы стать донором катышков — если их собрать, то можно сделать из них большой катун с теннисный мяч.

Я думал только об этом, а мозг бормотал какие-то благодарности.

Так в моей жизни появился большой стыд. И машинка для катышков. И признание: я терпеть не могу, когда кто-то окликает меня на улице. Просто ненавижу. Потому что если я куда-то иду, то я куда-то иду. За едой, за «оскаром», на колядки — куда-то, у меня есть цель.

Пожалуйста, никогда не останавливайте меня на моем пути. Я не катышек, я солнышко — не стою на месте, а качусь куда-то, возможно, по кругу. Но свечу всем.

Ужас сториз

Если бы я мог что-то попросить у бога, то первая мысль такая — боженька, сделай так, чтобы при включении сториз по умолчанию не включалась передняя камера. Я умоляю тебя, боженька! Смотри, что происходит каждый раз: я хочу запостить смешную картинку, открываю сториз и — что за чудовище? — вижу свою рожу, второй подбородок, хмурый еблет, ааааааа. Но, кажется, от боженьки проще добиться того, чтобы остановились перелеты, театры, школы. Это он легко исполняет. А включение камеры избавило бы меня от ежедневного шока. Каждый раз я говорю себе: и этот человек называет себя счастливым? Учит других жизни? Не зря ведь говорят, что каждый после 30 имеет то лицо, которое заслужил и вырастил. Так вот, с нижней точки у меня лицо мирового диктатора — Муссолини с картины «Красное яйцо» Оскара Кокошки. Могу лишь только пожелать вам выглядеть и снизу, и сверху как яйцо Фаберже. Здоровьяйца вам!

Низкая самооценка

У меня есть друг, у которого «низкая самооценка». И он очень сильно стрессует, когда заходит в инстаграм. Очень.

Ведь он считает неприличным себя хвалить. И хвастаться. А если человек себя хвалит, то делает это по праву. Так другу кажется. Поэтому, когда он заходит в инстаграм, то ужасается гейзеру чужой радости. Бабы трясут торпедами, качки — гейнерами, дети бебекают, собачки кувыркаются, счастливая парочка вбегает в волну. А-а-а-а!

У меня ровно наоборот. Я захожу в социальную сеть и думаю: господи, деточки мои, родненькие, что с вами. Я смотрю на каждого, каждую и вижу надрыв — вижу, как дергается глазик, как выбрана поза. Зря. Впечатление от этих фоток как от фразы «вы не имеете права», сказанной менту. То есть пофиг. Мне грустно, что люди стараются произвести на меня впечатление. Они забираются на меня, как на ледяную горку, и скатываются вниз. Фьюююю…

Потому что есть только одно совершенство. Каждое утро я просыпаюсь и говорю: ой, кто это?! В этот момент я понимаю: я и есть Валерий

Печейкин. Тот, кем должен быть каждый. Мой день выглядит так: я созерцаю переливание и сверкание своих совершенств! Я гляжу на себя как на космический кристалл, зависший над Россией. Да, иногда не нравится какой-то поворот моей башки или торчащий вихор. Но в целом я себя устраиваю. Ведь это я.

Оказывается, не все так могут. Друг признался, что зашел на страницу своего знакомого — он там хохочет и хвастается. И друг мой скис: какие все счастливые и хохочущие. Не знаю, чем ему помочь. Не могу же я сказать: чувак, единственное, о чем стоит переживать, что ты — это не я, потому что я, ну, кристалл совершенств и все такое. Но быть мной могу только я, ок? Так что забей на все, живи изи. А лучше — покажи мне страницу этого чувака.

И вот я смотрю на нее и думаю. Господи, зачем, пройдя сквозь космос, мой взгляд упал на тебя, человечек?.. На грань моего кристалла легла случайная пылинка — это ты. Легла и пропала… А я как Будда, напившись глицина, продолжил созерцание своих шести совершенств и седьмого, тайного — я всегда вовремя оплачиваю квитанцию ЕПД. Но это знаю только я, Ничто и теперь — вы.

Этот текст согласован с автором

Мне нужны люди, с которыми я буду согласовывать свою жизнь.

Я вижу это так. Например, я хочу принять какое-то опрометчивое решение. Съесть на ночь пончик по-тбилисски с заварным лимонным кремом.

И тут в дело вступают Елена Андреевна, Петр Петрович и Оленька. Елена Андреевна обещает все согласовать с Петром Петровичем и… исчезает. Я звоню ей — не берет трубку. Пишу сообщение «Я могу съесть пончик?» — «Петр Петрович пока не окейнул, завтра давай». Звоню завтра — молчок. Через 2 минуты выкладывает в сториз фотку из такси. Снова пишу: «Я могу съесть пончик? Он уже засыхает…», Андреевна отвечает: «5 мин». И пропадает. Звоню Оленьке, она всегда берет трубку. Но просит структурировать задачу: пончик круглый или эллиптический? в нем живой лимон или эссенция? размер отверстия в центре? вы ИП? Оленька дает мне ссылку на какой-то планировщик задач и на статью на английском о том, как делать дела. Я рыдаю. Вдруг приходит сообщение от Елены Андреевны: «завтра в 8

можешь на Ылакг? у Петра Петровича вопросы по пончику» — «В 20.00? могу! а где именно?» Молчок. Я чувствую, что все пропало. От Оленьки приходит сообщение: «Валерий, вы не прислали подробный состав с указанием КБЖУ». В 8 утра, когда я сплю, приходит сообщение от Елены Андреевны «ВАЛЕР ТЫ ГДЕ? ЖДЕМ ЖЕ». В 10.30 я его прочитываю, звоню — тишина. Я случайно оставляю аудиосообщение на автоответчик: «Сука, ну возьми же трубку». И теперь я не беру трубку — 23 пропущенных от Елены Андреевны. И одна эсэмэска — «валер».

Но, увы, в моей жизни нет этих замечательных людей… Поэтому я вчера съел пончик по-тбилисски, из-за чего во мне не поместилась 8-я хинкалина и 1/5 аджарской лодочки. Я до сих пор чувствую их, когда поворачиваюсь на бок, чтобы посмотреть, что за окном. А за окном — так себе.

Бизнес-класс

Я езжу на метро. Иногда на такси. Когда один, то на «экономе». Моя внутренняя Грета Тунберг говорит: если уж создаешь выхлопы, то страдай, как страдает природа.

Когда еду с друзьями и коллегами, то, бывает, вызываем «комфорт». Иногда нам везет и приезжает «комфорт+». Но никогда не «бизнес».

На «бизнесе» меня вез однажды великий писатель Саша Филипенко: мы вместе ехали в «Гоголь-центр». Я выяснил, что в «бизнесе» водитель — это дяденька в лапсердаке. Он выходит и открывает тебе дверь: присаживайтесь на жопу, уважаемый. В салоне водитель спрашивает, все ли чики-пуки, не дует ли в морду и какое музлишко ты предпочитаешь. За это реально нужно платить, я так считаю. За то, чтобы водитель не включал песню со словами «Настигли меня феромоны души. Я нашел ту, которая заставила жить». Пусть звучит хотя бы «Венгерский танец» Брамса. На мой взгляд, это максимум, что может сделать человек для человека в XXI веке.

Но недавно случилось вот что. Я случайно сдвинул ползунок в Яндекс-такси. И увидел, что

после «бизнеса» есть ещё «премиум». И, судя по описанию, это все то же самое: дверь открывают, музлишко выключают или включают. Про пиджак на водителе ничего не сказано, но уверен, что он есть. Тогда вопрос: за что берут больше денег! А? А-а? Я спрашиваю.

Но это, оказалось, не все. Если двинуть ползунок еще правее, то после «бизнеса» и «премиума» есть еще «элит».

Вашу ж мать. Я не могу вообразить себе удовольствия «премиума», а тут в «элите» полчаса ехать за 2,5 тысячи рублей. И ладно бы просто ехать, но за такие деньги они явно делают еще что-то. Вопрос — что?

Друзья, если вы знаете, то, пожалуйста, напишите. Мне важно знать. Я должен хотя бы вообразить это. Если не дать народу воображать, то будет революция. Конец царизму наступил, когда народ захотел заглянуть в царские хоромы.

Мои фантазии про такси «элит» следующие: водитель сложен, как Дорифор, зовут его Дориан, в салоне звучит Дебюсси, в воздухе аромат древесных духов… А когда водитель довезет, то выйдет и откроет дверь, высадит тебя и вновь сядет за руль. Он будет провожать тебя взглядом, пока ты не зайдешь в свою хрущевку. И все соседи будут

видеть и думать: наконец-то, проститутка! Но он еще стоит, не уезжает. Ты снимешь ботинки и поставишь лоток с едой в микроволновку. И те две минуты, что будут греться тефтели с гречкой, он будет думать о тебе… Крепко сжимать кожаный руль… Тефтели кружатся в свету, как Анастасия Волочкова. Звоночек микроволновки!.. Вот и кончилось чудо. Дориан уезжает. Срывается с места, как гепард. Опасный хищник. Э-ли-та.

Теперь вы знаете, что у меня есть мечта. И знаете, как порадовать меня: отвезти на «элите» до «Пятерочки»…

Кстати, если двинуть ползунок еще правей, то после «элита» идет тариф «детский». Но об этом я даже не хочу думать. Это нужно расследовать.

Всё. Не звоните, я в метро.

Такси в бездну

Еду вчера в такси. Едем минут двадцать, обменялись с водителем парой фраз: о пробках и отравлении Навального. Он, кстати, не знал про расследование — я ему рассказал. Едем дальше, пробки только растут: два часа дня, уже восемь баллов… Мы оба понимаем, что вместе надолго. И, видимо, таксист решил отблагодарить меня за рассказ про Навального. Таксисты, они же как коты, которые приносят хозяину в кровать мертвую крысу. И кладут на лицо: держи подарок.

— А вы знаете про убийство в «Фуд сити»?

— Эммм, что?

— Таджики убили азербайджанцев: двоим перерезали горло, а четверых расстреляли.

— Эээ… к… какой уж… ужас.

— А хотите посмотреть?

Я открываю рот: не знаю, что сказать. Но водитель уже протянул мне телефон с вотсапом. «Вот тут они уже расстрелянные…» Я смотрю видео с окровавленными телами в автомобиле. «А вот здесь убийство ножом… Смотрите, он сейчас перережет горло…» Действительно: я смотрю, как один мужичина убивает другого на полу магази-

на «Самсунг». Я возвращаю телефон: «Спасибо».

Вы скажете: «Какой ужас, Печейкин! Это «Яндекс»? А, «Ситимобил-комфорт»… Надо ездить на «Яндекс-комфорт-плюс». Но это ни разу не ужас. Мы ехали еще сорок минут, и таксист раскрылся с другой стороны.

Он как шекспир за рулем знал, что миром правит кровь, любовь и голод. Все его следующие рассказы были о любовном голоде.

Таксует он в основном в Люберцах. И, знаешь, говорит он мне, сколько одиноких баб старше сорока? Не знаешь, ну вот я тебе скажу — их [очень много]. Садится ко мне одна, машина аж просела. «Вы женаты?» — спрашивает. «Я в разводе». — «Может, вас женщина интересует?» — «Я импотент». — «Ну, руками тоже можно удовлетворять…» — «У меня артрит». — «А языка, что ли, нет?» — «Короткий, до зубов еле достает». «Ну ничего, ничего, на что-нибудь да сгодишься».

И еще много рассказов о том, как женщины проявляют сексуальную инициативу. Такого гимна феминизму я никогда не слышал. Женщины трахают мужчин. Мир наоборот.

«На прошлый Новый год было: садится сзади парочка. Молодой парнишка — лыка не вяжет. И баба лет за сорок. Пока едем, она его и так, и

сяк, и наперекосяк мнет, жмякает, целует, чуть не дрочит ему. Привез. Парень открывает глаза и говорит: кто ты? где я? Баба ему рассказывает: мы там-то познакомились, танцевали, ты мне в уши лил про любовь, вот и приехали на потрахушки. А парень говорит: мать, я тебя не знаю, я живу в Лобне. И просит его отвезти. А я восемнадцать часов работал, говорю, извини, брат, не поеду. Он ни в какую: женщина, руки убери, не знаю тебя, верните всё на место, чуть не плачет. Баба вышла, курит. И я ему говорю: послушай, Лобня далеко, лови другое такси… Или… Ты ей, что ли, палку не присунешь? Делов-то! Она тебя накормит, выспишься. Он подумал, подумал и говорит: м-да… Смотрит в окно на бабу, я ее фарами подсветил: большая тетя. Ну ладно, говорит, присуну. И пошел с ней. Она его чуть на руки не взяла… Вот так вот женщинам одиноко…»

Приехали. Жалко было расставаться. Наш разговор начался с видео кровавой резни, а закончился одой страсти. Я вспомнил, что бог создал человека не бюрократом, а сосудом любви.

И каждый волен решать, кого наполнять. И кем наполняться.

Переливаясь
через

край.

Любовь в сериале

Я живу в России и поэтому регулярно смотрю гетеросексуальные спермодрамы — это фильмы, где страсти между мужчинами и женщинами, как на сельской дискотеке. Но чтобы не впасть в русофобию, я стал одновременно смотреть два фильма — ирландский сериал «Нормальные люди» и российский «Завтра будет новый день».

Первый мне рекомендовал Кинопоиск как «Сэлинджера для миллинеалов», а второй — подруга, смотревшая его как лекарство от зимней хандры. И, признаюсь, российский сериал зацепил меня больше. Смотрите, какой сюжет: «Сначала изнасилование, потом героиню в роддоме уговаривают родить от насильника (а то потом не испытает счастье материнства!), потом выходит замуж за абьюзера и прячется от него в общежитии у уборщиц-узбечек». Конечно, я сразу стал смотреть! От нетерпения кликая по таймлайну! И что ни сцена — шекспир. Вот, например, разговор двух героинь: Варя спрашивает Свету, почему она отпустила Кирилла, и дальше про платья. Тест Бекдел в этот момент показывает 10 из 10. Или вот несколько случайных кликов по

сериалу. Цитирую: «Я не могу уехать еще на год, не поговорив со Светой…», «Куда покатится его жизнь, если он свяжет себя с такой девушкой…», «Эйфория у женщин быстро проходит, и начинается притирка характеров: бой посуды, слезы…»

Герои всё время говорят про отношения. Они просто одержимы любовью. Чувствами. Страстями.

В российском сериале любовь рвется, как попкорн в микроволновке. Препятствия любви — это быт, родители, любовница, иногда алкоголь.

В «Нормальных людях» главное препятствие любви — это сами герои. Их интеллект, образование, культура. Мозг. Тот орган, на месте которого у российских героев — полость, в которой плавает клубничное варенье. Российский герой решителен, как пушечное ядро. Европейский — это бумеранг сомнений. Едва присунув, он уже огорчен: весь их проклятый шопенгауэр заставляет европейца помнить, что жизнь — это боль. Идем дальше. Российский кастинг: взяли на вокзале. Европейский кастинг: вожделение вызывает даже стена, у которой стоит Пол Мескал.

Российская мелодрама — это когда красивая, умная, работящая, талантливая, сисястая нейробиолог добивается Васька. Европейская

мелодрама — это когда Пол Мескал добивается стервозную лохудру. Он спортивный, розовощекий, романтичный, смазливый, умный, этичный, дрессированный мужик. Она хочет трахнуть его на первом свидании, он едва уговаривает ее — на втором. В конце второй серии он уже чуть-чуть виноват: он не вмазал другому парню, когда тот назвал героиню уродливой доской. Русский бы вмазал. Убил бы, на хрен. Но Пол Мескал молчит, как ссыкло. Ой, тебя просто все хотят, а ты такая недоступная. А ее реально все хотят. Героиня российского сериала никогда не знает такого. Европейской бабе хоть Пол Мескал, хоть Тимоти Шаламе: пфф, подумаешь. Закурит и идет грустить.

А русская женщина, хоть и трахнули ее, хоть и затрахали, знает — завтра будет новый день. И старый мужик. Один и тот же каждый день — как Солнце.

Зумеры

Бедный парень

Еду в метро. Напротив в вагоне — красивый парень лет 22–25. Вещи на нем хорошо подобраны и хорошо сидят. В очках, но голова бритая. Сними очки — будет опасный пацан. Но он в очках, и видно, что неопасный. Типичный тепличный московский мальчик.

И тут он вынимает телефон, читает какое-то сообщение. Поднимает телефон и начинает довольно громко отвечать войсом. Поэтому весь вагон слышит его ответы.

Разговор приблизительно такой. Парень: «Я не знаю, каких она взглядов, но она классная, вы с ней сойдетесь». В телефоне снова вопросы про какую-то девушку, парень снова отвечает.

Я понимаю, что парень ищет соседку в квартиру. И сейчас уговаривает другую девушку с ними жить. А она спрашивает парня про характер и взгляды девушки-2. И с каждым ответом видно, что парень замучился отвечать.

И еще видно, что я ошибался в нем. Никакой он не москвич. Теперь я вижу, что в родном городе его бы за такую красоту валяли в снегу. Что все эти тонкие черты и умные глаза он пронес, как

Прометей — свое пламя. Или как мы уносим с фуршета бутерброды с красной икрой. В себе.

Парень почти кричит: «Ты понимаешь, что сорок четыре тысячи для квартиры в центре — это ничтооо! Это ооочень мало! При чем тут ее взглядыыы?»

Он, как Себастьян Курц, предлагает не смешивать права Навального и «Северный поток–2». Но его не слышат.

Видно, что еще секунда — и он взорвется, сделает главную ошибку жизни — закричит «да тупая ты баба!». Но он держится, он еще раз говорит про цену, про хорошую соседку, что он сам хороший. Он «главный по квартире», уже год всех сводит, снимает показания счетчиков, собирает деньги, передает хозяйке. Он замучился.

Умирающим голосом, сквозь шум вагона, он говорит: «При чем тут мои привилегии…»

И тут хочу сказать от себя. Сказать, как человек, приехавший в Москву без связей, друзей, российского гражданства и без московского жилья. Так вот, гражданство, семья, квартира — это главные привилегии. Гендер можно поменять, а хата — навсегда.

Я смотрю на парня: сидит напротив меня красивый белый гетеросексуальный самец человека.

И ничего он этим не добился. Только того, что другой белый старый мальчик смотрит на него. И жалеет. И желает привилегий.

Потому что я, старый белый мальчик, всю жизнь слышу от других мальчиков и девочек, как жить. И я хочу жить, как они. Но сначала родиться, как они. Появиться в роддоме Грауэрмана на Арбате, жить в квартире на Сивцевом Вражеке. И, заглянув в интернет, ужаснувшись творимому вами злу, крикнуть: «Люди!..»

А сейчас я загляну в интернет, чтобы купить фейри, несквик и отбеливатель для белья. Ведь черные пятна моих привилегий не выведет никто. Даже этический рейх.

Письмо от зумера

Раз в неделю-месяц я получаю письмо от зумера. Содержание приблизительно такое:

«валер привет. смотри, у меня есть такая-то проблема. как мы ее решим? жду сейчас ответ, так как ты классный))))»

«Здравствуйте, Сальмонелла! Спасибо за ваше предложение. Проблема очень интересная! Напомните, пожалуйста, когда и как мы с вами познакомились)».

«валер».

«Сальмонелла?»

«Ну ты чо не помнишь, я подходила к тебе там-то и еще там наблевали студенты киношколы, а вы с витей говорили про этический рейх».

«А, вспомнил! Простите, что забыл».

«ок. что с моей проблемой?»

«Она, повторю, очень интересная! Но сейчас я занят и не смогу ее решить».

«хммм почему?»

«Потому что я занят, к сожалению».

«ок».

Проходит час.

«валерий, а кто бы мог решить мою проблему с

твоей помощью — не подскажешь?»

«Дорогая Сальмонелла, ваша проблема очень интересная и непростая. Я думаю, вам стоит сначала описать ее чуть подробнее, а затем предложить решить ее сверстникам. Например, студентам такой-то киношколы, которые, помните, наблевали в день нашей встречи».

«Ок. Описываю проблему подробнее: 1) про 2) бле 3) ма. Жду имени человека, который ее решит. Вместо Вас. Спасибо, Валерий».

«Дорогая и невероятная Сальмонелла! Например, обратитесь к Виктору, с которым мы обсуждали этический рейх».

«я с этим говноедом работала. он потребовал денег. 3000 рублей. у меня денег нет».

Молчу.

«так значит дело в деньгах?)))»

Молчу.

«ок, валер, давай просто: представь, что ты двигаешь моими руками ногами головой. скажи, что ими делать, чтобы решить этот вопрос? мне еще нужно много куда успеть: фестиваль арт-кал в СПб, перформанс лены бро, еще мы снимаем коротышку по моему рассказу «как я поругалась с родителями и месяц жила на вписке». так что у меня много дел, валер».

«Это очень здорово! Я подумаю, чем вам помочь. И если будет возможность — напишу».

«Валерий, у тебя есть два дня. Спасибо. Очень жду».

«Хорошего вечера!»

«спасибо и тебе».

Между бумерами и зумерами

Мне 37 лет. Кто я? Я миллениал.

Господь так распорядил, что я нахожусь между бумерами и зумерами. И я вижу — в обе стороны. А дальше будет много мата, но не оскорбительного, а технического. Просто примите эти слова как философские термины.

Итак, язык зумеров — это [бубнеж], а бумеров — [фигня]. В чем же отличие? Если вы русскоговорящий человек, то, посидев минут пять, вы почувствуете на языке эту разницу. Послушав одного человека, вы скажете: «Ну, это [бубнеж]!» А другого: «Ну, это [фигня]!»

[Бубнеж] — это непроверенная информация, которой еще предстоит обрести доказательную базу. Когда-то бубнежом было утверждение, что Земля — шар, или что у мужчин и женщин равное количество ребер. Спасибо, Андреас Везалий, что сделал из [бубнежа] — [фигню].

[Фигня] — это то, что всем известно, банально, постыло, являет собой общее место. То, что мужчины и женщины равны — это [фигня], а то что мужчины «равнее» — это [бубнеж]. Чувствуете разницу?

[Фигня] — это остывший [бубнеж]. Как остывает кипящая лава, превращаясь в пемзу, чтобы тетки ей терли пятки. Или дядьки… да какая разница! Все это [фигня].

Так вот, я нахожусь посредине. И вижу, как кипящий [бубнеж] молодости превращается в болотистую [фигню] старости. С моей точки зрения видно, почему никогда и ничего не изменится. И в то же время видно, как все меняется. Я сам чувствую себя шейкером, где смешиваются [бубнеж] с [фигней], юность и зрелость. То, чего никогда не будет, и то, что было всегда.

Это удивительное чувство. К сожалению, оно скоро закончится. Всё меньше я слышу [бубнёж], всё больше говорю [фигни].

Прощай, [бубнеж] юности! Здравствуй, [фигня] старости!

P. S. Кстати, если вы не знали, то надо носить маску и перчатки, а зимой — шапку, а также любить людей, не обижать зверей, вовремя платить за воду, газ, электричество, телефон, а также помнить, что бог все видит. Спасибо.

Наша эпоха

Сотни, тысячи интеллектуалов по всему фейсбуку спорят, в какую эпоху мы живем. Это метамодернизм или все еще постмодернизм. Или что это?

Так вот, мы, очевидно, живем в эпоху [залюбизма]. Итак, что такое [залюбизм]. Это когда вы выбираете тему, которой хотите всех замучить, чтобы было [залюбись]. Например, меня волнует раздельный сбор мусора и потребление ресурсов. Мне кажется, что этим пока мало [залюбили]. Я только что получил от Госуслуг письмо о том, как мне регулировать свое потребление воды. Это хорошо, но этого мало. По сравнению с феминитивами, харассментом и прочим мой [залюбизм] пока еще ребенок.

Так вот, эпоха [залюбизма] характеризуется тем, что все хотят сделать мир лучше, но перед этим надо превратить жизнь других в ад. Ну, чтобы потом был рай.

Как быть правильным [залюбистом].

1. Нужно выбрать тему, которой вы будете [залюблять] остальных. Например, я выбираю воду, мусор, лампочки и пластиковые крышеч-

ки.

2. Чем «абстрактнее» тема, тем сложней ей [залюбить]. Поэтому Грета Тунберг реально великая. Она не присосалась к феминизму, детской трансгендерности, геноциду цыган. Она взяла то, на что всем было насрать. И [залюбила]!

3. Вам нужны ссылки на очень длинные исследования на английском, которые вы сами не поняли и не дочитали. Но их никто не прочтет и не поймет. Этими ссылками нужно бомбить в комментариях. «Почитайте, это уже давно доказано».

4. Чередуйте информативные и эмоциональные публикации. После информативной публикации (про крышечки), нужен пост отчаяния «я устал(а), больше не могу, у меня срыв». Тогда хоть кто-то прочтет, что там было написано про крышечки.

5. Для инстаграма все-таки нужна нормальная фотосессия. Лучше у реки: она подходит ко всему. Поток воды, он и про экологию, и про текучесть гендера, и про критические дни. Вода как бы гармонизирует весь [залюб].

6. Найдите других как вы, но по другим темам. Вы быстро обнаружите, что люди в одной теме друг друга ненавидят и ворчат: не так [залюб-

ливаешь] по теме крышечек и проч. Так вот, найдите других как вы и пересылайте друг другу всякие подарочки для распаковки в сториз.

7. Через полгода вы должны уже [залюбливать] своей темой за минимальные деньги. Хоть какие-то. Если денег нет, то вы просто всех [залюбили].

Спасибо. Пусть все будет [залюбись]!

Мальчики и пранк

Недавно я стал участником пранка.

Пришел в торговый центр. По дороге думаю: не зайти ли в ОБИ за переходником? Но сначала нужно посмотреть на сайте, есть ли у них нужный товар.

Встал возле стены, ищу. Подходят два парня. Лет по двадцать, если не меньше. Подходят вплотную. Стоят и смотрят. Молча. Ничего не происходит…

Сначала я думаю, что они смотрят на вывеску магазина сзади. Потом думаю, что мы, возможно, знакомы. Но я их не узнаю: два смазливых лица, которые я нигде не видел. Но они ничего не говорят. Я тоже.

Еще одна пауза. Потом первый говорит про второго: «Он дурак».

Наконец я не выдерживаю, спускаю маску и говорю: «Это пранк для тик-тока?» Я вспоминаю, рядом как раз место в ТЦ, где подростки снимают тик-токи, пристают друг к другу и прохожим. Сейчас этот прохожий — я.

И когда я снял маску, то стало видно, сколько мне лет. Для них я дед. Я говорю слово «тик-ток» как «компуктер». Сказав это, я зачем-то похлопы-

ваю одного из парней по плечу. Парень начинает лепетать что-то про девушку, которая их снимает: я не понимаю, правда ли это. Они куда-то указывают, но я никого не вижу. Убираю руку с парня… Желаю удачи, ухожу. Они тоже уходят.

Но перед этим оба заглядывают ко мне в телефон. И тут я готов провалиться под землю. На экране сайт ОБИ, в поисковой строке вбито «переходник сетевой». Не «моргенштерн пососи слушать», не хотя бы «меладзе». Даже не «виагра купить». Нет… Там переходник. Сетевой.

Мне очень грустно. Я иду в ОБИ. Здесь я сам подхожу к продавцам, но они убегают. Мне еще грустней. В конце концов я набрасываюсь на консультанта: «Отдел электроники, ряд 38».

Я стою в тридцать восьмом ряду. Я воплощение всего того, из-за чего Илон Маск хочет улететь с Земли. Я взрослый, я скучный. А те мальчики, наверное, сейчас наелись бургеров и хохочут. То есть рофлят… А я один в тридцать восьмом ряду. Переходников здесь нет… Я шарю руками по полкам: всё не то. И вдруг вынимаю его, переходник. Последний. За 55 рублей. Как герой Джека Лондона, замерзая, вынимает из снега золотой самородок.

Я стою на кассе с другими скучными взрослы-

ми. Они покупают швабры, цветы в горшках, лампочки. А я думаю о том, что творчество — это переходник между жизнью и смертью. Оно заставляет нас подходить к людям и смотреть и надеяться, что они раскроются, как двери, а за ними — иной мир. Молодежь смотрит на нас, мы смотрим на молодежь. Где взять нам переходник? ОБИ, дай ответ!..

Не дает ответа.

Кокэдама

Я отец-одиночка — выращиваю кокэдаму. Ну как выращиваю… она стоит на подоконнике, смотрит на улицу. Первый день я говорил себе так: улица ее всему научит, общение с другими растениями, которые стоят на окнах в соседнем доме. Ну, они же растения, у них общий язык, ценности, все дела. Пусть учится самостоятельности. Она ведь мужик, зовут Шаламэ (в честь народного артиста Т. Шаламе).

Поначалу кокэдама была такой же отзывчивой, как сам Шаламе-человек. Никак на меня не реагировала. Но однажды она обратилась ко мне. Не шучу.

Было это так. Я подошел к ней и пошевелил мизинцем. Мол, как дела, кокэдаша. Потом лег на кровать и стал думать о своих делах, о России. И за секунду до того, как я надел наушники, слышу — бум.

Смотрю: кокэдама сбросила один листок. Желто-зеленый. Маленький. Подхожу, смотрю на него. И понимаю, кокэдама сказала мне: Печейкин, я сдохну с таким отношением. Ты час не можешь без чая, кофе, какао, шоколадок, оливье,

паштета, сыра, сырков. А я что? Я водички хочу попить.

— Так рано же. Раз в 10 дней сказали…

— А листочки обрызгать?

— Так нет пульверизатора…

Она смотрит на меня и думает: господи, какой он мудак, ну побрызгай руками, не знаю.

Я взял кокэдаму, отнес на кухню, поставил в раковину. Набрал в рот воды из стакана. И сделал: пзззззззззз! Плюнул на Шаламэ изо рта.

— Я в шоке, — сказала кокэдама. — Я живу с нищебродом. Он плюёт на меня ртом. Мама, роди меня в черенок.

И тут меня пронзило родительское чувство. Это упрек себе самому: я недостаточно делаю для своей кокэдамы. Надо в английский кружок, на плавание ее отдать, замучить ее скрипкой или фортепиано. Но, к счастью, она не человек. Ей нужна такая малость: пульверизатор и фитолампа. Неужели я не могу это позволить?

Могу. Должен. Пусть она растет здоровой. Пусть вырастет и потом рассказывает психологу, как я плюнул в нее изо рта — тот единственный раз. Пусть скажет: мы не выбираем, кому нас дарят. Пусть ее лучшим другом будет суккулент на окне в соседней хрущевке. А я просто мужик, который

храпит рядом ночью.

Пусть все так. Но я должен сделать для нее все возможное. Для шаламэшеньки моей, кокэдамочки. Чтобы когда какой-нибудь тупой кактус скажет ей «ты приемная», она не промолчит. А просто ёбнет его в колючую рожу.

Придет домой, встанет на подоконник. «Как прошел твой день?» — спрошу я. «Все хорошо…»

И я увижу, что она уже взрослая. И мы снова будем молчать, как в самый первый день. Когда казалось, что мы не умеем разговаривать…

Пульверизатор

Как вы знаете, я ухаживаю за кокэдамой. Купил ей в «Леруа» фитолампу. И еще нужен пульверизатор — окроплять листочки.

Казалось бы, такая простая вещь: опрыскиватель, или брызгалка, или пшикалка. Но нет.

Зашел на «Вайлдберриз» и увидел, что все сложней, чем я думаю. В момент поиска я понял, что чувствуют родители, собирающие первоклассника. Смотришь на вещь и думаешь: как эта какашка может стоить таких денег?!

Я хотел уже купить пшикалку за 300 рублей. Но случилось это — я увидел, что на сайте «Икеи» есть за 59 рублей. Зовут Томат, сделан в Чехии.

И он идеален, как сын маминой подруги. Отзывы на российско-китайские пшикалки такие: развалилось через месяц, через неделю, вы только посмотрите на это барахло. Фотографии отвалившихся рычажков, пружинок. И страшных пластмассовых заусенцев.

В конце концов я плюнул на всё и решил заехать в «Икею». И вот я стою в отделе декора — кругом растения в горшках. Вот и та самая коробка, а в ней — он. Я беру его в руки не могу

поверить, что это совершенство стоит 59 рублей. Я держу в руках то, что заслуживает носить гордое имя пульверизатора. Всё остальное рядом с ним — пшикалка.

В этот момент я понимаю, почему Россия так любит санкции. Потому что только санкции могут заставить меня купить российский аналог. Если бы такой пульверизатор сделали в России, то продавали бы не за 59 рублей, а за 3500 — хипстерам. Назывался бы он Pschik-Pschick от бренда Drop-Drop. И статья на «Медузе» «Почему все сходят с ума от российского пульверизатора и что с ним не так?». Комната в клабхаусе «Кто такой и зачем нужен пульверизатор?». Репортаж в новостях Подмосковья: «Не просто пшик!» Автор пульверизатора получает медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Потом все-таки решают дать третью степень. Ладно.

Два куратора

У каждого из нас есть куратор. Ну или кураторша. А я знаю сразу двух. На их примере я хочу показать вам одну простую и вечную истину.

Недавно в Москве проходил очередной театральный фестиваль. Я даже названия его вспомнить не могу. Там были спектакли, мастер-классы и лекции про все хорошее и традиционное в русском театре. Привезли туда студентов из Крыма, поселили в гостиницу в Измайлове. Спрашиваю одного из студентов: ну вы хоть в Третьяковку пойдете? Исторический музей? Нет, говорит, у нас очень плотная программа. Мастер-классы «Живой театр», «Художественное слово», «Сценический бой». Уходить нельзя: за всем следит баба-куратор. Отпроситься у нее невозможно, контролирует каждый шаг, как Билл Гейтс после чипирования. Сколько, спрашиваю, лет. И сам угадываю: двадцать с небольшим. И здесь память переносит меня на тринадцать лет назад…

…Я учился тогда в Литературном институте. Вызывают меня однажды в отдел международных связей. Там знали, что я дружил со студентами-иностранцами: ирландцами, итальянцами.

Валерий, вам, говорят, поручение. Приезжают новые иностранцы — студенты из Украины. Ваша, Валерий, задача их сопровождать. «Добре!»

Через несколько дней познакомился с группой студентов. Кураторка (двадцать с большим), штук шесть девочек и один парень — гарний хлопець. По плану культурной программы я повел их в Театр Российской армии — на спектакль «Севастопольский марш». В спектакле появлялся царь Николай I, император Наполеон III и английская королева. Лично мне этого было достаточно для прекрасного вечера. Плюс музыка Тихона Хренникова и огромный амфитеатр, засаженный солдатами. Я не видел в своей жизни ничего прекрасней! Но украинские студентки по одной засыпали в креслах или просто исчезали из них. Кураторка за этим не следила. Она сидела в кресле рядом со студентом, и чувствовалось, что подлокотник им мешает. Я смотрел на них и понял, для чего существует слово «мацать». Они мацали друг друга. На сцене танцевал кордебалет солдат, покалеченных крымской войной. Кураторка положила студенту руку на ляжку. И сжала. На сцене целовались.

На следующий день мы снова встретились, чтобы пойти в Мавзолей. Я думал, что никто

не придет. Но все потерянные вчера девочки явились. Более того, очень радовались нашему походу. «Ленин! Ленин!» — им правда очень хотелось посмотреть на Ильича. Пошли, посмотрели. Потом долго обсуждали увиденное. «Какой он желтенький! Какой маленький! А почему у него перерыв? Он обедает?» Ленин всем очень понравился. Кураторка сказала: Валерий, мы скоро уедем, но мы в таком восторге, что хотим вас отблагодарить. Они пригласили меня на ужин.

В назначенное время я сидел в общежитии в наглаженной рубашке. Мне обещали позвонить. Но звонка все не было… Я стоял у окна и смотрел на деревья, как вдруг увидел — кураторка со студентом куда-то идут, потом за ней студентки. Звонка нет… На следующий день написали: ах, извините, Валерий, планы срочно изменились, но у нас для вас подарок, мы вам позвоним. И снова звонка не было. Потом они просто улетели…

О чем же эта история? О том, что украинские студенты неблагодарные? Совсем нет. Вы дочитали до самого важного момента. В тот день, когда мы шли смотреть Ленина, я зашел за своей группой в гостиницу при общаге. В коридоре уже стояли все бабоньки-студентки. Накрашенные, подвитые, красивые. Но кураторки и студента не

было. Я постучал в дверь кураторки, они приоткрыла, извинилась за опоздание, ей буквально пару минут волосы уложить. Закрыла дверь, но та снова открылась из-за порыва ветра. Этого хватило, чтобы я поймал отражение в зеркале. Студент натягивал брюки. Вы уже давно догадались: у кураторки и студента был секс. Все это время, везде, где можно. И нельзя. Ей было под тридцать, ему — едва за двадцать. Он был рослый, с сильными ногами, большой жопой. Она была низкой, крепкой, чернобровая-черноглазая. Как уследить им за временем? За обещаниями? За подарками? Их интересовал секс и Ленин.

И вот я снова возвращаюсь к театральному фестивалю в Москве. Ни шага в сторону, все по расписанию. Никакого секса. Головная боль не причина не посещать мастер-класс. Только сильный кашель, температура, потеря запаха. Но лучше всего — агония.

Что тут скажешь? Надеюсь, вы не смогли дочитать этот текст: кто-то забрал у вас книгу, отбросил в сторону, снял с вас одежду. И сказал: «Сегодня мы не идем на мастер-класс «Исторический этикет на театральной сцене» часть вторая…» Сегодня мы… ммм… что ты делаешь… ооомммм… боже… боже… ааа… ммм…»

Москва

Бедные собаки

Я живу в районе, где очень много маленьких собачек. Они все время бросаются под ноги, и я очень боюсь их… задеть. Они кажутся хрупкими, как айфон без защитного стекла.

Маленьких собачек я люблю. Я их понимаю, я сам маленький. Но есть и другие собаки. Собачищи.

Накануне вышел из дома: в одной руке мешок с мусором, в другой — коробки из-под пиццы (я выгляжу как старый тиктокер).

Обхожу дом, сворачиваю к мусорным контейнерам. И тут, из темноты — огромный пес. Просто Собака Баскервилей, орет как Трамп. Встает на дыбы, как конь Петра Первого, как ахалтекинец Гурбангулы Бердымухамедова. И рррравгавгав!

Думаю: мне конец, нападение дикого бешеного пса. Но нет, впереди — две тетки, лет 50. Одна идет, машет поводком. «Она просто играет!»

Черт. Я похож на человека, с которым можно играть? Собака, если ты размером больше блока сигарет, то должна быть на поводке. Это во-первых.

Во-вторых, собаку нужно дрессировать: учить

отличать старого тиктокера от резиновой игрушки.

В-третьих, лучше завести кота.

Собака в Москве становится жертвой и вместилищем глупости своих хозяев. (Или их доброты и ума.) Потому что собака любит тебя, хозяин, и доверяет. Если ты отпустил ее с поводка, значит, можно. Потому что твой мозг больше, хозяин. Но дело не в размере, а в том, что собака не кот — это ты ее завел и приручил.

«Дал бог зайку, даст и лужайку». Ага. Если же бог дал вам собаку, то в Москве он не дал лужайку — никому. Негде гулять. Собаки считают, что мир — это пустыри и палисадники.

Но как только я разозлился на собак и собачников, бог обратился ко мне. В локальной группе я увидел объявление: кто-то увел старую псину, привязанную возле «Пятерочки». Старую, доверчивую дуру, как и сама хозяйка. Кто увел, куда повел, зачем — неизвестно. Собака исчезла… От взгляда на ее фотографию разрывается сердце. Такая она печальная.

Прошу вас, люди, не спускайте собаку с поводка. Она может быть опасна для людей. Не оставляйте собаку на поводке без замка — люди могут быть опасны для вашей собаки.

И тогда вы сможете до самой смерти целовать ее мокрый нос. И она — ваша.

Злая старуха

Случилось накануне. Вышел из центра Вознесенского. Стою, жду автобус М6. Он приедет через три минуты — так написано на табло. Я вижу, что рядом сквер Ислама Каримова — президента страны, где я родился. Памятник в виде арки, в которой стоит Каримов. За ним самаркандская площадь Регистан. Каримов протягивает руку, как бы приглашает подойти и пожать ее. Подхожу, жму. Оборачиваюсь: автобус М6 только что подъехал к остановке.

Бегу! Уф, успел. Нажимаю на кнопку задней двери: она не открывается. Подхожу к центральным дверям: они тут же закрываются. Автобус стоит. Я иду дальше, к дверям передним. Возле окна сидит старуха: мрачное лицо, но не слишком старое. Не в деменции. Она все понимает, поэтому утром надела именно эту вязаную шапку. Светло-гадкую. Старуха смотрит, как я машу руками и кричу: «Пшлста, откройте дверь!» Показываю рукой: водитель, водитель. Старуха поворачивается в сторону шофера, потом ко мне. На ее лице сначала растерянность, затем вдруг — джокондовская улыбка и в конце — торжество. Как в симфонии

Малера — Feierlich.

Автобус уезжает. Я остаюсь на автобусной остановке.

Теперь я вижу, что старуха в автобусе вообще одна. Ну, не считая водителя и спящего полутрупа на заднем сиденье. Сейчас она поедет мимо светящегося Кремля, мимо памятника Святому Владимиру, мимо реки. Ей будет тепло и красиво. А мне — холодно.

Я стою и понимаю, что чувствуют они — зумеры. Когда бумеры проезжают мимо в автобусе, полном привилегий. На котором они тоже могут ехать. Но который уехал без них.

Я стою и думаю: а ведь старуха училась в лучшей школе мира — советской. Ведь она изучала старую этику, лучшую на свете. Ведь, ведь, ведь. И как она страдала, когда ей отключили социальную карту. Зато теперь она вмазалась вакциной, чтобы теперь ездить. Одной. От Силикатного завода до Тульского переулка. Ездить, пока Москва не превратится в лептонную пустыню.

Рука моя повисает. Она еще помнит, как стучала по закрытым дверям. А за минуту до этого — пожатие каменной десницы Ислама Каримова. Сейчас рука просто мерзнет. Я убираю ее в карман, как бомжа. Смотрю на табло. Обычно автобус

М6 ездит раз в тысячу лет. Но в этот раз он приедет всего через 6 минут. Я иду, чтобы еще раз пожать руку Каримову. Он уже сделал лучшее, что мог сделать. То, чего ждут все зумеры от бумеров.

Бумер умер.

Пепел курильщиков

Конечно, я тоже не толерантен. Моя нетолерантность — к курильщикам.

За 13 лет жизни в Москве я видел 1,5 публичного проявления гомосексуальности. И миллион окурков, миллиард кубометров дыма, пять лет перекуров, на которые уходили мои коллеги.

Курение реально убивает. Да, каждый вправе совать в рот что хочет. Но курильщик сует в рот себе, а курите вы вместе. Погуглите, что такое пассивное курение. Или просто вдохните воздух, когда ваши соседи дымят на балконе. Курильщик курит, а окурок кидает всем, дым — всем, перекур — тратит ваше время.

Но самый кринж — это кассы магазинов. Два здоровых мужика в очереди просят сигареты. Один — одни, а другой — другие. Я не знаю, какие именно, потому что в наушниках у меня Лера Ауэрбах. Я только по движению губ могу догадываться, что они привередничают, два кабана. И вот их сигарет нет на кассе. Что делать продавщице? Она, конечно, встает и идет на другую — там их тоже нет. На третью — нет. На четвертую… Продавщица исчезает в чащобе магазина.

[Проклятье!]

Мне хочется крикнуть: мужики, не все ли равно, какое говно курить? Вы, мужики, должны курить веники! Ты куришь «Винстон» синий? Да мне насрать — заказывай по интернету и кури дома. Не тяни очередь. Вы, курильщики, создаете в магазине очереди длинней, чем все гей-парады, вместе взятые.

Реально надоели.

Курильщики — это рассеянная по всему миру нация людей, которым срать на окружающих. Они каждый день выдувают смоляное облако, накидывают гору окурков, озеро плевков, километры очередей.

Курить сегодня — это как разговаривать по громкой связи. Мне плевать, что у вас за разговор. Изобретите наушники для курения. Вы ведь никогда не узнаете, что у меня в наушниках — Валерия Ауэрбах или Валерия Пригожина. Вам это должно быть просто — неизвестно. Вам — что я слушаю. Мне — что вы курите.

А если вы не прекратите, то в следующий раз я включу на кассе Sogno di Stabat Mater. «Вы не могли бы выключить?»

«Нет».

Слушайте, как моя душа превращается в пе-

пел.

Ответ курильщиков

Меня сегодня назвали дураком, мудаком, демагогом, психом, [долбанутым], мужиком в климаксе, желтушным петухом, прыщом — это «Сноб» опубликовал мой старый пост про курильщиков. Мне предлагают намять рожу, получить в морду и, как постскриптум, пустить дым в лицо.

Ок.

Я читал эти комментарии, как следует читать христианину — глазами души. Я был вынужден признать правоту курильщиков. Все как один писали, что в окурках виноваты не курильщики, а бескультурье — и тут же посылали меня на хер.

Я все внимательно прочел. Спасибо каждому за каждый комментарий — мне добавить нечего, а вы можете добавлять, сколько хотите. Но… Когда я дочитывал последние комментарии (в одном меня называли ольгой бузовой, в другом — агентом Кремля), я заметил, что стою на кассе. На той кассе, где у меня случилась «климактерическая истерика». И передо мной был мужик, который… покупал сигареты. Я оказался во флешбеке. Снял наушники: «Вы мне дали Bond, а я просил Vogue». И все повторилось: на этой кассе нет, продавщи-

ца ушла, ее нет минуту, две, она возвращается с сигаретами, но нужно сделать отмену, уходит — нужен администратор, растет очередь. Наконец сигареты «Вог» найдены — жена (любовница, любовник, дочка, сыночка) мужчины получит то, что ей нужно, — пачку гангрены, инсульта, инфаркта, слепоту, мертворождение, еще раз мертворождение, мучительную смерть. Я тихо говорю «[кошмар]». Продавщица говорит: «Я не виновата, это программа виновата».

Пятнадцать минут назад я мысленно обнял всех курильщиков и дал выдохнуть мне в лицо — дым и обиду. Прошли пятнадцать минут, и я говорю: как же вы надоели. От закутка за школой, где вы курили детьми, до кассы магазина, где вы остались такими же детьми. Безразличными ко всему, кроме мгновения, когда на балконе вы затянетесь дымом сигареты. И это будет «Вог» — не «Бонд», ура.

Звуки человечества

Накануне я вышел из «Гоголь-центра» и обнаружил, что мои старые наушники разрядились. Я вынул проводные, переходник type-c/mini jack, но он упал на землю и — ровно в решетку ливневки. Плюх.

Так на 40 минут дороги домой я остался без музыки. Сорок минут вечного ужаса. Проходя «Курскую», послушал, как духовой оркестр играет Sex bomb Тома Джонса. Днем на этом месте стоит псевдомагомаев и поет советские песни для старлеток. Или мальчик с вибрафоном бренькает «Полет шмеля».

А ведь я хотел надеть наушники и слушать «Симфонию скорбных песнопений» Гурецкого. Знаете, в этом есть какое-то невероятное удовольствие — слушать музыку отчаяния просто так. Просто глядя на москвичей.

Я хотел сесть в вагон и включить вторую часть симфонии, написанную на слова юной Хелены Блажусяк. Она буквально выцарапала их на стене гестаповской тюрьмы в Закопане. Включить и смотреть на пустоглазых соседей. А потом, уже в «Мираторге», слушать вторую часть фортепиан-

ного концерта Томаса Адеса.

Адес — главный современный композитор. Послушайте его фортепианный концерт — если у вас есть сердце, оно разорвется на сердечки. Порой слышишь, как через музыку автора пробивается дедлайн — здесь он не успел, здесь у него зазвонил телефон или подъехала карета. Адес пишет так, будто он никуда не торопится, будто он уже умер и сидит на коленках Моцарта.

Так я заполнял голову этими мыслями, пока ехал без наушников. Выйдя наконец из метро, я увидел мужчину. Вернее, услышал. Он крикнул кому-то в телефон: «Ларёк-ларёк… Блин, рагнарёк!» Возможно, мужчина заканчивал факультет романо-германской филологии. Потом 90-е, потом утраченный Лужков, потом Собянин и «ночь длинных ковшей», ларек мужчины снесли, а он до сих пор бьется за него, чтобы продавать соки и воды. Я представил, как мужчина нацарапал на стене ларька слова симфонии Гурецкого: «О, мама, не плачь, не надо. Царица Небесная, будь всегда для меня опорой».

А потом ковш ударил в стену. И все кончилось. Был ларёк, стал рагнарёк.

Но музыка будет вечной…

Голос из ниоткуда

История о том, что такое настойчивость. В общем, в честь Дня музыки я решил купить себе новые наушники. Вижу, компания «Хуавей» продает на своем сайте фрибадсы со скидкой. До конца распродажи — 2 часа. Короче, я оформил заказ. И забыл об этом.

Утром проснулся и увидел в почте несколько писем — это компания «Хуавей» благодарит меня, уведомляет и поздравляет. А я уже все забыл. И понял, что наушники мне не нужны.

И я решил отказаться от хуавея. Но ровно в этот момент сайт сломался. По телефону — робот, который за все извиняется и бросает трубку. В чате — только по техвопросам. Но я настойчив, как Навальный! Я дописался до оператора.

— Ваш номер заказа?

— Такой-то.

— Ваш телефон?

— Вот.

— Ваша почта?

— Такая-то.

— Сумма заказа?

— Такая-то! Может быть, еще ИНН, СНИЛС,

ОГРНИП?

— Нет, спасибо.

И тут оператор говорит: я не могу отменить ваш заказ, он уже передан в «Пони экспресс». Звоните туда.

Звоню. Снова допрос. Потом все, говорят, отменили.

Я выдохнул. Прошло какое-то время — вдруг на телефоне пропущенные звонки… с неизвестного номера. Перезваниваю. «Я подхожу», — говорит молодой мужской голос. Я сначала подумал: наверное, я доболтался в фейсбуке, меня идут убивать.

— Простите, а кто вы?

— Я курьер. Я несу ваш заказ.

— Но я же отказался…

— Как отказались?

— Вот так.

Пауза.

— А я уже рядом.

И он так это сказал… Сука!.. Я чуть не сдался. Я чуть не подошел к окну и не выглянул. Я боялся увидеть его: телячьи глаза, губы-перчики, белую рубашку, развеваемую осенним ветром, и коробочку с наушниками, на которой сверкает одна капля — упавшая с его ресниц.

И тут я реально слышу за окном тонкий голос: «Иди сюда…» А под окном у меня палисадник — там никого не может быть. «Ну иди же… Бери!» Я не знаю, что и думать. Курьер добрался до моего окна? Подхожу к окну: на траве сидит мальчик с рюкзачком и манит к себе котенка. У мальчика в руках колбаска. И котенок совсем как я — и хочется, и боится.

Но я скрипнул окном, и котенок убежал. Мальчик сунул колбаску в рот и ушел.

— Извините, но я не могу их взять.

— Хорошего дня.

— И вам.

Скупка

Если бы я был Куприным, я бы написал рассказ «Скупка». Вы знаете, накануне я покупал наушники. В итоге не купил, а продал старые. Я так все время покупаю и продаю. Это не приносит мне ничего, а только уносит. Но это своеобразный экстремальный спорт.

Поэтому я регулярно захожу в скупку технического барахла. Зашел вчера. Огромный жирный мужик, подбухнутый, липкие волосы патлами. Продает старый «самсунг». Ему дают тысячу, мужик хочет полторы. Мужик торгуется, машет руками, но полторы не дают. Мне дали полторы за целый «нексус 5-икс» в коробке, а он хочет продать потертый «самсунг». Хрен тебе. Тут же трется азиатский мужчина в маске. Ему тоже дают мало, он заламывает руки: я не украл, я покажу регистрацию. Но у скупщиков каменные сердца, как у банкиров или фармацевтов. Я смотрю на них: это молодые ребята, вполне себе люди, но клиентура их утомила. Пьяницы, гастарбайтеры, воры, дедки, мутные мужички, только я проблеск красоты, ума и [добавляйте сами]. Но меня здесь тоже не ценят, потому что товар не я,

а мои внутриканальные наушники.

Продал, спустился на «Войковскую». Сел. На следующей остановке заходит парочка — девушка и парень. Садятся рядом. Они воплощение всего, что отвратительно накануне зимы, — молоды, гетеросексуальны и даже симпатичны. Девушка ангелок, парень херувим. Они сидят, слипшись в комок любви. Бесят.

И тут парень лезет в карман за телефоном. Это тот момент, когда обычный москвич въезжает локтем соседу в бок. Я всегда так делаю, когда хочу поднять себе настроение. Помню, рядом сидел дед со стальными локотками. Выходя, я толкнул его так, что дед крякнул, а у меня весь день была окрыленная душа — так приятно. И вот парень лезет в карман, я смотрю на него левым глазом, как рыба. Он в наушниках, но я не пойму, в каких. Это меня смущает: ведь я знаю все tws-наушники. Наверное, дорогие какие-то. Я начинаю его точечно ненавидеть. Тем более сейчас он ткнет в меня локтем. Но он его поджимает, как цапля — ногу.

Я смотрю на него внимательно. Почему он не толкнул меня? Вот он убирает телефон обратно — и снова не толкнул. Смотрю на его стриженую голову, на ухо, на наушники. Мой мозг ищет эту гарнитуру в памяти. И тут я все понимаю…

Это слуховой аппарат.

Поэтому девушка так липнет губами к его ушам, поэтому он смотрит ей на губы.

Они встают: аппарат у него на каждом ухе. Мне становится жаль его. Но, с другой стороны, разве слуховой аппарат — это не то же самое, что очки? Разве этот мальчик не заслуживает простой городской ненависти — пассажира к пассажиру?

Я слышал, что глухие обычно злые. Тогда почему он не толкнул меня локтем? Что я ему сделал?

Всякий раз после таких встреч я прихожу к простому выводу — какое же счастье просто слышать. Даже глупости, даже альбомы Монеточки и Хаски. Какой ужас, какое счастье.

Новые наушники

Я человек с авиарежимом на лице. Я не очень люблю общение с незнакомыми людьми. И их самих. Но раз в году мне такое общение действительно нужно.

Накануне зашел в магазин аудиотехники на Арбате. Там есть круглый открытый павильон, где можно мерить наушники и болтать с продавцами. Так мне казалось. Поэтому я настроился на смолл ток.

Подхожу, стою. Рядом девушка с матерью покупает наушники. Девушка проверяет, не выпадут ли наушники из ее головы во время занятий фитнесом. Она прыгает, наклоняет голову, трясет ей. Со стороны девушка выглядит как бесноватая. Мать смотрит: какая у меня доча. Смотрят продавцы: сочная ты баба. Я стою рядом и понимаю, что я ей не конкурент. Ладно, я дожидаюсь, когда она решится купить «эйр подс про». Наконец купила, ушла. Вот, думаю, настал мой час!

И тут я понимаю, что… Меня никто не видит. Я стою и не знаю, как выключить режим прозрачности на своем лице. Всю свою жизнь он спасал меня от общения, а теперь мешает ему.

Мимо идет консультант, я концентрируюсь и говорю себе: «Обратись к нему непринужденно. Не очень громко, но внятно». Три, два, один: «Здрррравствуйте! А можно померить наушники?!!» Я выгляжу как пьяный, который собирался сказать «я не пьяный». Но у него не получилось. Консультант проходит мимо. Я стою один.

Проходит минута, рядом появляется парень. Ему лет 20. Здрасьте, говорит он обычным голосом. И консультант сразу подходит к нему. Парень спрашивает, что ему можно купить вместо «ксяоми эйр дотс». — «Бюджет?» — «До трех тысяч рублей». — «Ничего, у нас нет наушников за тысячу». — «Не за тысячу, а за три!» Я слежу за пикировкой продавца и пиздюка. И решаю пойти ва-банк:

— А покажите мне наушники от пятнадцати тысяч рублей!

Тишина. Парень замирает.

— Например, «зинхайзер моментум 2»… за двадцать две тысячи рублей!

У парня двинулся желвак, или мне показалось. Он бросил на меня короткий взгляд. Я вспомнил, как в детстве меня удивил поступок моего домашнего кота. Мы отпускали его гулять на улицу (в Ташкенте такое возможно). И вот он однажды

побил во дворе маленького котенка, которого мы подкармливали. Наш кот увидел это, взревновал и выдрал из котенка клок. Тогда я не понимал почему. Теперь — понял.

Мне казалось, этот мальчик сейчас повернется и скажет: Мои прыщи сойдут, я вырасту в большого и красивого менеджера, женюсь, венчаюсь, куплю квартиру в ЦАО, потом умру и Бог пустит меня в рай, напевая манижу, а ты, Печейкин, будешь вечно в аду стоять в магазине, где ни один продавец не подойдет к тебе».

Я вышел на улицу. Ничего не купил. На улице увидел ребенка, который шел, высунув язык. Он ловил снежинки. Я тоже захотел поймать одну, как миг молодости. Зашел в арбатский дворик, чтобы прохожие не видели, как я стою с высунутым языком. Встал, высунул. Стоял с минуту, язык мерз. Ни одна снежинка не легла на него. Ни одна. Я засунул холодный язык в голову. Одна снежинка больно ударила в глаз. Повисла на ресницах, растаяла в слезу.

Я включил в старых наушниках Дебюсси. Шел и слушал, хотя и понимал, что не заслужил. Но музыка, как и небо, дается всем, а наушники — нет.

Портрет печенья

Зашел с друзьями в кафе, а там фотосессия. Снимают печенье. Да, печенье. Оно лежит в лайтбоксе, как Байден на трапе.

Я смотрю на него и думаю: даже у печенья есть фотосессия, а у Печейкина нет. Я всегда хотел как Чехов: сидеть в Ницце, чтобы Браз приехал ко мне писать портрет, а я потом еще и выпендривался: нос такой, будто нанюхался чесноку. Вот так я хочу.

Портрет — это не фото на пресс-волле, не снэп, не пьяный полароид. Портрет — это даже не всегда дорого и долго, это когда тебя выделяют как отдельный объект. Как печенье. Со всеми неровностями, но с изюминками.

Нет, это не пост для комментария «ну давай я тебя сфоткаю, будет перерыв завтра в 11.30 на бульваре Дмитрия Донского».

Это пост о том, что мне надоело работать мозгом, а хочется работать головой. Просто наклеить на щеки стикеры, закусить губу, приоткрыть зубы, показать влажный язык. И вы: ты классный. Или как фемка: пусть волосы на моих подмышках будут событием. И вы: ты классная. Или я

просто мечтательно смотрю в окно гостиницы и спрашиваю: а вы любите Будапешт? Или вбегаю в волну. Или пишу «просто фото». А вы мне всегда: какой ты классный. А я: ну ой. А вы: да да.

И еще хочу один черно-белый портрет. Который потом пойдет на могилку. И который я опубликую в инсте после какой-нибудь жести в новостях. И напишу: от этих новостей чувство бессилия, хочется что-то изменить, но как? А вы: такое же чувство, держись. Спасибо, держусь.

Мысль начинается с портрета. Будет портрет — будет и мысль.

Борода

Мужики, вы почему мне раньше не говорили, что борода — это классно? Люди учат меня жизни по любому поводу. Мне дают советы все, кого я не спрашиваю. Но ни один человек не сказал мне, что нужно отращивать бороду. Почему? Я думаю, дело в зависти…

И не потому, что у меня роскошная борода. Судя по всему, наоборот — бороденка. Просто мужики вообще не любят делиться — ни женщиной, ни бородой.

Борода — это секс, который всегда с тобой. Женщины не поймут, ведь они сбривают все, что только можно. Даже радфемки с небритыми подмышками — тоже не поймут. Потому что бороду можно поглаживать. А попробуйте погладить подмышку! Поглаживание бороды подобно самоудовлетворению на публике, но законному. Это невероятный тактильный экспириенс. Иммерсивный спектакль на твоем лице. Шерсть мудрости. Природный спиннер. Хранилище капусты. И утеплитель.

Борода очень помогает в общении с людьми. С ней легче, например, врать. А когда врешь, нужно

что-то теребить. Когда ты гладкомордый, то начинаешь чесать нос — явный признак вранья. Про того же, кто трогает бороду, никто не скажет: ну и врун. «Валерий, я написала пьесу. Прочтете?» Хм, хм, хм, и трогаешь бороду… Человек смотрит и сам понимает: ну откуда у тебя время на его графоманию. И исчезает.

Я открыл следующие виды поглаживания бороды:

— быстрое поглаживание у самого подбородка — если хочется убедиться в своей мужественности;

— поглаживание у уголков рта (место соединения усов с основным массивом волос) — помогает при волнении и сомнении;

— классическое поглаживание от ноздрей к подбородку — симптом активной фазы мышления;

— эпическое движение раскрытой ладонью сверху вниз — жест мудреца, классика, Тутанхамона.

Всё это так понравилось мне, что я даже захотел, чтобы борода росла гуще. В интернете на волосатых мужских форумах пишут про какой-то киркланд, цинк и димексид. Но это все чушь для староверов. В два клика я нашел сильный

заговор на рост волос: будь мой волос как густой лес, будь мой волос как густое поле — не счесть, не перечесть, силой волос наполняйся, ростом скорым удлиняйся.

Аминь.

Позовите меня!

На какие мероприятия зовут моих коллег:

«Здравствуйте, Пантелеймон! Приглашаем Вас на иммерсивный гала-ужин компании Lux Aeterna. В программе ужина — пение Анны Нетребко, конфи из кролика в слезах павлина, а также минет от звезд мирового балета. Будем рады умолять Вас об упоминании в сториз!»

На какие мероприятия зовут меня:

«Валерий, через час в Коньково премьерный показ фильма «Сепарация пульпы» — независимой режиссерки из Курдистана Ахмеды Науроз-Хуссейн. Известная российская небинарная кинокритикиня Лера Кукис назвала этот фильм главным потрясением всей жизни. Как к нам попасть: на маршрутке 665 от метро «Коньково» до остановки «Центр переливания плазмы», оттуда 15 минут пешком. На входе в ДК «Горбунок» вы увидите табличку «вход для VIP-персон». Вам не туда! Вам вход с заднего двора, под козырьком «Ремонт обуви и смартфонов». Ваше имя будет в списке (наверное). Если придете, то ждем от вас пост в инстаграме, или где вы там пишете. Не

опаздывайте.

P. S. Вход в маске и перчатках!!!

P. P. S. Валерий! У нас срочная замена! Вместо «Сепарации пульпы» будет показан пилот российского сериала «Чертовка из ментовки» хайпового режиссера Гоши Жопина. После показа состоится банкет — это гонорар съемочной группы — не приходите!!! Ждем!!!»

В России есть две дыры…

В России есть две дыры. Это дыры во времени. Первая называется «давайте после январских», вторая «давайте после майских». Это дыры на дне огромного кратера под названием Производительность Труда. То есть это дыры в дыре. Январские праздники объясняются холодом, ну и вообще. А майские — это просто вообще. Это контрольный выстрел. Январские поддерживает ходунок Рождества, майские — Пасхи, Первомая и Девятого мая. Казалось бы, майские священней. Но январские любимей. Но все они связаны с дедушками — морозами, ветеранами, Путиным. Перед январскими говорят «давайте после Нового года», и последняя сука понимает, что в эти дни весь мир на паузе. И не лезет. Перед майскими говорят «давайте после майских», и все понимают, что это счастье незаслуженное. Что его купили своей кровью ветераны, Путин, Иисус Христос. Это маленький Лас-Вегас, возникающий в российской пустыне. Дни, когда тебя не будут ругать за лень или отдых. На самом деле и в другие не будут. Но в эти дни сама природа шепчет: покушай. Ну и выпей. Главное, понимай, что

когда придет Навальный, он первым делом все это отменит. Потому что посмотрите, он же каждый день постит в инстаграме, даже когда Стикс нес его душу к берегам забвения. Он страшный энерджайзер. Он будет стучать в каждую дверь и говорить: подъем! Соболь будет врываться в дома и гнать: а на работу! Путин совсем другой: он не сажает людей, а как бы укладывает. Не ставит себе памятники, а строит опочивальни. Россия — это не береза, которая стоит, а скорее степь. Она лежит. Если у вас есть ко мне вопросы — давайте после майских. Как сейчас сказала мой терапевт: избушка на клюшку, Валерий Валерьевич. Будьте здоровы!

Новый Колобок

Жили-были старик со старухой. Однажды старик попросил старуху испечь ему колобок. «Почему это я — тебе?» Старик объяснил, что они традиционная семья. Старик — просит, старуха — печет. А если наоборот, то… знаешь анекдот: если бы у бабушки были внешние половые органы дедушки… «Знаю, знаю!» Но старик подчеркнул, что это просьба, а не принуждение. «Убедительно», — сказала старуха. И сама, добровольно, испекла колобок. Она использовала оптимизированные остатки муки и масла. Масло было не подсолнечное, не спред, а именно масло 82,5 % жирности. «Пенсия позволяет», — говорила старуха. Замесила, состряпала и положила колобок на окошко остужаться.

Далее Колобок при помощи сказочных манипуляций обретает сознание. Спрыгивает с окошка и катится по Российской Федерации.

Колобок встречает Зайца. Заяц говорит: «Колобок-Колобок, я тебя съем!» Колобок спрашивает, по какому такому праву. А Заяц хренак его дубинкой по башке. Прибегают Волк, Медведь и Лисичка: «Косой, ты чего наделал! Сказка ведь не

кончилась!»

Заяц им объясняет: это все отработанная технология. Сначала Колобок меня обманул, потом Волка обманет, Медведя обманет. В итоге самой Лисичке придется разбираться. С «мучным изделием», с «шарообразной выпечкой», с «круглым тестом». Поэтому сразу — хренак! «Молодец, косой!» — похвалили звери Зайца и наградили морковкой первой степени.

В избе старика со старухой прошли сказочные мероприятия. Волк с ними сам поговорил. Они все поняли. Старуха объяснила изготовление колобка сублимированным желанием иметь первичное яйцо. Волк указал на преимущества изготовления традиционного русского блюда — блинов. Они плоские, лежат, не сбегают. В них можно заворачивать начинку. Понимаете?

Все все поняли. Сказка — ложь, а за ложь — срок. Кто не понял, тот поймет.

Не Москва

«Мы узнали друг друга во вьюге…»

Приехал на Белорусский вокзал. Жду аэроэкспресс в 21.00, чтобы ехать в аэропорт и лететь в Новосибирск. Аэроэкспресс не приходит.

Доезжаю на метро до «Ховрина». Поднимаюсь со станции, навстречу спускается высокий парень в зимнем пальто. Рядом больше никого: он, я, пальто. Тихо. Парень, глядя перед собой, говорит шепотом: «Мы узнали друг друга во вьюге…»

Пальто не распахнул, просто ушел. Исчезает в метро, в грохоте. Я думаю: ох, почему со мной все время такое происходит, я так устал, я опаздываю на самолет.

Вызываю такси, сажусь. Водитель Руслан щетинистый и красивый, как герой из турецкого сериала «Султан моего сердца». Поехали. Я думаю, Господи, только бы он не начал что-то говорить, спрашивать, рассуждать про Навального, я не за Путина и не за Навального, но в стране, конечно, бардак, а вот я однажды вез пассажира, он сосед генерала ФСБ и рассказал мне, не поверите, что… Только не это!

Смотрю, а впереди на подголовнике надпись: «Глухой водитель. Если хотите обратиться, напи-

шите и дотроньтесь до плеча».

За окном глухая темнота. В зеркале заднего вида глаза водителя стали еще и еще красивей. «Мы узнали друг друга во вьюге…»

Довез, высадил, уехал. Поставил ему, конечно, 5 звезд. Отметил, что понравилась чистота, аккуратность, вежливость и приятная беседа. Без шуток, одна из лучших в моей жизни.

Я понял, что мне тоже нужна такая табличка: если хотите обратиться — напишите. До плеча не дотрагивайтесь. Пожалуйста. Если тронете, я вас — кусь. И вместо пяти пальцев — четыре. Вместо пяти звезд — одна.

Давайте будем молчать. Смотреть через зеркало. И, узнав во вьюге, пройдем мимо…

Трудно быть Богом

Трудно быть Богом. Подлетая к городу на самолете, смотришь на все, как боженька. Все такое маленькое, и кажется, что все на земле шевелится благодаря моему взгляду. Смотрю вниз, вижу, как через ночную зевающую темноту ползет машина, я говорю ее водителю: о, ты сибирский человек! где нашел ты силы, чтобы пробивать эту мглу светом не фар, но духа! А он говорит мне: да пошел ты на хер, Печейкин, ну еду я по делам, что ты пристал, отстань. Вижу, работа идет на участке. Машина вбивает сваю в мерзлую землю, а я говорю ей: о, машина, созданная человеческим разумом и так далее, и так далее. А мужики рядом стоят: хватит бубнить в нашей голове. Но я все равно смотрю на землю, и благословляю, и взглядом закатываю солнце. И темнеет небо, летят по нему птицы. А я им: о, птицы!.. Печейкин, уймись, мы просто птицы…

И вот так все, что увижу, — ругается. А я всему желаю добра. И во всем сверху виден смысл, как с мыса Идокопас. А снизу — мат-перемат. К самолету подъезжает труба-трап. По посадочной полосе идет мужик в спецовке. Я говорю ему: о, мужик…

А он плюет на землю, его плевок становится льдинкой. Придет весна, он растает, испарится, поднимется паром и станет облаком. И тоже полетит над землей. И сам скажет: о, земля! А она ему: о, заткнись!

Любовь в гостинице

В гостинице спустился на ресепшен, чтобы узнать вай-фай. Вижу, регистрируются два постояльца. Ну блин, думаю, они долго будут. Ладно, подожду.

Но эти двое торопятся. Я это чувствую: у них, как у рыб, на боку глаз, который следит за мной. Теперь я смотрю на них внимательно: молодой мужик и девушка. Ну что такого: приехала гетеро-семья, заселяется в гостиницу. Норм.

Только у них нет багажа. Один бумажный пакет из гипермаркета. Там абрау-дюрсо и сырная тарелка в пластиковой пленке. Рядом на полу надпись «берегите себя». Между ними расстояние полметра. И, судя по всему, когда они поднимутся в номер — и этого расстояния не будет.

Я понимаю: они идут [заниматься сексом]. И девушка на ресепшен это понимает. Они берут на двоих одноместный номер. «Классом повыше?» — «Повыше», — отвечает мужик. Не скажешь же перед бабой, что привел ее трахать в «экономе». Берет полулюкс. «Вид имеет значение?» — «Вид?» — «Да, вид из окна». Берет с видом получше, чтобы после секса смотреть на

замершую Обь.

Обь. Обь. Обь.

Обь…

Я смотрю на парочку внимательно. Оба на сексике. Если кто-то кому-то платит, то зря. Но не исключаю. Но зря. У девушки короткая полушубка, ридикюль, колготки на красивых ногах, жопка. На парне спортивки, шапка-колокол, щетина, носяра.

Они наконец забирают ключ, уходят.

«Чем я могу помочь?» — это уже ко мне. Я плюю на вай-фай и иду за парочкой к лифту. Просто посмотреть. Лифт едет с девятого этажа… Первый этаж. Из него выходит другая парочка — им лет по сорок. Они словно отражения друг друга. Парочка из лифта — это наши сексики, только из будущего. Он потолстел и полысел, чувствуется, что сожрал уже не одну сырную тарелку. Шапка колоколом не стоит. У нее все еще красивые ноги. Она залезает на весы для багажа, они показывают крупную цифру, она прикрывает ее рукой и смеется. Чувствуется, что сырная тарелка догнала ее тоже.

Из лифта выливается запах тяжелых духов. Секси-пара заходит в лифт. Двери закрываются. Парочка уезжает на седьмой этаж, как на седь-

мое небо.

Я узнаю вай-фай и возвращаюсь в номер. Лежу спиной к стене. Мне кажется, по ней идут вибрации. Это они. Эти.

Я вспоминаю рекламу презервативов, которую увидел днем. «Все входящие — в капот». Вульгарно, но точно. Вибрации идут по стене, как от вызовов — входящих, входящих, входящих. В капот, в кап… Оказалось, что это социальная реклама про смс за рулем. Но это неважно.

Шампанское открыто, пена пролилась. Сырная тарелка без пленки. Она дышит ему в лицо, у него запотело забрало. Она берет две его виноградины. Он чувствует, как у нее меж пальцев пахнет сыром. Она отдается грозово. В углу комнаты рядом с бельем лежит бумажный пакет. На его кукольном лице немой крик: брянск-север…

Надеюсь, никто никому не заплатил. Хотя не удивлюсь. Хотя зря.

Наконец вибрации кончаются. Течет Обь. Над ней стоит лед. Ночь ясная, видно несколько звезд. Облачко белым пятном. Небо его впитывает, уносит. Ломтик луны. Пар из труб. Всё.

Обратно в Москву

Новосибирск. Приехало такси, везет в аэропорт. Синее старое «Рено», водитель русский мужик с золотыми зубами.

И начинается поток социально-политической биполярки:

— Етить, бабы на дорогах… Еще одна. Сегодня утром смотрю: баба на тачке, колохудрит, как на ишаке… Сидит на жопике на маленьком своем и херачит… Как впипежила! Маневр делает с левой полосы на правую, обошла всех и направо ушла. Во водят! С другой стороны, тут от бабы зависит… Некоторые водить умеют… А мужики, етить… Вон, смотрите, приостанавливается справа… Ну какой мудак. Я таких ненавижу и боюсь: они не понимают, чего хотят. Олухи! Стоят в пробке, интимные места себе почесывают. Или начинают газовать на ровном месте. Что с ним случилось? Куда торопится? Усрался он, что ли, по дороге? Мозги надо иметь… Я сам из Казахстана. В Москве давно не был. С восьмидесятых годов. Мороженое по пять копеек было, и я молодой был. Так хорошо!.. Наверное, потому, что молодой… А мороженое… ну и хер с ним, с мороженым… Вообще

я фуры вожу, типа Man, немецкая машина. Из Казахстана, бывало, езжу на Западную Украину… А можно мне материться? Спасибо. Казахи, сука, противные! Но добрые. Особый менталитет. Не как россияне. Вот летом в Новосибирске еду в автобусе. Заходит парень в шортах, коротких, как трусы. Это что такое? И пиво в руке. В Казахстане такого на пинках бы вынесли — на хер из автобуса. А тут, блин, сидит. Вот казахи культурные, хоть и казахи. У них тоже президент вечный — Назарбаев. Он сейчас ушел, другого поставил. Может, и Путин уйдет. Может… Я к нему нормально отношусь. Хотя много плохого про него говорят. Да фиг знает, что он за человек. Вроде жить можно. У меня две работы. Цены растут… Но работа есть. Дорого всё, правда. Надо работать. А Путин тоже пенсионер, тоже работает. Главное, уметь бюджет грамотно распедалить. И здоровье — главное. Хорошо долететь. Будьте здоровы.

В Питере – есть

Когда был в Питере, захотел пожрать. Думаю — где? Открыл Tripadvisor. Там пишут, что надо идти в «Бекицер». Но там я был в прошлый раз: умеренно вкусно и перепутали счет. Открыл обзор в интернете, там десяток ресторанов. А в комментариях пишут: вы с ума сошли, почему не указали «Кококо». И еще несколько комментариев про «Кококо». Я сначала подумал, что это какой-то молодежный флешмоб. А потом нагуглил — это настоящий ресторан. Ну, думаю, надо брать свой хайповый спиннер и идти.

Пришел на Новую Голландию, и там сразу на повороте — «Кококо». На веранде сидят ну очень красивые девушки, и мест рядом нет. Захожу внутрь. Возле входа низенький столик. Подходит официантка, я ее спрашиваю — а это единственное место? И вижу, она смотрит на меня, как на идиота Федора Михайловича Достоевского. И отвечает: это место занято, у нас мест нет, можете сесть за барную стойку. И тут я понимаю, что это просто кошмар, как я вообще мог, зайдя с улицы, пытаться тут сесть. Это же Питер, ресторан назван «Кококо» не случайно, попасть сюда нельзя.

Я вспомнил сцену из «Американского психопата» Эллиса, где герой пытается забронировать место в ресторане и слышит в ответ смех администратора. И вот я пришел в «Кококо», а сам я какака, место мое на 20 сантиметрах барной стойки.

Пошел в «Бутылку». Зашел в какую-то грузинскую кухню, там два свободных столика, третий освобождается. Подбегает администратор: вы, говорит, не смотрите, здесь все занято, уходите. Ушел. Вижу, индийская кухня — «Зита и Гита». Захожу, есть один столик. Сел, попросил что-нибудь неострое. Официант рассмеялся и говорит: это индийская кухня, малыш. Ладно, взял цыпленка, рис басмати, йогурт со свеклой, масалу. Оглядываюсь: вокруг наконец простые люди, без всякого пафоса. Ведь само название такое ностальгическое, советское. За желтый столик напротив садятся две девушки, тоже очень простые, добродушные. И тут они начинают говорить.

Передать содержание этого разговора так же сложно, как мыть уши. В общем, одна говорит, я наконец смогла осознать свои желания, а вторая говорит — ты такая молодец. Первая: я смогла научиться говорить по телефону, раньше не могла. Вторая: а я справилась с руминацией, я стала гармоничней и наконец смогу отдохнуть

после депрессии, ведь моя сестра уезжает отдыхать в Португалию на 2 месяца, оставляя мне свой 2-этажный лофт после свежего ремонта. Первая: какая ты молодец. Вторая: ну что ты, это ты молодец. Им принесли цыпленка, лепешечку и домашний сыр шахи панир. И они стали обсуждать какого-то красивого парня, который тюнингует кожаные тачки за 200 тысяч. И как он сказал, что устал тюнинговать и хотел бы поискать себя в жизни, и тут бабы говорят: какой мудак, козел, нечего тебе искать, иди работать, кретин.

Я смотрел на них и думал, какой же я ничтожный, совсем без тюнинга. Меня не пустили в «Кококо», но даже в «Зите и Гите» я выгляжу как одноклеточное. Как фен Valera, который висит на стене в гостиничной ванной. Как белые гостевые тапочки «эконом». Как завтрак до 10.30: яйцо, половина сосиски, йогурт с ванилью, кекс. Зачем я живу, Господи?

А в ответ только: кококо.

Storytel

Тексты из этого раздела впервые были опубликованы в блоге Storytel
Автор выражает благодарность редактору Storytel Сергею Верескову за помощь в работе над созданием этих текстов.

Как я спал с критиком: рассказ о сложном пути в литературу

Вы когда-нибудь спали со своим критиком? Я спал.

Познакомился с ним я заочно, еще из Ташкента. Это был, кажется, 2004 год, когда я впервые отправил свои тексты на премию «Дебют». Как настоящий графоман я домогался оргкомитета — получены ли мои сочинения? (В те годы электронные письма не всегда доходили.) К удивлению, пришел ответ ридера: да, получены. Это и была ловушка.

Теперь я стал домогаться комментария к своим рассказам. И единственным правильным ответом было молчание. Или сообщение, что тексты не рецензируются. Ждите.

Но мой ридер ошибся. Дважды. Первый раз в том, что стал мне отвечать. Второй раз — сутью самого ответа.

Ответ звучал так: ваши тексты в первой тысяче лучших.

эмодзи стыда и ужаса

Но это было еще не все. Ридер сообщил, что есть два вида таланта — природный и трудовой. Первый дается от рождения, а второй — есть результат труда и работы над собой. Я отлично помню, что ридер написал мне: «Природного таланта у вас нет». Но добавил, что трудом я могу добиться успехов. Некоторых. Возможно.

Сказать, что это был худший ответ из всех — не сказать ничего. «В первой тысяче лучших», «природного таланта нет». После такого кончают с собой. Или с критиком — но до него было не дотянуться. Я не помню, как пережил это. Наверное, я много мастурбировал. Но даже это я не могу вспомнить точно. Память скрыла от меня этот ужас.

Но я продолжил писать.

В 2007 году я попал в лонг-лист «Дебюта» сразу в двух номинациях — в «Малой прозе» и «Драматургии». В последней поднялся в шорт-лист. И в конце концов получил главную премию как драматург.

Пару дней перед церемонией мы, молодые литераторы, жили в пансионате Липок. И так вышло, что мест для всех участников не хватило. Я узнал, что одну ночь проведу в комнате с соседом. Ок, что ж поделать. Но когда я пришел в номер,

то увидел там одну большую кровать. Поискал вторую — нигде нет. Что ж, я решил, что это не самое страшное испытание для русского писателя. Они проходили через дуэли, каторги, казни. А я не пройду через постель? Пройду, конечно.

Зато в пансионате был бильярд и жирная кухня! И весь ужас литературы. Все эти годы школа защищала меня от живых авторов — они были мертвы и мумифицированы. В пансионате я выяснил, что живой писатель — это пьяный мужчина в дырявых носках. Или женщина, допившаяся до мужского лица.

Днем я ходил на семинары. Здесь нам говорили, что литературой мы не сможем зарабатывать. Что жизнь в Липках — последний раз, когда завтрак, обед и ужин даются нам небом. Но все это скоро кончится, еду придется добывать самим. Это было по-настоящему ценным и правдивым замечанием. Все, что касалось литературы, я прослушал или забыл.

Вечером накануне церемонии мы пили в номере поэта Максима Альбертовича Амелина. В номере стоял жуткий перегар, а окно, как назло, заело. Открывать его пытались все — молодые авторы, Максим Альбертович и еще кто-то из титанов литературы. Все по очереди штурмо-

вали окно. Но оно смеялось над нами. Я тоже подошел, повозился и — о, чудо! — открыл. «Как вам это удалось?» — спросил Амелин. «Отец показывал». — «Ваш папа домушник?» — «Нет, инженер». — «Инженер родил драматурга».

Лежа рядом, я думал: «Как доказать ему, что у меня есть талант? А что, если…» В уме пронеслись все возможности — от убийства до содомии.

Ночью, после пьянки с поэтами, я пришел в номер и лег на кингсайз. Помню, что слева. А часов около трех пришел мой сосед — критик, прозаик, поэт, педагог. Пьяный, конечно. Снял штаны и грохнулся на кингсайз справа. Захрапел.

И вот, лежа рядом с ним, я понял… Да. Мозг все сопоставил: письмо, инициалы, стиль. Это он написал мне тогда, в 2004 году, что у меня нет природного таланта. Это он отвечал мне. Он поставил меня в «первую тысячу лучших». Он.

Я смотрел на его седую голову, храпевшую в темноте. Эта голова сочинила тексты, опубликованные в «Вопросах литературы», «Дружбе народов», «Знамени». Настоящий литератор, не как я. Лежа рядом, я думал: «Как доказать ему, что у меня есть талант? А что, если…» В уме пронеслись все возможности — от убийства до содомии. Я поразился себе: какое воображение!

Это у меня нет таланта? Три минуты до столовой, там забытый нож, вытереть рукоятку от жира. Обратно в комнату. И как в романе Агаты Кристи — двенадцать ударов по одному телу. Но что это? Критик открывает глаза, как старуха из «Пиковой дамы». Он запускает пальцы в ножевые раны, вынимает их и говорит: «Даже этого ты не умеешь, Печейкин…» Я роняю окровавленный нож, отступаю до стены и зеркала. Мертвый критик, прозаик, мужик хохочет. И горит. Прочь, страшное видение!..

На следующий день я получил свою премию. Ну и что… Ведь боль не утихла до сих пор. Мой критик был прав. Все эти годы я смотрю в литературу как в тиндер. И должен признать — да, все дается или сразу, или кучей фильтров, ракурсом, втянутым животом.

Талант, развитый трудом, влачится, как раненая нога. А природный поднимает, как крылья. Есть тексты, написанные на небесах. А я пишу в метро, в Evernote…

Но все, что дается природой, живет коротко. Как завтраки в «Макдоналдсе» — до 10.00. А потом наступает наше время. Тех, кто проснулся поздно. Тех, кому воображение не давало уснуть.

Мы переживем вас, талантливых от бога. Пото-

му что бога нет.

Знайте, я никуда не уйду из первой тысячи лучших. Я буду вечно жить на 999-м месте. Вечно.

Ну, [блин], и театр: рассказ о том, как один спектакль чуть не сгубил его автора

Несколько лет назад я опубликовал краткую версию этой истории в «Живом Журнале». На следующий день у Театра. doc меня встретил его худрук Михаил Угаров.

— Валера, у вас есть мозги? — спросил он, закурив.

— Михаил Юрьевич? — переспросил я.

— Я когда прочел ваш пост, то подумал: «Вот [дурак]!»

— Михаил Юрьевич?

Угаров затянулся сигаретой и сказал уже спокойнее:

— У нас и так проблемы, а вы такие вещи публикуете…

Конечно, я тут же удалил пост. Но с тех пор эта история стала частью моего устного репертуара. Бродский, чтобы показать свою особую расположенность к гостям, говорил: «Хотите, я разбужу для вас кота?» Я, чтобы показать расположенность, вспоминал в лицах события того вечера.

Прошло много лет, и я могу рассказать вам эту историю. Но все же заменю некоторые имена — из уважения к участникам событий.

* * *

Итак, 2008 год, у Театра. doc юбилей. Показывают «Соколов», мою первую пьесу. Спектакль шел на площадке в Трехпрудном переулке. Те, кто там был, помнят — это было подвальное помещение, чьи окна выходили на улицу. Лето стояло жаркое, и окна были открыты. Поэтому из зала зрители могли видеть пару сильных мужских ног. Они принадлежали драматургу Кириллу Комарову — автору жестких и сочных текстов. В зале шел спектакль, а на улице к ногам Комарова опускался вечерний туман, заливаясь в окна…

Я в зале. Среди зрителей еще один драматург — Жанна Николаева. Она сидит на одном из дальних мест, ряду на третьем-четвертом. И вот в конце второй сцены Николаева встает и идет к выходу. «Ну ничего, дорогая моя, я тоже уйду с твоей пьесы», — думаю я. Нас разделяет буквально полшага, когда Николаева вдруг… падает. Буквально у моих ног.

Это так неожиданно, что несколько секунд я просто смотрю на нее. Парень-зритель хватает

Николаеву за ноги и кричит мне что-то. Он хочет, чтобы я брал за подмышки. Беру. Несем на улицу, на воздух. Кладем Николаеву на стулья. Она спасена.

Я остаюсь охранять тело Николаевой. Спектакль решено продолжить.

Итак, я сижу перед театром и глажу Жанну по голове.

— Прости… — говорит она, открыв глаза.

— Ничего, ничего, маленькая моя, — глажу я ее, — я приду на твой спектакль и проблююсь в зале.

Мы улыбаемся друг другу. Тут, казалось бы, можно опустить занавес и закончить историю. Но она только начинается.

Как вы помните, из зала мы видели сильные ноги драматурга Комарова. И вот теперь мы на улице, у его ног. Комаров стоит рядом и смотрит на нас очарованными глазами. Он смотрит будто сквозь нас — куда-то в иномирие. И тут я начинаю догадываться, что… Его ноги окружал не вечерний туман… Это дым, исходящий от самого Комарова.

Догадка моя превращается в двух крепких мужчин в штатском. Они быстро подходят к Комарову. Мелькают корочки из красного бала-

крона. Предъявляют удостоверения, а с ними и вопрос — что вы курите? Показывают на бутылку в руках Комарова. Скажем так, назначение у нее, как у древнеиндийской «ловушки снов». Она помогает грезам войти в этот мир.

Мужчины давят на Комарова, звучит фраза «Уберите руки». Это мужчины пытаются его обыскать. «Я сказал, руки уберите». Но мужчины настойчивы. Один из них хватает Комарова за оборотную часть. Но Комаров столь же проворно опускает руку в задний карман. Пальцы выбрасывают на асфальт нечто. Какие-то кристаллики.

Дремавшая на мне драматург Николаева поднимает голову. Она смотрит на кристаллики. И тут я понимаю, что было причиной ее обморока. И это не моя пьеса. Нет.

И вот эти кристаллы, пролетев по воздуху, падают мне под ноги. Один из ментов кидается ко мне с криком:

— Что он бросил?

И тут мы смотрим друг на друга — я и мент. Он атлет, а я писатель с физиономией долгопята. Он смотрит на меня и Николаеву, и мы в его глазах — банда.

— Что он бросил, я спрашиваю?!

— Не знаю.

Напарник держит Комарова, я поддерживаю Николаеву. Мент смотрит то на кристаллы, то на меня. И в это мгновение из зрительного зала раздается крик.

То, что произошло дальше, непросто объяснить, но я постараюсь. Итак, все это время шел спектакль. К этой минуте пьеса дошла до сцены, где происходит большой конфликт — между матерью и бабушкой. Мать играет народная артистка России Татьяна Владимирова, а бабушку — актер Дмитрий Уросов. В этой сцене есть свекровь, которую играет другой мужчина-актер — Денис Ясик. По сюжету пьесы бабушка лежит на полу и воет. А дочь ругается матом. Такая вот новая драматургия.

И все это через открытое от жары окно видит мент. Двух мужиков в женских халатах, один (с бородой!) лежит на полу, воет, а его матом кроет какая-то тетка.

Мент не понимает, что перед ним спектакль. В его голове все иначе: мужик с бутылкой сбросил кристаллы фраеру с телкой. А тут, в подвале, еще и притон, а в притоне — драка трансвеститов.

Мент бросается вниз по лестнице. Я понимаю: через несколько секунд он влетит в зал. И сорвет спектакль. Второй раз.

Я бросаюсь следом и делаю то, чего нельзя делать. Но я безумен от всех событий. И спектакль важней. Так я хватаю за плечи его — огромного мента.

— Стойте! Стойте! Это спектакль! Это театр! Театр!

Мент резко оборачивается, его ноздри дымятся. Еще секунда — и он меня убьет. Просто раскрошит. В кристаллы. Он делает движение-бросок. Я успеваю крикнуть:

— Это я написал! Валерий Печейкин!

Эти слова его останавливают. Почему — до сих пор не знаю. Мент смотрит на меня спокойнее, даже с интересом. Задыхаясь, я бормочу:

— Я драматург, писатель… Это пьеса… О моем детстве… Это мои мать и бабушка. Моя семья…

Он смотрит на меня, и я — на него. Мы начинаем различать лица друг друга. Я вижу волоски в его ноздрях, толстую красную шею, цепочку с желтым крестиком. Плавающий кадык. Я смотрю в серые его глаза и повторяю:

— Это я написал. Я автор.

Говорю это так, будто я Господь, который показывает Сатане созданный мир. Тот, который он хотел уничтожить. Но я не дал.

— Ну, [блин], и театр, — говорит Сатана. И обой-

дя меня на узкой лестнице, выходит на улицу. Его пот и дезодорант остаются в воздухе. Я слышу, как тихо в зрительном зале: начинается финал.

Закончилось все хорошо. Комарова отпустили. Николаева пришла в сознание и ушла терять его в ресторан «Рюмка». А мой спектакль доиграли. Долго аплодировали. Один зритель пожал мне руку и сказал: «[Отлично]!»

В тот вечер пьеса шла в последний раз. И это был лучший спектакль. Он сверкнул и пропал, как брошенные в воздух кристаллы.

Театра на этом месте уже нет. Лето прошло, жара тоже, окна закрыли.

Занавес.

Девочка распадается на части: рассказ о том, как автор потерял интерес к писательству

Однажды я пришел к родителям и сказал, что мне нужен блокнот и ручка. Зачем пятилетнему мальчику блокнот и ручка? «Будешь рисовать?» Я сказал, что да — рисовать. Но я солгал.

На самом деле я решил писать. Без шуток, в пять лет я решил, что буду записывать свои мысли. Какие именно — я узнаю, когда приду в детский сад и сяду на свой желтый стульчик. С него откроется вид на большую комнату, заполненную детьми. Я буду смотреть на них, и мысли придут сами. Во всяком случае, накануне так и было — мою голову заполнили фантастические идеи. Они были как утки, вспорхнувшие передо мной, а я, безоружный, смотрел на их взлет. Мне нужно было «ружье» и «собака»: ручка и блокнот.

Блокнот я помню отлично, ручку хуже. Она была тяжелой и взрослой, блокнот — в синей холодной кожуре. Я раскрыл его: вылез белый лист и корешок со следами обрывков. Вдруг в голове пробежала первая мысль! Я щелкнул ручкой, и…

И…

В этот момент я понял, что не умею писать. Это звучит глупо, фантастически и походит на вранье? Но все было именно так: перед тем как начать писать, я забыл… научиться писать. Но это меня не остановило. Я решил, что научусь писать здесь и сейчас — прямо на желтом стуле. Начну я с собственного имени — Валерочка.

Рука принялась выводить букву «В»… Но вместо нее получилась ромашка: мы рисовали их накануне. Я попробовал еще раз — снова ромашка. Тогда я начал сокращать количество лепестков. Уменьшил до трех, но получалась все равно не буква «В». А ведь букв нужно было написать еще восемь! И это только первое слово: Валерочка.

А сколько труда нужно, чтобы написать предложение. Два предложения. Абзац. Книгу!

Мысли в моей голове были такие легкие, а письмо оказалось таким сложным. Ему нужны рука, ручка, бумага. В конце концов, почерк.

Когда в начальных классах он начал появляться, все взрослые пришли в ужас. Хуже буквы выглядели только у соседки-левши — кудрявой и черноглазой Наташи. Ее переучили с левой руки на правую, поэтому в Наташиной тетради буквы выглядели как взбесившиеся пружины.

Дома меня заставляли снова и снова писать слова. Я писал одно и то же предложение десятки раз подряд. В конце концов оно превращалось в сплошную арабскую вязь, в дымный завиток. Рассказывали, что в ташкентских пригородах были целители, которые ставили диагноз… по дыму. Пациенту выдавалась палочка — обыкновенный древесный сучок, на который надо было помочиться. После этого лекарь палочку высушивал и поджигал — в завитках дыма он читал на арабском диагноз…

Мой диагноз проявлялся уже в буквах — я не мог выводить их, не отрывая руки. Позже выяснится, что я не умею соединять мысли.

Было это так. В третьем классе учитель повесила на доску большой затрепанный лист — картину Семена Чуйкова «Дочь Советской Киргизии». Нам объявили, что по этой картине нужно написать сочинение.

Дома я открыл учебник с репродукцией и внимательно посмотрел на девочку. Я никогда еще не писал сочинение. Как же это делать? Да очень просто — берешь и пишешь!

Так я и поступил. Положил перед собой разлинованный лист бумаги и корявым почерком вывел: «Девочка кудата идет». Подошла сестра

и поправила «кудата» на «куда-то». Я попросил мне не мешать: ошибки — это пустяки, а я ловлю суть. Факты.

Через час сестра вернулась и ахнула. Мое сочинение выглядело так: вот девочка, куда-то идет, она в красной косынке, кофточка синяя, юбка голубая, небо то синее, то голубое, горы сзади, земля, трава торчит, не знаю какая, книжки в руках, девочка некрасивая. Плюс в каждом слове по одной-две-три ошибки.

Сестра сказала, что так писать нельзя. Это не сочинение, а телеграмма. Сестра села за стол, взяла новый лист и написала сочинение сама. Оказалось, что девочка идет в далекую школу, что в руках ее — учебники, а восходящее солнце освещает лицо, пусть и грубоватое, но лицо человека-женщины новой эпохи. Я спросил, откуда у сестры эта информация. Она ответила, что уже проходила эту картину и знает правильный ответ. А, ну если так, то хорошо. Я переписал ее сочинение своей рукой. Готово!

В школе я получил хорошую отметку. Учительница будто поверила, что я написал это сам. Но вскоре я был разоблачен — в числе многих, за кого сочиняли сестры и мамы. Нас раскрыли на изложении, которое писалось не дома, а в

классе.

Перед нами поставили картину «Грачи прилетели» Саврасова. Мое сочинение в фирменном стиле выглядело так: стоит дерево, на нем грачи, они прилетели, сидят, пахнет весной. Про «пахнет весной» я украл у соседки, которая тоже это украла. Возможно, цепь наших краж вела к самому Саврасову, который по-настоящему вдохнул тогда весенний воздух, а мы выдыхали его на бумагу углекислым газом своих каракуль.

За изложение мне поставили двойку. Я рыдал.

После этого я возненавидел школу. Стал много болеть. Так много, что по несколько месяцев не ходил на занятия. Дни и ночи я проводил в температурном бреду. Однажды мне приснилось, что я надувал жевательный пузырь, но вдруг он стал надувать меня сам. Я разбудил семью ночным криком. Родители наняли мне медсестру, которая работала «с дебильными детьми». Не помню, как ее звали. Помню только, у нее были брови, как два грача, целующихся на ветке.

Однажды медсестра дала мне листок бумаги и предложила нарисовать человечка. Я изобразил овальное тельце, пирожок головы и четыре сосиски, означающие руки и ноги. Медсестра обратила внимание родителей, что я не соеди-

нил части в целое. Меня заставили пририсовать палочки — тело стало целым.

И тут меня как молнией пронзило! Я понял, чего добивались от меня учителя. Соединять буквы — в сочинение, части — в человечка, грачей — в запах весны. Люди вокруг верили, что вещи связаны. Верили, что киргизская девочка на картине куда-то идет. Дураки. Я видел, что девочка застыла в полуденном ужасе. Она смотрит на раскаленный шар над солончаковой степью. Пустынный шар в пустой пустыне. Через мгновение он разорвется и сожжет все, что освещал. Нет никакой школы, нет никакой дороги, книги в ее руках — разноцветные пятна. Девочка распадалась в девочку.

* * *

До конца школьных лет я писал такие сочинения, какие нужно было писать. Я был как маньяк, сшивающий части в бывшее тело. Вставлявший руку в пазух спины и чревовещавший: эта картина пахнет весной, а эта — горячим песком. Рыбой и морем пахнет рыбак. Литература не пахнет никак.

К старшим классам я окончательно потерял интерес к писательству. Выпускное сочинение

предлагало ответить на вопрос «Кем я хочу стать?». Я ответил, что хочу стать ювелиром. Так я воплотил мечту родителей и учителей — соединять части в целое, бусы в ожерелье. Делать красиво, получать денежки.

Кажется, в финале полагается сказать: «Но все-таки я стал писателем». Но я в этом не уверен. Уверен только, что не стал ювелиром. И жизнь как бусы — идет по кругу. А я как девочка с картины — навстречу солнцу.

Дед Мороз и медаль Грибоедова: рассказ о том, что все продается – даже литературная слава

Он попросил: «Называй меня просто Сергей». От «Сергея Александровича» он устал на работе. А работал он богачом. Во всяком случае, для писательского союза, куда принес свои стихи. Не помню, как мы об этом узнали, но с утра все только и говорили: приедет он, Сергей Александрович Камынин. Бизнесмен. Его должен был принять заместитель председателя номер один, заместитель номер два. И я. Мне отводилась роль пажа, а им — охотника и гончей, загоняющей зверя в капкан.

Я встречал Камынина на улице. Он вылез из джипа, отправил водителя искать парковку и направился ко мне. Одеты мы были одинаково бедно. Только я литературный работник, а он миллионер в джинсах и пиджаке, под которым — майка с Майком Тайсоном. Я открыл дверь перед Камыниным и повел в кабинет, где два зампредседателя засели, улыбаясь, как пара капканов.

Накануне они решали: приводить ли кабинет в

порядок, бриться ли? И решили, что не нужно — так правдоподобней. Поэт-богач приходит не за офисной фальшью, а к людям, какими их создал бог — небритыми и выпившими.

Камынина посадили на диван: здесь специально разобрали островок среди груды книг. Ими были завалены все поверхности в кабинете. На столе зампредседателя, кроме книг, стояли пепельница, большая немытая кружка и бутылка коньяка. Камынину все нравилось.

Начался разговор про литературу. Довольно быстро все мы признали, что современная никуда не годится. Особенно стихи.

— А свою книжку вы почему не принесли?

— У меня ее нет, — ответил Камынин.

— Ка-а-ак нет? Обязательно нужно издать!

Это был первый крючок, зацепившийся за жабры поэта. Ему нужна была книга. В твердом переплете, с предисловием. И писательский союз согласился ее издать.

Заместителям казалось, что они видят Камынина насквозь: олигарх, графоман, тщеславец. На самом деле все было наоборот: Камынин видел всех. Он дал себя «обработать». Это было похоже на то, как взрослый, играя в прятки с ребенком, позволяет найти себя в шкафу — пусть малыш

порадуется.

Так союз получил от Камынина денежный взнос. Первый председатель мечтал, что это будет сумма вроде той, что Настасья Филипповна бросила в камин. На самом деле Камынин внес гораздо меньше, тысяч двадцать рублей. В союзе немного подкисли: все рассчитывали хотя бы на сотню, а лучше — на полмиллиона.

Тогда было принято решение заманить Камынина на новогодний корпоратив и там вручить ему награду — медаль с профилем классика, Александра Сергеевича Грибоедова. Камынин, получив медаль, распробует вкус славы. И захочет еще. Еще и еще захочет он! И уже не отделается двадцатью тысячами. Нет!

Новый год писатели отмечали в банкетном зале на Лубянке: одна из «силовых структур» сдала зал в аренду. Зал был огромный, с роялем. У входа дежурила пара солдат. Моей задачей было встретить и привести Камынина. Также мне поручили сопроводить трио музыкантов.

Музыканты пришли раньше Камынина: красивый скрипач, некрасивый виолончелист и милая пианистка. Играли они за еду. Буквально. Но отказывались есть до выступления.

Камынин задерживался. Сначала на час, потом

на два, а потом его вовсе перестали ждать. И напились. Кричали тосты, играли в резиночку, в лопни-шарик. В итоге на празднике осталось четверо трезвых — я и трио.

Музыкантов готовили к приходу Камынина: они должны были заиграть туш при его появлении. Но все пошло не по плану. Председатель решил, что классическая музычка прозвучит неуместно. Пошло. Поэзия должна быть немного глуповата, но не пошловата. Новый все-таки год, праздник, мандарины. Нужно просто включить в колонках «В лесу родилась елочка» или джингл-белс.

Камынин пришел с женой и Мэрилин Монро на майке. Заместители разбудили главного председателя, чтобы он вручил бизнесмену медаль. Но председатель уже напился и говорил на выдуманном языке. Решили, что медаль будут вручать Дед Мороз и Снегурочка: им можно быть веселыми и пьяными. Решили это «обыграть».

Дед и Снегурочка вытянули Камынина на сцену. Дед в оранжевом костюме был писателем-фантастом, а сизая Снегурочка — секретарем союза переводчиков. «Вот и ты! Тебя так ждали! Праздник начинать не начинали!» — пробасил дед. Снегурочка облепила губами микрофон и

засипела: «Ты талантлив, как Моцарт, и высок, как фонарь. Всем хорош, но от нас лишь деталь — Грибоедова медаль!» Они ржали, хохотали, перепутали коробочки Грибоедова и Твардовского. Взяли правильную, Снегурочка с минуту пыталась ее прицепить, потом плюнула и сунула медаль Камынину в кулак. Поцеловала.

Жена, взятая Камыниным, чтобы наблюдать за его торжеством, наблюдала за его позором. «Читай стихи, Сережа!» — крикнул кто-то. Камынин вынул айфон и прочел с экрана:

Когда вокруг позор,
Когда все карты биты
И хочется, как иволга, кричать,
Тогда я выбираю быть как бог:
Смотреть на все,
Но и на все – молчать.

Снегурочка облепила губами микрофон и засипела: «Ты талантлив, как Моцарт, и высок, как фонарь. Всем хорош, но от нас лишь деталь — Грибоедова медаль!»

Мэрилин Монро на майке перекосило. Камынин ушел. За ним бежала жена и я. Она молчала, а я бормотал какие-то извинения. Камынин улыб-

нулся, как суфий, и вложил мне в руку фантик. Оказалось, пять тысяч рублей. Я ахнул, но сжал. Они ушли.

Вернувшись в зал, я наткнулся на музыкантов. «А когда нам играть?» — «Уже не надо…» — «Мы все равно сыграем: нам нужно программу обкатать». — «Ну, играйте».

Пианистка села, виолончелист сел, скрипач встал. Они заиграли «Запах женщины» Пьяццоллы. Дежурившие солдаты смотрели на пианистку как на подарок, который нельзя открывать до полуночи. После сыграли еще какого-то баха, потом польку. Закончили. Писатели похлопали и сразу включили караоке.

Музыканты вернулись к столу, чтобы наконец поесть. Через минуту ко мне подошла пианистка: «Валерий, случилось недоразумение… Нашу еду съели. Официанты говорят, что другой нет». Вместе с пианисткой я направился к столу. Скрипач и виолончелист смотрели на объедки. Выяснилось, что их еду сожрали поэты-баталисты, прокравшиеся на праздник. Голодный скрипач, казалось, вот-вот закричит. Виолончелист был как спущенная струна. «Если можно накормить хотя бы мальчиков…» Я нащупал в кармане пять тысяч рублей и сказал: «Пойдемте».

Ресторан, куда мы пришли, уже закрывался, и мы быстро забрали все, что оставалось, — сытное, горячее. Скрипач облизал тарелку и раскинулся на кресле. Под его белой рубашкой надулся живот, вылез пупочек. Пока он ел, пианистка и виолончелист подавали ему хлеб, подвигали солонку. Оба были в него влюблены. «Вам нравится музыка Шнитке?» — спросил я скрипача. «А у Шнитке есть что-то, кроме музыки?» — ответил он, не открывая глаз. Виолончелист хихикнул.

На оставшиеся семьсот рублей я вызвал им такси. Скрипач влез на переднее сиденье и воткнул в себя наушники. Рычагом сдвинул сиденье, чтобы разместить длинные ноги. Виолончелист сжался сзади. Пианистка сказала через окно: «Валерий, спасибо вам большое!» Я ответил: «С наступающим вас Новым годом! Счастья и благополучия!» — «А приходите к нам на концерт. Я вам пришлю приглашение, хорошо?» — «Приду обязательно!»

Они уехали. Второго января пришел мейл — приглашение на рождественский концерт. Пианистка, виолончелист и новый скрипач — маленький и толстый. На фотографии он хохотал. Концерт назывался «О, любовь, ты дар прекрасный!».

Я не пошел.

Лучший год жизни: рассказ о том, почему коронавирус похож на кота, по которому мы будем скучать

Это был лучший год жизни. Ведь если я пишу эти слова, то я жив. Если вы их читаете — то и вы тоже. Нет лучшего подарка на этот Новый год, чем сама возможность его отметить. Мы еще здесь.

Итоги уходящего года как в старом анекдоте: «В этом году мы снова не поехали в Париж». Год сравнял тех, кто мог туда поехать, и тех, кто никогда не мог. Сравнял тех, кто любит подводить итоги. И тех, кому подводить нечего.

Этот год меня многому научил. Я стал настоящим сомелье антисептика. Например, в московском метро он был жирненький, долго сох на руках, маслянисто блестел. А сейчас — совсем водичка. В налоговой инспекции он стоит в зеленом пульверизаторе: брызнешь и чувствуешь яблочный аромат, видишь на ладонях зеленую лужицу. Я научился выбирать защитные маски: одноразовые, многоразовые, красивые. Самая любимая та, которую мне подарил друг. На ней изображен фрагмент «Анжерского Апокалипси-

са»: демон Бафомет летит в пекло. Я уверен, что она отпугивает все болезни.

Что же еще случилось в этом году, кроме коронавируса?.. Дайте-ка вспомнить… Ах да, в этом году случилось обнуление. Мой электрический счетчик «перешел через ноль». Его колесики достигли предельного числа — 9999,9. И потом все. Конец. Как если бы древний человек дошел до конца плоской Земли, выглянул в открытый космос и увидел Черепаху… Помню, как я звонил в специальную службу и разговаривал по телефону со специальной женщиной. Она сказала: «Я попробую вам помочь. Но не знаю, что получится…» Мне показалось, я слышу голос Терешковой. Она всем готова помочь, бабушка Валя.

Приближение к нулю всегда пугает. А потом оно наступает… И ничего не происходит. Потому что настоящий конец света приходит не по календарю. Никто в начале года не знал, каким он будет. Никто. Казалось бы, все астрологи должны уволиться. Но прогнозы будущего становятся только дороже. Жизнь стала как сериал с принудительной подпиской. Как страшный Netflix, который всем подключили.

В этом году я понял, что ничего не знаю об искусстве драматургии, которой занимаюсь. Ничего.

Коронавирус оказался самым парадоксальным героем. В школе его бы назвали «маленьким человеком». Я решил представить этого человека. Это смешной иностранец, с нелепой физиономией. Никто поначалу не принимает его всерьез. Немного альфонс, любитель старушек, иногда — старичков. Он чрезвычайно толерантен, не делает различий между расами, полом или вероисповеданием. Его характер подробно описан, но каждый его шаг — неожиданность. Если я смогу вывести такой тип в романе, то его будут изучать в школе. Герой нашего времени. Ну, если школы продолжат существовать…

И вот в конце года я вдруг понял, кто он. Это не человек. Это кот. Посмотрите, как они похожи: кот и ковид. Я дам ему отдельный абзац:

Итак, на землю явился кот, на которого у всех аллергия. Не принести домой его нельзя. Это же котик, посмотрите, какой он милый.

Попробуйте выгнать его на улицу: он будет мяукать под дверью. И когда зайдет соседка, она

принесет его на руках.

В детстве у меня был похожий кот: к нам приходил есть, к соседке — спать. Он все время хотел внимания и не хотел его. Смотрел на дверь, чтобы уйти. Но когда открывали — прятался.

Однажды он пропал. На целую неделю. Все эти дни я плакал в подушку.

Если в следующем году наш кот-ковид пропадет, мы тоже будем рыдать. Давайте признаемся в этом. Земля изменилась, как меняется семья с появлением кота: он отбирает себе этот стул, этот коврик, этот подоконник. Каждый кот забирает от двух до шести квадратных метров жилья. Но когда он смотрит в окно, то видит не хрущевку напротив, а бесконечность. Просидев месяц в изоляции, и не такое увидишь.

Все мы стали понимать, что чувствуют домашние животные в квартире. Выбежать в тамбур для них, как для нас — на выходные в Питер.

А потом придет вакцина. Один укол. Мы проснемся привитыми, как коты после кастрации. Теперь ничего не беспокоит. Теперь все как раньше. И будем, как в конце 2019 года, предсказывать Третью мировую войну и планировать ремонт на балконе. И не заметим, что все вернулось как было. Глаза найдут коврик в углу, на

котором уже никто не спит. Тот, кто мог укусить, если тронешь за хвост.

В каждом из нас, как после la petite mort, останется память о самом лучшем годе жизни. Лучшем, потому что жизнь в этом году не закончилась. А могла бы. Но она продолжается, как красный клубок, прикатившись по полу, оставляет за собой яркую нитку. Она натянулась в струну. Но не прервалась.

* * *

Яндекс-музыка подсчитала, какие треки я слушал чаще всего в течение года. Я посмотрел и, к удивлению, обнаружил, что на первом месте не классика. А я ведь слушаю в основном ее. Знаете, что на первом месте? Женский вокал. Это Хоуп Сандовал и ее трек Into Dust. Действительно, в фоновом режиме я прослушал этот трек, наверное, тысячу раз.

Под эту песню можно спать наяву. Она идеально подходит для финальных титров этого года. Представьте, как они проплывают по комнате: вдоль украшенной елки, стола с пирамидкой оливье, окна с гирляндой. Я слушал эту музыку, стоя на кассе в «Пятерочке», в метро, в душе, в очереди к налоговому инспектору. Под нее я, как

Сандра Буллок, совершал бесконечное падение из космоса на Землю и уносился от Земли в космос. Эта песня для меня итог, оставшийся от этого года. Все на свете когда-нибудь станет пылью или музыкой. Пойду послушаю еще раз.

Это был ты, бездыханный и сломленный.

Я чувствовала, как глаза обращаются в пыль.

Два незнакомца обращаются в пыль.

Обращаются в пыль…

Страшный суд: рассказ о том, что деньги все-таки пахнут – наггетсами, маслом и имитированной красной икрой

Много лет назад я подрабатывал в одном журнале. Однажды редакция дала мне задание. Нужно было сходить на съемки телесуда, посмотреть, как все происходит. И написать об этом. На эфире, куда меня отправили, обещали разобрать скандальное дело об убийстве мальчика-гея.

Дали телефон бригадира массовки: позвони, мол, и выясни, в чем там дело. Я ответил редакции: есть!

Позвонил. Бригадир Ольга сказала, что «суд» действительно будут снимать, но она не в курсе, кого судят и зачем. Приходите, но только сначала посетите, я вас прошу, новое шоу «Сестер Зайцевых»: там недобор.

«Чем пахнет?»

В назначенный день и час я стоял во дворе старого завода, отданного под офисы и студии. Телефон Ольги не отвечал. Потом ответил и закричал, что я опоздал на семь минут. Предложил самому искать ангар, где идут съемки. Я нашел на удивление быстро.

Съемочная площадка напомнила мне заболевшую программу «Разрушители легенд» канала Discovery. В импровизированном гараже мне предложили сесть на автомобильное колесо.

Я огляделся. Рабочий приделывал пружину к двери, оператор подходил к камере, тряс ее и шел смотреть на пружину рабочего. В небольшой комнатке находились звукооператор и режиссер, похожий на покойного Романа Трахтенберга. Он сидел на стуле и чесал что-то под свитером. Рядом на диване сидели сами «Сестры Зайцевы» — мужской дуэт из Камеди-клаба. Один мужик был лысый, а другой нет. Они и были комическими «разрушителями легенд».

Через полчаса начали съемки. Ведущие пригласили фокус-группу. До этой минуты мне казалось, что фокус-группа будет состоять из меня. Но

вдруг дверь открылась, и в наш гараж вбежало несколько человек: три женщины и один мужчина с подвижным носом.

Нас выстроили полукругом, как ансамбль народной песни. Затем предложили закрыть глаза и нюхать нечто. Я услышал, как женщины рядом начали хохотать во весь голос. «Языком не трогать», — попросили ведущие. «Не понимаю, что это, — призналась одна из женщин. — Носок?» Потом я услышал, как мужчина с подвижным носом заработал им во всю мощь: он тоже нюхал. «Платок?» Наконец очередь дошла до меня. Нечто ткнулось мне в лицо. «Скажите, Валерий, вы когда-нибудь нюхали клей?»

Я поочередно нюхал три предмета и ни один из них не смог опознать. Наконец нам разрешили открыть глаза. Оказалось, мы нюхали деньги: бумажные купюры, монеты и даже пластиковую карточку. Оказалось, что таким образом мы проверяли фразу «деньги не пахнут».

Когда съемки закончились, с нами рассчитались теми же банкнотами, что мы нюхали. Четыреста рублей каждому. Выйдя из студии, я еще раз понюхал деньги. Но теперь они пахли совсем по-другому, как ремесла в стихотворении Джанни Родари. Заработанные деньги пахли

потом, студенческой нищетой и наггетсами из «Пятерочки». Я купил их тем же вечером.

«Страшный суд»

Через несколько дней я отправился на телесуд, ради которого и звонил бригадиру Ольге. Это была женщина невнятного возраста, в черном свитере с блестящей розой из пайеток. Ольга провела нас в раскаленную студию: слепящие софиты боролись здесь с московской зимой. Было жарко.

Ольга посадила некрасивых старух назад, умеренно уродливых женщин — в середину, а меня и блаженного старичка — вперед. Появился режиссер площадки, в сверкающих брюках на толстых ногах. Он попросил:

— Вот вы, уважаемая старушка, после команды «работаем!» начинайте пробираться к своему месту, а вы, молодой человек, — обратился он ко мне, — поинтересуйтесь у соседа, сколько времени.

Сверкающий режиссер ушел. Прошло еще минут пятнадцать, после чего раздалось: «Ррработаем!»

Старушка, размахивая сумкой, полезла к своему месту. Я повернулся к старичку и вежливо спросил:

— Не подскажете, сколько времени?

— Пять часов! — закричал старичок.

Переснимать не стали: живого звука все равно не будет.

Возник еще один режиссер. Невидимый… Это был женский голос, который говорил откуда-то сверху. Он всех видел и всем давал указания.

Начали съемку первого эпизода. В нем свидетель, которого истица называла «мой хахаль», должен был устроить драку с прокурором. Тот заранее засунул за щеку пилюлю с краской. Съемка началась. Свидетель ударил прокурора по лицу, тот хрумкнул. Изо рта его вылилась лужица искусственной крови.

— Зрители! — кричал женский голос в динамиках. — Живо реагируем на драку! Берите пример с женщины в желтой кофте! Посмотрите, как ее трясет!

Женщина в цыплячьей кофте действительно дрожала и стучала ногами по полу. Я удивился тогда, что такая простая женщина, совсем не актриса, так искренне сходила с ума.

Съемку продолжили. Появились обвиняемый и истица.

— Стоп, стоп! — голос режиссера остановил съемку. — Истица, я вспомнила: вы три месяца

назад уже сели за убийство.

Зал захихикал.

— Отсидела, выходит, — сказала актриса.

— Но вам дали восемь лет, — вспоминал голос. — Черт!.. А снимать-то нужно… Хорошо, дайте ей какие-нибудь дурацкие очки. Может, не узнают. Начали!

Итак, обвиняемый — врач, который лишил истицу возможности рожать, перевязав ей маточные трубы. Потому что она плодит детей, чтобы получать от государства деньги. И вообще все дети, которых она родила, какие-то корявые. Врач решил, что ей хватит. И решил стать российским доктором Менгеле.

Я сидел и думал: «Стоп, а где мальчик-гей? Или эмбрион оказался геем? Но как об этом узнали?.. Или… я просто попал не на тот суд». А если я не напишу про него, то… Не будет моего гонорара! Нет, об этом нельзя думать. От этой мысли болит живот. Я должен думать о чем-то хорошем. Например, о том, что над земным судом стоит суд Божий. И он сейчас смотрит на нас сверху и готовит каждому по заслугам. Ключевым становится слово «готовит». Господь разогревает сковородку, но не для грешников, а для праведников. Ведь сковорода — это символ кухни, где пекутся блин-

чики. Грешники же вечность проводят в пустой морозилке. И жрут там лед со стенок.

«Отмщение Аз воздам», — с этой шуткой появился сам телевизионный судья. Это был крупный широкогрудый мужчина. Зажав папку под мышкой, он прошел к центральному столу и сел за табличкой «К. А. Бычков».

Начали съемку суда. Истица все время что-то кричала про свои маточные трубы, судья штрафовал ее за крик. Потом начал кричать подсудимый. Судья снова застучал молотком.

Адвокат вызвал мать истицы. В зал вошла женщина с коляской, набитой детьми непутевой дочери. Увидев истицу, мать начала причитать и нести отсебятину. Еще минут десять режиссер учил ее называть детей по сценарию.

Наконец наступает важнейший момент. Девочка — дочь истицы — должна была посмотреть на мать и спросить у бабушки: «Это моя мама?» Но бабушка выглядела как контуженая и несколько раз все портила. Сначала она спросила у дочери: «Ты моя мать?» Затем у судьи: «Это моя дочь?» Затем у внучки: «Кто ты такая?»

— Вы можете молчать?!! — закричала с потолка режиссер. — Я сама дам сигнал девочке!

А девочка, правда, загляденье. Тихая, спокой-

ная, сидит на коленях и моргает. И вот съемка вновь доходит до ключевой фразы, в зале наступает тишина… Бабушка замерла, поджав губы. Видно было, что ей хочется спросить: «Кто я такая?»

Но она молчит. Все молчат. Сверху раздается голос режиссера:

— Говори, моя хорошая.

Девочка поводит глазками, смотрит на истицу и выговаривает:

— Это моя мама?

Все потрясены. Актер, играющий пристава, снимает с головы фуражку. У моего соседа — блаженного старичка — дрожит борода и мешки под глазами. Женщина в желтой кофте сидит, приложив пальцы к губам: девочка ее переиграла. Судья Бычков и тот краснеет под пудрой.

— Браво! — восклицает режиссер.

— Перерыв! — кричит бригадир Ольга.

Мы выходим из зала. Я подхожу к Ольге и спрашиваю, когда же убьют мальчика-гея. Ольга отвечает, что не знает. Но в любом случае на следующие съемки меня не пустят — туда записаны другие люди. «Но…» — «Ваши шестьсот рублей».

Ольга выдает мне две купюры: пятьсот и сто. Роза из пайеток сверкает на груди бригадира, она

поворачивается и уходит. На спине ничего нет, кроме прилипшей белой нитки.

Я опускаюсь на стул в коридоре. Как обидно! И о чем я буду писать? О маточных трубах? А если я не напишу про убийство мальчика-гея, то не получу две тысячи рублей гонорара. Четыреста рублей от «Сестер Зайцевых» я давно проел.

Что же делать?.. Я сел и стал придумывать. Значит, так, гомофоба зовут Сергей. В самом имени зашифрована его борьба, но это борьба с собой. Он убил парня-гея, которого зовут Олег. В суд на убийцу подал Виталий — это бойфренд покойного. Стоп, а нужно ли подавать в суд на убийцу? Или дело начнут расследовать без иска? Вроде бы должны, но убит-то гей, поэтому…

Короче говоря, нужно поискать в интернете. Но как же не хочется ничего искать, как же хочется просто две тысячи рублей! В голове моей возникала галерея образов: друг покойного, мать покойного, отец покойного. Он стыдится, а мать говорит: «Все равно он был моим ребенком!» Отец бросает Виталию: «Ты развратил моего сына!» — «Зато я дал ему любовь! А что дали вы?» — «Заткнись, голубой щенок!» Судья стучит молотком. «Вы его убили! Вы!» — «Ах ты педик!» Начинается драка. Отец бьет Виталия, женщина в

желтой кофте вынимает из сумки нож, прокурор раскусывает пилюлю с кровью, она льется на рубашку. Виталий выхватывает пистолет и кричит: «Знакомьтесь: мой ствол!» И стреляет вверх. Из-под потолка падает режиссер — та самая, которая управляла всем этим судом. Страшным судом.

Пауза.

Мы смотрим на нее: простая русская женщина с простреленной головой. Я приглядываюсь: отверстие в ее черепе — это щель в копилке. А внутри — деньги. Бумажные купюры, мелкие монеты. Сложи вместе — и будет несколько тысяч… На них можно купить и наггетсы, и масло, а еще имитированную красную икру. Все это стоит на столе, а стол — в облаках.

* * *

В редакции я честно признался, мол, так и так, нюхал деньги, слушал историю про маточные трубы, на убийство гея не попал — там был аншлаг. Редактор меня успокоил: ничего страшного, есть и другие скользкие темы. Например, мужская проституция. Сколько зарабатывают сегодня жиголо? «Сколько?» — спросил я. — «Вот пойди и узнай».

В моем кармане угасали шестьсот рублей,

оставшиеся от телесуда. Я решил, что если проституция принесет мне в четыре раза больше, чем литература, то… Я займусь ей. Ладно, хотя бы в три. В два… Но простит ли меня Господь за то, что я променял чистый лист на грязную простыню?

Помоги мне, Господи! Жизнь страшна, но суд Твой — еще страшней.

Золотой роман ни о чем: рассказ о путешествии в больницу и обратно

Я жил тогда в Беляеве. Мы с друзьями снимали квартиру у гея-адвоката. Не знаю, с чего мы взяли, что он адвокат. Кажется, так сказал мой сосед Илья. Раз в месяц он ездил к «адвокату» домой и отвозил конверт с деньгами. Илья всегда рассказывал, какой мальчик открыл ему дверь. То светленький, то темненький. Иногда ему удавалось перекинуться с мальчиками парой слов. Все они были приезжими, у них не было ни денег, ни брезгливости. Они говорили, что адвокат мерзкий как тело, но хороший как человек. Он просит за проживание только «маленький секс». А квартира-то у него трехкомнатная, на Ялтинской улице. Есть лоджия.

Мы платили адвокату не «маленьким сексом», а обычными деньгами. И жили втроем в двухкомнатной квартире, которую он нам сдавал. Я, Илья, Павел. Илья ходил на работу, Павел — на учебу, а я писал рассказы. То есть ничего не делал.

Однажды я заболел. Встал утром: нос заложен, в голове туман. Но все равно решил, что выйду из

дома. Хотя работы у меня тогда не было, да и денег тоже. Но были встречи со знакомыми. Вообще у людей, которые нигде не работают, много встреч с такими же бездельниками. Я спал, просыпался и писал какой-то бессюжетный роман. Ведь накануне я был участником литературного семинара, где нас учили писать. Мастер поделился с нами, что мечтает создать по-настоящему бессюжетный роман. Такой, в котором вообще ничего не происходит. Ничего. Этот роман должен стать очень популярным. Людям надоели одинаковые истории. Только история без истории может стать открытием для читателей, а для автора — золотой жилой.

Я решил, что первым напишу такой роман. Золотой роман ни о чем! Там будут чистые энергии любви и ненависти. Я тогда прочел в книге Хокинга, что именно такой была наша вселенная в самом начале — сочетанием абсолютного огня и абсолютного холода. Инь и ян, кипящий беляш и замороженное крем-брюле.

Но в тот день я заболел и отложил роман. Я позавтракал яичницей, похожей на мой вздувшийся нос. И вышел из дома.

Приехал в «Макдоналдс» на «Пушкинской», где встретился с другом, который хотел снять кино.

Наоборот, с сюжетом! История о мужской любви и человеческом предательстве. Я сомневался, нужно ли такое писать. Зачем мужчинам любить и предавать друг друга? Пусть бессюжетно лежат и болтают. Но будущий режиссер настаивал, что нужен сюжет, диалог, поцелуй. Ладно, в конце концов я согласился. Режиссер предложил угостить меня большой чашкой кофе. Я снова согласился. И снова зря — это была моя вторая ошибка.

Я тогда еще полагал, что во мне не бронхит, а обычная простуда. Не знал, что вскоре моя температура поднимется до тридцати девяти, а кофе ударит по нервам. Передо мной стоял огромный пол-литровый стакан. Я выпил его залпом, как лекарство. В моем желудке кофе встретился с утренней яичницей. Она спросила: «Этот человек вышел из дома?» Кофе ответил: «Да, и ушел далеко». — «Сколько ему ехать обратно?» — «Час».

Я спустился в метро. С «Пушкинской» до «Китай-города». И оттуда на юг — в сторону Беляева.

В метро я почувствовал небольшое нервное возбуждение и теплую радость, а затем — резкое ухудшение. Мысли стали путаться. Минуту назад я еще мог думать о мужской любви и человеческом предательстве. А потом что-то сломалось во

мне, перегорело. Проехав Кольцевую линию, я погрузился в темноту.

Я вдруг увидел то, о чем целый месяц пытался написать роман. Бессюжетный, но не бессмысленный. И тут на Калужско-Рижской линии мне открылась бездна. Я сидел в центре вагона и знал, что надо мной висит женщина, испепеляя взглядом: уступи место. Я женщина, я мать, тьма. Но я не мог ни открыть глаз, ни пошевелиться. В полной темноте я увидел светящуюся точку — это был последний проблеск разума. Тихий голос сказал мне что-то прекрасное. А потом точка угасла. Темнота.

Все мое существо работало над одной задачей — выйти на станции «Беляево». Вот и станция. Существо вышло — то, что было мной. То, что могло еще двигаться.

Я оказался на улице, солнечный свет обжег меня. Ранняя грязная весна. В этот момент кофе уже добрался до моей нервной системы. Как керосин, вылитый в пламя. Я испытал настоящий ужас. Абсолютный. Если вы когда-нибудь были в районе Беляево, то знаете, как выглядит зло, застывшее в камне. Если сделать из Беляева музыку, это будет крик грешников, заточенных в аду.

Мир явился мне без причин и следствий. Люди

вокруг меня распадались на бессвязные части. Я не мог понять, почему эти две ноги идут рядом, что удерживает их вместе. Тем более в Беляеве. Мое тело шло по югу Москвы, как по строчкам моего романа. Я видел то, что пытался описать, но не мог найти слов. Это был чистый ужас на улице генерала Антонова.

Я шел мимо магазина с конфискатом, магазина фильтров, мимо какой-то технической постройки. Мои ноги запутались, я остановился и увидел на стене будки граффити — сине-голубой Пегас, ржущая морда, два крыла. Он двигался. Двигался! Я клянусь, он летел тогда!

Я снова увидел внутри себя светящуюся точку. Она сказала: «Пусть крылатый конь несет тебя!»

Я оттолкнулся и пошел, побежал, полетел. Наконец, подъезд. Выходя из лифта, запутался в дверях. Хорошо, что дома был сосед. Как его зовут… я не мог вспомнить. «Скорую», срочно». Потом фигура в белом халате, носилки. В полной внутренней темноте я держал светящуюся точку, как конфету из белого шоколада. Я проглатывал ее, а она снова оказывалась на моей ладони.

Через сутки я открыл глаза. И увидел, что белая конфета — это таблетка. Я в палате. Я глотаю таблетку, и на моей ладони снова появляется другая:

ее дает медсестра. В палате еще три человека. Мальчик, парень, мужик. Ночью привезли еще одного мальчика. Он кашлял так, словно хотел вывернуться наружу. Стоял у раковины и тряс головой.

Через два дня в койке рядом со мной сменился сосед. Привезли солдата-срочника. Раздели, положили. Когда солдат очнулся, то оглядел палату и остановился взглядом на мне. «Что читаешь?» Я читал «Черного принца» Айрис Мердок. Солдат проникся ко мне интересом. «Расскажи какую-нибудь историю, — попросил он. — Я читать не люблю. Люблю слушать».

И так он просил каждый день. Я злился, но что-то придумывал, рассказывал. Я пытался объяснить ему, что сейчас уже неприлично рассказывать истории. Вот, говорил я, знаю писателя, который хочет написать роман, где ничего не происходит. Солдат послушал, а потом сказал: «Я тут в соседней палате с типом познакомился. Ему завтра шишки передадут. Хочешь покурить? В голове начинается такой [бессюжетный роман]!»

На следующий день солдат накурился и засыпал улыбаясь. Люди в палате продолжали меняться, как главы хаотического романа. И только мы с солдатом оставались: у меня тяже-

лый бронхит, у него тоже. Мы лежали и болтали ни о чем — совсем так, как я предлагал режиссеру в «Макдоналдсе». Просто двое мужчин говорят о ерунде. И даже не смотрят друг на друга.

Однажды солдат подошел и спросил: «В душ пойдешь?» В тот день у нас упала температура и нам разрешили помыться. Толстая медсестра открыла душевую, дала нам двадцать минут. Мы разделись, встали под теплую воду. Солдат мычал и пел. Потом его голова появилась в моей кабинке: «Покажешь мне Москву?» — «Чего?» — «Ну, когда выпишемся, когда я отслужу — Москву покажешь?» — «А, ты про это… Покажу!»

Через две недели мне стало лучше. Толстая медсестра это заметила и решила, что теперь я сам должен помогать другим. «Ты в судно ходил?» Она вспомнила, что в первые дни я не мог подняться с кровати и мочился в медицинское судно. «Иди покажи кудрявому парню, как в судно ходить». Я зашел в соседнюю палату. Там среди больных гопников лежал у двери кудрявый юноша. Спросил, как его зовут. Тот не ответил, тогда один из гопников промычал выдуманное имя. Кудрявый оказался красивым и бледнокожим, как самоубийца. Я откинул одеяло, подвигал его ногами и просунул под них судно. Кудрявый вдруг оч-

нулся и от стыда схватил меня за руки. Встал, опираясь на стену. Я подхватил его и провел в туалет. Оказалось, его зовут Мауро — это правда его имя. Он учится на пианиста в московской консерватории.

Следующую неделю я думал: зачем судьба послала мне Мауро и солдата? Кто из них станет моим другом или братом? Солдат все чаще говорил, что я должен показать ему Москву. Попросил мой номер. Я дал ему номер, но с ошибкой в одной цифре. Мауро я заставил записать мой телефон, но без ошибки. В день выписки я сказал солдату, что иду к главврачу за рецептом. Сам же тихо собрал вещи, оделся и ушел. Выходя, обернулся и увидел своего солдата — далеко в глубине коридора. Он смотрел на меня.

Я вернулся в съемную квартиру. Сосед Илья рассказал, что накануне ходил к адвокату, относил ему деньги. Теперь у адвоката на мальчика меньше. Один из них взял да и умер. Возможно, самоубийство. Через несколько лет сам Илья умрет от бронхита вроде моего. Когда я узнаю об этом, то наконец пойму: вот он, мой бессмысленный роман. Какой-то итальянский пианист, русский солдат, смерть соседа, смерть какого-то мальчика. Все они как цифры в номере телефона,

одна из которых неправильная — не шестерка, а пятерка.

Тогда, в общем душе, солдат рассказал мне свою историю. Каждый день в воинской части он пил стакан холодной сырой воды. Ну, чтобы заболеть, попасть в больницу, где не будут издеваться. Пил холодную воду, но не болел. Все никак не болел. Когда же издеваться перестали, то вдруг — бронхит. Почему так? Я сказал, что это судьба. Но он не расслышал меня из-за шума воды.

Все умрут, а он останется: почему Уильям Шекспир переживет Льва Толстого

Ко дню рождения Шекспира снова были написаны статьи с заголовками «Все Шекспиры хороши», «Шекспир на весь мир», «Шекспир — это пир», «Два мира — два Шекспира». В них вновь сказано, как велик Шекспир, как он международен и талантлив. Да что талантлив — гениален! Так прямо и сказано. Вообще если человеку хотят сделать комплимент, то его называют «шекспиром» чего-то. Например, вы можете назвать меня шекспиром мемов и не ошибетесь.

Но я не хочу хвалить Шекспира. Его хвалят и без меня. Я хочу его сначала поругать. Далее цитата.

«Помню то удивленье, которое я испытал при первом чтении Шекспира. Я ожидал получить большое эстетическое наслаждение. Но, прочтя одно за другим считающиеся лучшими его произведения: «Короля Лира», «Ромео и Юлию», «Гамлета», «Макбета», я не только не испытал наслаждения, но почувствовал неотразимое отвращение, скуку и недоумение о том, я ли бе-

зумен, находя ничтожными и прямо дурными произведения, которые считаются верхом совершенства всем образованным миром, или безумно то значение, которое приписывается этим образованным миром произведениям Шекспира».

Это Лев Николаевич Толстой. И его можно на самом деле понять. Потому что Толстой такая же вселенная, как и Шекспир. И они буквально из разных миров. Поэтому их конфликт — это конфликт двух разных вселенных. Каких — я сейчас приведу вам пример.

Сегодня в мире есть две такие вселенные, которыми мы пользуемся каждый день. Я уверен, что ваш телефон — это или айфон, или андроид. Возможно, прямо сейчас вы читаете этот текст на мобильном телефоне.

Так вот, Шекспир и Толстой как две эти операционные системы. А вы попробуйте прямо сейчас догадаться, кто из них кто. Прежде чем дать свой ответ, я предложу вам вспомнить кое-что. Вспомните, когда в последний раз вы видели на театральной афише имя критика Шекспира — Льва Николаевича Толстого. Какие у него вообще пьесы есть? Самые известные — это «Власть тьмы», «Живой труп» и «Плоды просвещения». И вряд ли вы часто видите их на афишах театров.

А вот Шекспира вы наблюдаете там буквально каждый день. И сегодня очевидно, что в театре Шекспир победил и Толстого, и всех своих критиков. Почему же так произошло?

Пришло время дать ответ на вопрос про айфон и андроид. Итак, Шекспир — это андроид, а Толстой — айфон.

Почему? Потому что систему андроид можно поставить практически на любой телефон. А iOS ставится только на айфон, как Лев Толстой ставится только в академическом театральном стиле или в костюмированных телесериалах. А Шекспир ставится как угодно, где угодно, на что угодно. На любом языке. Шекспиру не нужны костюмы, ему не нужно практически ничего, кроме театра. В нем должны быть стены и сцена, даже потолок не обязателен — в «Глобусе» его не было.

Шекспир — это открытая операционная система, в которой каждый может делать все что угодно. Его тексты невероятно открыты и пластичны. Их не травмирует интерпретация.

Представьте, что вы слышите новость: в новой экранизации Netflix Анну Каренину сыграет темнокожая актриса, а Вронского — трансгендерный актер. Страшно подумать, что произойдет после

этого в российском фейсбуке. А теперь представьте, что в театре Шекспира играют темнокожие, трансгендеры или темнокожие трансгендеры. Или делают это в киноэкранизации. Да где угодно! Повторю: Шекспира не травмируют интерпретации. Он оверсайз и унисекс литературы. Шекспира может носить вся семья, состоящая из мамы, папы, еще одного папы, еще одной мамы, очень толстых и очень худых разноцветных детей. Поэтому Шекспира до сих пор носит весь мир.

Рискну сказать, что Шекспир переживет Льва Толстого. Пройдет еще четыреста лет, и тексты Толстого станут полной архаикой — с их пониманием гендера и природы человека. У Толстого уже сейчас есть проблемы с «новой этикой». Дальше — больше. А тексты Шекспира избегут этой проблемы. Но проверить мою гипотезу мы сможем только через четыреста лет…

А перед этим давайте ответим на последний и самый частый вопрос о Шекспире. Звучит он так: существовал ли на самом деле Уильям Шекспир? Этот вопрос я задал выдающемуся российскому шекспироведу Алексею Вадимовичу Бартошевичу. Я разговаривал с ним в «Гоголь-центре» в день премьеры спектакля «Шекспир» Евгения

Кулагина.

Тогда я спросил: «Алексей Вадимович, так был Шекспир или нет?» Сразу после моего вопроса в театре прозвучал первый звонок. Я очень расстроился, ведь я думал, что ответ на мой вопрос будет длинным, что нужно услышать обстоятельную речь, цитаты из Оксфордского словаря и многое другое. Успеют ли зрители к началу спектакля? Вместо этого Бартошевич ответил очень коротко: «Валерий, вы ведь знаете, как устроен театр? И вот представьте, что в сегодняшнем российском театре есть некий шекспир, которого на самом деле нет, но именем которого подписывают тексты. И, вероятно, кто-то другой получает за него гонорар. Как вы думаете, вам долго удастся хранить эту информацию? Вы никому этого не расскажете? И никто из ваших коллег не расскажет и не напишет? Мне кажется, ответ очевиден: до нас дошли бы десятки, если не сотни свидетельств того, что Шекспира не было. Об этом писали бы все. Но этого нет. Поэтому Шекспир, вероятнее всего, был».

Так что, друзья, не приходится сомневаться, что Шекспир правда был. И я не сомневаюсь, что его будут читать следующие четыре сотни лет. Кто будут эти люди — никто не знает.

Но думаю, что их, как и нас, будет волновать одно. Шекспировских персонажей — живых и мертвых — интересуют любовь, месть и правда. Шекспир очень хорошо это понимал. Поэтому мы понимаем и вспоминаем его сегодня.

Почему актером хорошо быть при жизни, а писателем – после нее

Я пишу этот текст для родителей, чьи дети проявили интерес к творчеству. Лучше, чтобы ваши дети не писали тексты, а их заучивали! Лучше работать не с текстом, а с телом. Поэтому прежде всего вам нужно измерить своего ребенка. Поставьте ребенка к стене, положите на его голову книгу (только не Достоевского) и сделайте отметку. Вам нужно измерить рост сына или дочери. Если ребенок выше 177–180 сантиметров — вы родили актера или актрису. Если ниже — писателя.

Всю свою жизнь писатели работают на памятники. Их постаменты как высокие каблуки, которые помогают им выглядеть выше. Но если писатель сойдет с постамента и встанет рядом, вы увидите, какой он маленький, щуплый и довольно скучный. Поэтому он никогда не говорит по телефону, только пишет в мессенджер. Актер, наоборот, всегда звонит и спрашивает: «Спишь?» Писателю при жизни мало кто звонит. А если звонит, то как Сталин — Пастернаку.

Вы хотите, чтобы вашему ребенку звонил уса-

тый тиран? Нет, конечно. Поэтому гоните его на спорт и танцы. Покупайте ему витамины и хулахуп. На улице больше нет места новым памятникам, а в инстаграме сколько угодно — для новых актеров.

Сейчас я расскажу вам, какие разные жизни живут актеры и драматурги. Те, кто делают вместе театр. Итак, жизнь актера начинается с экзамена в театральный вуз. Здесь он реально волнуется. Но это его первое и последнее волнение. Все рассказы, мол, даже великие артисты волнуются перед выходом на сцену, — это полная чушь. Билеты уже проданы, цветы куплены, зритель пришел поглазеть, поспать и похлопать. Все это он получит в любом случае. Зачем волноваться?

Так вот, артист волнуется только на первом экзамене в театральный вуз.

Как это выглядит? Представьте себе птичий рынок: артистов выбирают, как щенят. За несколько минут ареопаг решает, будет этот человек артистом или нет. Кто высокий, славянистый, мордатый, голосящий — берут. Остальным говорят: попробуйте в следующем году, возьмите другие стихи и басню, которые помогут вам раскрыться. Конечно, это вранье. Ответ должен быть такой: прибавьте пятнадцать сантиметров к ро-

сту, поменяйте лицо на славянское, а грудь ваша должна быть как парус. Еще родитесь в семье какого-нибудь заслуженного артиста. И приходите.

Артист хорошо знает, что главное дано от природы и родителей. «Я сам добился всего» — это заблуждение. И гордыня, из-за которой в свое время был низвергнут Люцифер. Задача артиста быть факелом, который передают из рук в руки — от мамы к худруку, от режиссера к режиссеру. И дальше гореть ему так до пенсии. А потом угаснуть на кафедре сценической речи.

Театр — это место, где живой актер встречается с мертвым писателем. Веселый актер учит много грустного текста, оставленного каким-то великим мертвецом. Это действительно непросто. Наверное, это самое сложное, что есть в профессии актера. Но уже давно не пишутся пьесы в стихах, а прозу учить намного проще. Догадываетесь почему? В прозе можно менять слова местами, говорить не по тексту, а «по смыслу». В стихах же всякое слово на своем месте. Но стихотворные драмы — это сегодня редкость. Так что здесь жалеть артистов не нужно. Они сами себя пожалеют.

Киноартистов жалко меньше всего, потому что они получают больше всех. Таких артистов зовут

на «разогнанные» проекты. Те, под которые получены бюджеты, написаны сценарии и сделаны раскадровки. Актер знает, что придет в проект, где уже есть деньги, съемочные часы и кинокорм. Если артист куда-то приехал, он уверен, что получит за это деньги.

Поэтому все хотят быть актерами. Но есть одна проблема: их гораздо больше, чем нужно маленькому российскому рынку. Раньше они все время ходили на кастинги. Но сегодня у каждого артиста есть видеовизитка и анкета на агентском сайте. Про артиста все заранее известно: насколько он высокий, улыбчивый, фехтующий или гарцующий. Это, кстати, не шутка. Когда я был студентом, то с друзьями-литераторами сам ходил на кастинг массовки. Нам выдали анкету, в которой спрашивали, умеем ли мы водить автомобиль, скакать на лошади, владеем ли навыками боя. Мы сильно удивлялись этим вопросам. Все, что мы умели, — просто быть. Сидеть на стуле, не падая, — вот наше главное умение. Сидеть и смотреть на пустой лист перед собой, заполняя его иногда прозой, иногда стихами, но чаще — слезами.

Артистом хорошо быть при жизни, а писателем — только после нее. После смерти все

переворачивается. Писатель торжествует над артистами! Все они получают его тексты, учат его слова, волнуясь на вступительных экзаменах. Актер интересен, когда он живой, когда он телом выходит на сцену. После смерти актера нет. Он больше ничего не сыграет. Разве что нейросеть возьмет его лицо как перчаточную куклу и сделает видео для сториз.

С писателем все наоборот. Он, как Акакий Акакиевич, воскресает, потеряв шинель земного тела. При жизни он смотрел на актеров и вздыхал. Они — здоровые, красивые, наливные — играли в пляжный волейбол. Половина мировой литературы о том, как поэт вздыхает по какой-нибудь актрисе или адонису. Им достаются стихи, проза, драматургия. Автору не достается от них ничего.

Писатель знает, что при жизни ему ничего не достанется: ни секса, ни славы. Но когда уже не будет его, слава точно будет. И так хочется посмотреть на нее хоть глазком! Поэтому писатели так часто приближаются к границе жизни. Как Пелевин, присылающий тексты из нирваны. Как запершийся в доме Сэлинджер. Как запертый на конспиративной квартире Рушди. Как вспыхнувший и исчезнувший Кастанеда. Как пропавший в лагере Мандельштам. Смерть выделяет из писа-

теля энергию. Актер узнает, насколько он хорош, на сцене. Писатель — рядом со смертью, арестом или вечной пустотой.

И здесь я вновь хочу обратиться к родителям. Вы знаете, чем сейчас занят ваш ребенок? Сидит в комнате и читает книгу? Сначала читает — затем пишет. А потом вы узнаете, что он не верит в Бога, царя и разумное творение. Гоните его на улицу, в кружок! Пусть лучше красит ногти, как Моргенштерн, пусть снимает тик-токи! Лишь бы был здоровый, живой, красивый и глупый. Таких любят родители и писатели.

Любите своих детей живыми, или через сто лет их будут любить потомки.

«Замолчи и выйди!»: рассказ о том, как меня выгнали из Литературного института

Я был счастлив, когда поступил в Литературный институт. Ведь я еще не знал, что через год меня оттуда выгонят. И говорил себе: «Наконец смогу заниматься литературой! Говорить о прозе! Писать ее!» Но все оказалось гораздо прозаичней.

В 2007 году я приехал в Москву из Ташкента, и жить мне было негде. Я узнал от знакомых, что при Литинституте есть Высшие литературные курсы, которые дают общежитие. Это была комната на улице Добролюбова: светло-грязные стены, ковролин на полу, одно окно. Меня поселили с поэтом из Сергиева-Посада. Осип Брик говорил, что в хороших стихах запоминаются хорошие строчки, а в плохих — плохие. Но, увы, я не могу вспомнить ни хороших, ни плохих строк своего соседа. Я помню только, что он не хотел мыть общую сковородку. Но в целом был хороший парень. Ярослав.

В приемную комиссию я подал две папки с

текстами — с дебютной пьесой и дебютным романом. Роман назывался «Город под солнцем», имел семь частей — «красный понедельник», «оранжевый вторник», «желтая среда» и так далее. Короче говоря, цветик-семицветик. Мой авторский стиль тогда напоминал творчество сына Юрия Мамлеева и Оскара Уайльда. В одном из рассказов был описан страшный сон героя, в котором он видел Христа-зомби. Тот восставал из гробницы. Это была чудовищно написанная чудовищная сцена. В моем романе было много юношеского макабра. Но именно с этими текстами меня приняли в мастерскую прозы. Я удивился: неужели их оценили? Через год я узнаю правду: на платные курсы берут всех. Есть деньги — учись.

Наконец я на первом занятии. Здесь я увидел мастера — им оказался Андрей В. Он произвел на меня прекрасное впечатление. Благообразностью, вежливостью, сдержанностью. Я узнал, что в свое время он окончил медицинское училище, а род его восходил к святому архиепископу Луке. Он был настоящий писатель: с биографией и библиографией. Мы заговорили о Кафке. Мастер обратил внимание, что сам Кафка, будучи автором «холодных» текстов, любил жизненную страсть. Однажды провел ночь за чтением по-

вести Александра Неверова «Ташкент — город хлебный». О чем это говорит? Даже внутри Кафки светил свет здоровья! Я понял, что мастер будет меня лечить. Я буду выздоровевшим Кафкой. Ура.

Итак, мы начали обучение. Тексты студентов разбирали в алфавитном порядке. Мы читали и обсуждали сочинения друг друга — бытовую прозу, любовную, армейскую и даже религиозную. Так, однокурсница Дарья О., работавшая в фонде Андрея Первозванного, сочиняла «православные рассказы».

До буквы «П» шли почти год. И вот наконец — Печейкин. Я пришел на пару, сел за парту, открыл ноутбук, куда собирался записывать советы, комментарии, крики. Но вдруг вместе с мастером в аудиторию вошел какой-то человек. Он оказался писателем. Писатель сел и стал рассказывать о своем творчестве. Наверное, что-то глубокое и важное, но я просто не мог этого расслышать. Он говорил о себе, а не обо мне! Когда же будут обсуждать мои тексты? Те, ради которых я пришел в этот мир! Приехал в этот город, на этот семинар! И год сижу среди портретов Платонова… Прошел час, полтора… Затем семинар закончился.

Мы поблагодарили писателя, он поблагодарил

нас, а затем исчез, как земная слава. Я набрался сил и задал мастеру вопрос: «Простите, а что же с моими текстами?» Мастер спокойно и просто сказал, что роман мой прочел… но обсуждать в нем нечего. Это не литература, это за гранью литературной этики. И вообще: «Нельзя писать простатой». Про-ста-той. Поэтому в следующий раз мы вновь обсудим православную прозу моей однокурсницы. Лучше дважды обсудить добрые рассказы, чем один раз — злобные. «А теперь запишите домашнее задание…» Задание было такое: написать современную сцену искушения Фауста. Что такое продать душу сегодня? Каков сегодняшний Мефистофель? Расскажите об этом.

Я был в гневе. Мастер отказался обсуждать мои тексты! Тогда верните мои деньги! Верните год жизни! Выньте из моих ушей идиотские рассказы о юности, службе на флоте, юродивых — обо всей этой чепухе. Зачем я все это слушал? Черт. Я был в дьявольском гневе.

Ну, хорошо, я сочиню вам заново «Фауста» Гете… Я открыл ноутбук и начал писать. Сидит Фауст, входит Мефистофель. Продавай, говорит, душу. Дам что попросишь. Только хочу убедиться, что у тебя есть душа. Есть один способ проверить… Какой? Ха-ха. Сними штаны и открой

рот. Если ты внутренне пуст, то я увижу тебя насквозь. Так Мефистофель делает из Фауста подзорную трубу. И смотрит на небо и престол Божий — место, откуда был низвергнут Сатана. В тексте рассказа обыгрывались слова, созвучные «простате» — «простота», «просто», «прости». Название «A (g) nus Dei».

Рассказ я отправил, но на следующее занятие не пошел. Заболел. На занятии обсуждали чужие домашние задания. В них современные мефистофели искушали фаустов деньгами, наркотиками и проституцией. Фаусты вяло отбивались. Мастер вновь отказался обсуждать мой текст, сказал коротко: «Печейкин такой молодой, а уже исписался». Ну, бывает. Осталось доучиться и разойтись.

Катастрофа случилась внезапно. В мой день рождения. Именно в этот день мы разбирали православную прозу Дарьи О. Там был рассказ, который я запомнил на всю жизнь. Про девочку Машу. Сюжет такой: однажды зимой Маша пропала. Всю зиму друзья молились Богу о спасении Маши. Но она не вернулась. А весной в лесу нашли Машин труп. Друзья стали молиться Богу о спасении Машиной души. Конец.

Все были в ужасе от рассказа. В финале, когда

находили Машин труп, автор называла его «подснежником». И недоумевала: в чем дело? Ведь подснежник — прекрасный цветок. Прекрасный, как и душа невинной героини! Автору советовали добавить в финал проблеск надежды. Дарья предложила вставить какую-нибудь молитву. Этого будет достаточно? Аудитория загудела, что молитвой дело не спасешь и вообще в тексте много православия. Мастер спросил, есть ли кто-нибудь, кто хочет защитить православный рассказ? Кому он понравился?

«Мне!» — я поднял руку. Я стал защищать христианскую литературу. И говорил так: вы хотите переделать не рассказ, а автора. Да, текст корявый, но графомания работает в нем лучше литературных штампов. Если его переписать — уйдет весь ужас. Но вера должна смотреть в глаза этому ужасу. А не туда, где литературность, ложная гармония и просто скука. Великий постмодернизм учит нас: мы все разные и равные. Вот православный автор, вот я, вот вы… «Замолчи! И выйди!» — крикнул мастер.

Я замолчал. В аудитории тоже молчали. Все смотрели на мастера. Он был красный. Писатель, фельдшер, родственник святого. Мне было стыдно, что я вывел из себя такого человека. Всегда

сдержанного и вежливого.

— Я, конечно, выйду. Но почему на «ты»?

— Уходите с моего семинара.

Я встал, собрал вещи. Обидно слышать такое в день рождения. Дарья протянула подарок — «Закон Божий». Толстая книга в зелено-золотой обложке. Я взял «Закон» и пошел к выходу. Остановился на пороге, оглядел аудиторию. Все-таки я ждал, что кто-нибудь меня защитит. Но защитников не нашлось: мастер был красный и страшный. В этот момент я понял, что никогда больше сюда не вернусь. Не подойду к портрету Платонова на стене, не прочту внимательно цитату. О том, что следующей книги у писателя не будет, нужно говорить здесь и сейчас. А если не сказал, то прощай. Я прощался. Все, что от меня останется, — это графоманский роман и рассказ о заднице Фауста.

На следующий день я пришел в учебную часть: «Здравствуйте. Меня выгнали. Что делать?» Посоветовали извиниться перед мастером. «За что?» — недоумевал я. — «Ну как за что?» Мне напомнили про Кафку. Вина притягивает суд. Если выгнали — значит, было за что. Сначала извинись, а за что — поймешь потом. Ну?

Я не извинился. Через две недели я перешел

на семинар драматургии. Но оттуда меня тоже выгонят. Впрочем, это уже другая история…

С тех пор прошло много лет. Я забыл, что когда-то хотел стать писателем. Диплом мне не дали. Единственное, что до сих пор беспокоит, — это рассказ про Машу. Сама ли она умерла? Что видела перед смертью? Кто отнял ее жизнь?.. Маша уже не поцелует красивого мальчика… А может быть, за этим она и пошла в лес? Я не знаю. Бог знает.

«Судя по всему, ты атеист...»: рассказ о том, как меня отлучили от церкви

В Ташкенте я жил рядом с церковью. Она называлась «Вифания» — в честь города, где пребывал Христос перед въездом в Иерусалим. Баптистская церковь в частном доме, куда ходили русские, корейцы и даже несколько узбеков. Но какая разница, ибо нет во Христе ни иудея, ни эллина.

Я пришел в церковь летом. Как только вошел, мне сразу уступили место на скамье. Молодой пастор читал проповедь о ранних годах христианской церкви. Работал вентилятор. Было приятно.

Пастор рассказывал о трудностях, которые переживали первые христиане. Из его слов становилось ясно, что все наши трудности — это полная ерунда. Нас, например, не разрывают львы в Колизее. Вдруг пастор заговорил о деньгах. Сказал, что ранняя церковь не выстояла бы без десятины. Сразу после его слов в зале появился мальчик — худой и смуглый, он держал перед собой бейсболку. Я увидел, как рука с первого ряда положила купюру. Вторая рука, третья. Мальчик пошел по рядам. С каждым шагом — все ближе

ко мне. Деньги у меня были, но на лимонад… Я смотрел в угол, где работал вентилятор. Его голова металась как моя совесть. Лимонад или Христос? Лимонад или… Мальчик подошел ко мне, протянул темно-красную бейсболку. На дне лежали мятые купюры. Пауза. Я пожал плечами: я выбрал лимонад. Мальчик ушел. Вентилятор гудел. На душе у меня было гадко. Захотелось уйти и никогда больше не возвращаться. Но тут я увидел его.

Это был херувим. Вы, наверное, представили существо с золотистыми локонами, розовыми щеками, сахарными зубами? Он таким и был. Молочная кожа, синие глаза. Невысокого роста, довольно широкий. Он стоял рядом с какими-то старухами. И мне показалось, что это неправильно: стоять им рядом. Как сеять молодое зерно в соленую землю. Он сам «соль земли». Я прошел мимо: один раз, второй. Наконец одна старуха спросила, впервые ли я здесь. Я сказал, что впервые. И тогда Херувим обернулся и протянул мне руку.

— Меня зовут Сергей.

Он сказал, что будет рад рассказать мне о Библии. А я сказал, что буду рад о ней услышать. Сергей сказал, что это здорово.

— Здесь тебя любят, — добавил он и обнял меня.

Спросил, хочу ли я заниматься Библией индивидуально. Я быстро ответил: «Да, хочу». Когда? Сегодня. Ладно, завтра. Куда приходить?

Он позвал меня к себе домой. Завтра он подарит мне Библию и расскажет, что такое индуктивный метод. Ах, он так рад быть моим наставником. «До завтра». — «До завтра».

Ночь я, кажется, не спал. А на следующий день выяснил, что Сережа живет в пяти минутах ходьбы от моего дома. На первом этаже в панельной девятиэтажке. Все эти годы мы жили рядом, но я не видел его никогда. Ни разу.

Я пришел минута в минуту. Меня встретила мать. Я вспомнил ее: она играла в церкви на баяне. Подыгрывала баптистским песням, вроде «В дизайне Божьем нету одиночества…» Мать предложила мне чай с медом.

Наконец я в комнате Херувима. Здесь на стенах, как в храме, не было обоев. Сережа сказал, что не видит в них смысла. Он и младший брат иногда записывают на стенах свои мысли, желания, откровения. Сережа дал мне стул, а сам сел на кровать и раскрыл Библию. Она была в кожаной обложке, с золотым обрезом. Я удивился, увидев,

что страницы Библии были покрыты разноцветными символами.

— Это называется индуктивный метод, — начал Херувим. — У нас есть специальные тетрадки. Мы туда записываем ссылки. Интертекстуальные. Я все объясню. Смотри, — он опустил палец в книгу и стал объяснять пометки. — На «Сыне» — крест, «хлеб» — черный треугольник, «верующий» — голубой овал, «Отец» — красный треугольник, «жизнь вечная» — коричневый овал, «свидетельствующий» — зеленый ромб, «Иоанн», который Креститель — волнистое подчеркивание.

Все эти слова и знаки были в пятой главе Евангелия от Иоанна. А в четвертой главе плясали красные флажки на слове «поклоняться», синие стрелки — на «уверовали», зеленый вертикальный овал — на «женщине»…

— У тебя есть девушка? — спросил я.

Я узнал, что Сережа влюблен в девочку Женю, а в него самого — девушка Мария. Даже, скорее, Мария Петровна. Но она очень хорошая, тоже прихожанка. Вдруг Сережа сказал, что благодарен мне. Правда? За что? За то, что я согласился быть его учеником. Ему было бы трудно учить девушку… Оставаться наедине… Поэтому он попросил Бога дать ему ученика из мужчин. И вот

Бог послал ему меня. Вместе мы можем изучать священные тексты и «не распаляться плотью». Когда ему хочется отвлечься, он читает Библию или слушает Linkin Park. Но как только останется без музыки и Библии, так слышит голос плоти.

— Ты занимался когда-нибудь… этим? — спросил я Херувима.

— Нет. Моей первой женщиной будет моя жена.

Сережа пожаловался, что идти к этой цели трудно. Но Бог ему помогает. Перед сном он молится о том, чтобы «не проснуться в палатке». Я переспросил: где? Херувим сложил ладони над своим пахом. Бог помогает победить утреннюю эрекцию.

Я взял из его рук методичку, по которой он учил меня. На последних страницах были «советы руководителям». Среди них были такие слова: «Ваши студенты должны знать, что, если кто-то совершит по отношению к ним сексуальный грех, Бог накажет обидчика». Сережа сказал, что очень редко, но бывают случаи, когда наставник совращает ученика. Впрочем, это бывает у католиков, а не у баптистов. «А бывали случаи, когда ученик совращал наставника?» Сережа задумался. Не смог вспомнить.

В конце встречи он, как и обещал, подарил мне Библию. Правда, только Новый Завет. Я пообещал, что теперь сам буду раскрашивать священные тексты крестами, треугольниками и овалами. И еще пообещал купить для Сережи «Реквием» Моцарта. Пусть послушает, что было до Linkin Park.

После нашей первой встречи я стал ходить в церковь. На все собрания, где был Херувим. Как правило, он сидел в окружении разноцветных старух — кореянок, узбечек и русских. Среди них была, как помню, Алина Егоровна. Она писала стихи, которые читала в конце всех собраний. Старуха она была яркая, завитая под купидона, и очень впечатлительная. Одна из тех натур, у кого после чтения святых текстов появляются стигматы, а после детективов — пулевые ранения.

Из-за этой старухи я впервые крупно согрешил. И приблизил себя к катастрофе… В тот вечер Алина Егоровна снова вышла перед собранием. Херувим встал с ней рядом, чтобы держать микрофон. Старуха развернула тетрадь в глянцевой обложке, разломила ее посредине так, что хрустнула пружина. «Третьего дня, вдохновленная небом, я написала это стихотворенье». И началось:

…«расплата»

…«солдаты Пилата»
…«Сыну»
…«ветви маслины»
…«грех»
…«сатанинский смех»

Я хихикал. Мой смех передавался остальным. Возникло веселое настроение. Именно в таком настроении мы принялись смотреть фильм об устройстве Вселенной. На сцену выкатили плазменный телевизор, включили. На экране возникли картинки с Землей в космосе, она была безвидна и пуста. Потом появились динозавры, потом — пещерные люди. Вскоре мы узнали: общий возраст Земли насчитывает шесть тысяч лет. Конец фильма.

Я смеялся, как динозавр. Молодой пастор, который вел собрание, несколько раз сделал мне замечание. Это не помогло. Я предлагал принести из дома энциклопедию «Вселенная и Земля», чтобы еще раз обсудить доводы фильма. Земле шесть тысяч лет — они это серьезно? А как же окаменелые останки, которым миллионы и миллиарды лет? Динозавры жили в Эдемском саду вместе с Адамом и Евой?

Молодой пастор отвечал так. В Эдемском саду — до грехопадения Адама и Евы — животные

не ели друг друга, поэтому Адаму с Евой бояться было нечего. Что касается останков возрастом в миллионы лет, то Господь также мог сотворить их шесть тысяч лет назад. Ведь для него нет ничего невозможного! Таким образом, Господь предлагает выбор: ты веришь ученым или Библии. Камням под музейными стеклами или вечной книге, которая спасет тебя и даст вечную жизнь.

Я хотел спорить дальше, но молодой пастор предложил обсудить мои идеи завтра. С ним лично, без публики. Самого настоятеля обычно привлекали для работы с хулиганами. Если кто-то напился или подрался. Настоятель, сам из бывших бандитов, разговаривал с хулиганами просто. «Понимаешь, брат, — говорил он. — Нельзя Богу задвигать такие костыли…» И его сразу понимали. Но я был другим случаем. Идеологическим. Такими прихожанами занимался молодой пастор.

Его звали Руслан. В юности он прочел «Заратустру» Ницше и почувствовал себя белокурой бестией. Но потом Господь открыл ему глаза. Из сверхчеловека он стал христианином. Руслан чем-то напоминал борзую собаку. Худой, жилистый и лоснящийся. Его жена Юлия работала на ташкентском рынке продавщицей. Руслан

считал своей заслугой воспитание жены. Обратившись в веру, Юлия перестала обвешивать клиентов. «Да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого». Так ее килограмм стал килограммом.

Молодой пастор назначил мне встречу у ворот церкви. Вскоре я узнал почему. Руслан, пряча улыбку, сказал:

— Валерий, мы рады, что ты стал нашим прихожанином. Но есть одно обстоятельство… Мы просим тебя больше не посещать наши собрания.

— Как — не посещать?

— Судя по всему, ты… атеист. Тебе лучше к нам не ходить.

— Я что — Лев Толстой? Вы меня отлучаете?

И тогда Руслан напомнил мне все. О да! Мои насмешки над пожилой поэтессой, придирки к сотворению мира. И в целом дурное влияние на молодежь.

— Какое еще влияние?

— Ты однажды сказал, что не веришь, что Господь, сотворивший мужчин… Как там дальше?

— Я сказал, что не верю, что Господь сотворил мужчину, но обижается, когда тот мастурбирует. Возможно, это грех. Но последствия такого воз-

держания гораздо хуже. Вот и вся мысль.

— Вот и вся мысль, вот и вся мысль… — Руслан щурился от солнца. — Но она распаляет молодых людей. Сын пастора признался в онановом грехе. А до этого он только матерился…

— Конечно, он вырос и стал дрочить!

— Валерий!.. Можешь считать себя хоть Львом Толстым, хоть Фридрихом Ницше. Но мы просим тебя нас не посещать. И общение с нашими братьями мы тоже ограничим.

Молодой пастор исчез за железными воротами. Я услышал, как он закрыл их изнутри. Будто ждал, что я могу ворваться внутрь, как татарское полчище. Я сразу пошел к Сереже. Но в квартире никто не открывал. Позвонил по телефону: не берут трубку. Вечером наконец я дозвонился до своего Херувима. Да, он слышал о том, что случилось. Ему очень жаль. Очень. Ведь мы не сможем пока общаться. Ему очень жаль…

И тогда я понял, что никакой я не Лев Толстой. Как повел себя Толстой, когда получил известие об отлучении? И как веду себя я?

Я рыдал. Я умолял. Я прижимался к трубке: нет, Сережа, брат мой, только не это, не бросай меня. Разве это поможет мне исправиться? Как раз наоборот! Сережа спросил, помню ли я, что

написано у Матфея о тех, кто сеет неверие в юных сердцах? «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею…» Я продолжил: «…и потопили его во глубине морской». Конечно, я это помню, но как же слова евангелиста Луки? «…на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках»?

— Мы будем рады видеть тебя… покаявшимся, — сказал Херувим и повесил трубку.

Ночью я не спал. Моим первым планом было убить себя. Но самоубийство оказалось слишком сложной задачей. Жил я на третьем этаже и, выпав из окна, вряд ли бы умер. Можно, конечно, было попробовать найти дом с открытой крышей. Я знал рядом одну многоэтажку, под крышей которой было написано: «КТО-ТО ТЕБЯ ЛЮБИТ». Да, огромными буквами! Однажды Сережа остановился, чтобы указать на эту надпись. Обнял меня и сказал на ухо: «Знаешь, кто любит тебя?..» Мое сердце стучало. Кто же? «Это Христос», — прошептал Сережа. Теперь я думал, а что, если спрыгнуть с этого дома? Согласитесь, эффектно. Есть в этом что-то от падения Люцифера. Но, увы, падать придется на продуктовый магазин. Нет,

такого позволить себе нельзя. Я представлял, как мое тело смешивается с подгнившими абрикосами. Нет.

Что же делать? Вдруг среди ночи внутренний голос сказал мне: «Помнишь, как ты обещал подарить Херувиму «Реквием»?» Помню. «Вот и подари! Это будет твой ответ!» И утром, после бессонной ночи, я отправился за обещанным подарком.

Я поехал в музыкальный магазин, чтобы купить диск Моцарта. И — о, чудо! — на выходе из музыкального магазина увидел молодого пастора. Он только что вышел с рынка, где торговала его жена. Я действовал быстро и решительно. Подошел, взял за руку и начал говорить:

— Руслан! Дорогой брат. Я много думал. И пришел к выводу, что ты… вы все… были правы. Надеюсь, вы меня простите. — Молодой пастор захотел что-то сказать, но я крепко взял его за плечо. — Я понял, в чем проблема. Я смеялся над чужими стихами, я сподвигал юношей к онанизму… А все почему? Потому что церкви нужно творчество. Занимаясь творчеством, мы уподобляемся Творцу. Кроме того, творческий акт отвлекает от дурных мыслей. Сублимирует. Мальчики будут учить роли, репетировать, а не

онанировать… Еще минутку внимания! Я знаю, что вскоре ты сочетаешься церковным браком с сестрой Юлией. Так вот, я бы хотел сочинить и поставить для вас свадебную пьесу. В ней будет и вертеп, и комедия, и драма, и стихи. Все это посвящено двум любящим сердцам — вам. И, конечно, Господу!

Я был как змий, протянувший яблочко. Я попал в него. В тайную суть — в тщеславие молодого пастора. Конечно, он хотел, чтобы я сочинил ему оду.

На следующий день меня снова приняли в церковь. А еще через день я начал репетиции. Несколько подростков, одна странная девочка и херувим Сережа. Нам выделили зал и время. Я написал пьесу за ночь и сразу раздал роли. Актерам я объяснил концепцию так: мы творим этот спектакль из хаоса, как Господь — этот мир.

Сережа играл херувима. Из одежды на нем была простынка, сандалии и веточка. Слов у Сережи не было. Иногда он появлялся на сцене, поднимал веточку. И взглядом все решал, как настоящий Deus ex machina. Самой сложной задачей Херувима было поправлять спадающую тогу и прятать сосок. Заканчивалась пьеса композицией, пародирующей «Рабочего и Колхозницу». Херувим и

странная девочка стояли рядом, скрестив скалку и лепешку. Это было очень смешно. Начиналось же все с «Реквиема». Requiem aeternam dona eis, Domine, Et lux perpetua luceat eis. Церковное начальство совещалось: может ли такое звучать в их церкви? Моцарт же был католик? О чем там поется? В конце концов разрешили.

Наступил день свадьбы молодого пастора и продавщицы. Мужа и жены во Христе. Наш спектакль начался. Зазвучал «Реквием». Полутьма. На сцене появился Сережа в образе херувима. Голые ноги, голое плечо, золотистые волосы, веточка живой изгороди, означающая ветвь оливы. Потом несколько сцен, осуждающих грех. Шутка про динозавров. Сцена, осуждающая атеизм. Вновь мой Херувим. И так почти сорок минут. Перед финалом на сцене появился сын пастора — худенький, в белой рубашке и черных брюках. Мальчик, признавшийся в онанизме. Он забыл свою реплику и растерялся. Заминка… Он пытается вспомнить, но не может. Хочет заплакать. Еще пауза… Но вдруг зал начинает аплодировать. Сын пастора всхлипывает, снова хочет плакать, а потом — смеется. Все громче и громче. До слез. Все кончилось хорошо. Овациями.

Здесь можно было бы поставить точку в моем

рассказе. Но осталось досказать несколько важных слов.

Через несколько лет Херувим женился. Но не на девочке Жене, в которую был влюблен, а на женщине, которая была влюблена в него. Марии Петровне. В очках, с толстыми ногами, в одном платье на сезон. Она играла на гитаре и пела чистым голосом. Херувим и Мария Петровна. Смешно.

Через год я узнал еще одну новость. От прихожанина, который уехал в Америку, откуда писал мне раз в месяц письмо. Проверял, не отпал ли я от веры. Жаловался, что в Америке практически нет девственниц. Однажды он спросил, помню ли я сына настоятеля. Ну, того мальчика, который забыл реплику на спектакле. Честно говоря, я едва его вспомнил. А в чем дело?

В ответ я получил фотографию. На ней знакомый двор церкви. Надпись «Вифания» над воротами. Посреди двора толпа прихожан. Все смотрят в одну сторону. Там гроб. В нем лежит тот мальчик. Чуть повзрослевший и мертвый. Оказалось, он повесился. Отец-пастор нашел его утром висящим на винограднике. Я узнал, что этот мальчик был приемным сыном. Его мать студенткой отправили собирать хлопок, где ее

изнасиловали. Красивую молодую узбечку. Родив ребенка, она отказалась от него. Но его усыновил сам пастор. И долгие годы все было хорошо. Мальчик рос, участвовал в жизни церкви, изучал Библию. Почему же он решил повеситься? Никто не знал. Меня удивила простота и внезапность его поступка: утром, на винограднике, без предсмертной записки.

Я не знаю, что его мучило. Но узнаю. В аду, где я окажусь, он подойдет ко мне. Глаза на выкате, борозда на шее, бледный. Протянет бейсболку — темно-красную и пустую. Свое вывернутое сердце. И мне нечего будет в него положить. Он постоит и уйдет. Мальчик, забывший реплику.

Россия, вперед!

Комедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
Воронцова Марина Валентиновна, мать
Воронцов Терентий Борисович, отец
Воронцова Любовь Терентьевна, их дочь
Цурюк Максим Леонидович, муж Любови
Цурюк Дина Альбертовна, его мать
Боря, сын Максима и Любови
Сергей, друг Максима
Вова, Коля, Мелкий, двое Первоклашек, одноклассники Бори
Смысловики, священники, солдаты.

Квартира Воронцовых. Гостиная

Возле окна стоит Марина Витальевна Воронцова. На диване сидит ее дочь Любовь, листает журнал.

Любовь. Ну что, едут?
Воронцова. Да погоди ты…
Любовь. Чего годить? Едут или нет?
Воронцова. Чего-то не едут. Может, в пробке стоят.
Любовь. Ты что, забыла, у них, прямо когда

отъехали, шину прокололо.

Воронцова (высовывается в окно). Вижу…

Любовь. Едут? (Встает.) Едут, что ли?

Бросает журнал, идет к окну.

Воронцова. Вон, видишь, «газелька»…

Любовь. Мам, ну какая «газелька»? Это «скорая» должна быть. Ты чего? Совсем не помнишь, а?

Воронцова (рассерженно). Ну, не помню! Не помню ничего!

Любовь. Витамины пей.

Воронцова. Так пила бы, если б были. Пила бы. Вот только никто мне их не покупает. Из деток. Наверное, хотите, чтобы меня раньше времени манда всосала.

Любовь (обнимает). Мама, ну что ты такое…

Воронцова. Всосет вашу мамочку, а вы ее подталкивать будете…

Любовь. Что ты говоришь: ты сама ведь недавно восстала. Помнишь, как мы тебя с Максимом выкапывали?

Воронцова. Не смогла я без папочки, вот и умерла… А теперь, чувствую, зовет меня мать из-под земли, зовет…

Любовь. Рано еще: бабулю нескоро откапывать.

Воронцова. Я в журнале читала, что бывает, когда и мертвые всасывают… прямо живых. Один алкоголик танцевал на могиле своей матери, так она его всосала из гроба за такое богохульство!

Любовь. Что за гадости! Где ты такое читала?

Воронцова. В журнале.

Любовь. В каком?

Звонок в дверь.

Воронцова. Я открою.

Выходит в коридор, открывает дверь.

Воронцова (голос). А, Диночка, здравствуйте. Проходите к нам.

Возвращается в комнату с Диной Альбертовной Цурюк.

Цурюк. Дела ваши как, Люба? (Воронцовой.) Я правильно выражаюсь? Или буквы тоже переставлять? Это просто очень трудно.

Любовь. Все хорошо, Дина Альбертовна.

Цурюк. Ой, прости, Любочка, я просто… из-за всех этих пертурбаций. (Воронцовой.) Я зашла вернуть «Потухший огонь». То есть, получается, взять. Только почему он у меня?

Пауза.

Цурюк. Любочка, как это объяснить? Я вчера брала журнал, по идее, должна его сегодня взять, а получается, что… (Воронцовой.) Вы понимаете?

Воронцова (вертит рукой). Че-то так.

Любовь. Дина Альбертовна, сейчас неподходящее время.

Воронцова. У нас батя восстает.

Цурюк. Да вы что! Если б я только знала! Просто хотела понять, что мне делать с этим журналом.

Воронцова (Любови). Я в нем как раз читала про того алкоголика, который на могиле матери…

Любовь. Уничтожить.

Цурюк. Что?

Любовь. Этот журнал нужно уничтожить.

Цурюк. Погодите, но как? Вы хотите сказать, что он уже должен быть уничтожен? А потом восстанет, как ваш папочка?

Любовь. Есть правило: спорные ситуации и предметы должны уничтожаться без осмысления.

Цурюк. Да, но ведь мы также участники этой ситуации. Что, и нас уничтожать? Давайте подумаем. Если эта газета…

Любовь. Стоп!

Цурюк. Что?

Любовь. Стоп!!!

Цурюк. Но…

Любовь (подбегает к ней, хватает сзади и зажимает рот). Мама, вызывай!

Воронцова (растерянно). Чего, Люба?

Любовь. Вызывай, я сказала!

Воронцова. Кого?

Любовь. Смысловика!

Цурюк. Ммм…

Воронцова бросается к телефону.

Воронцова. Алло! Алло! Здесь на Беляево, на Миклухо-Маклая… дочка говорит, что…

Любовь. Смысловое завихрение!

Цурюк (вырывается). Дайте же мне сказать! (Дерется.) Дайте сказать! Дайте! Дайте!

Любовь (бьет ее по лицу). Говори, говори!

Дина Альбертовна падает.

Любовь (пинает ее по голове). Говори, шмара жидовская!

У Дины Альбертовны вылетает несколько зубов, течет кровь.

Воронцова (опускает трубку). Сказали, что приедут.

Затемнение.

В глубине сцены появляется Смысловик. Он в коротких шортах и с диадемой на голове.

Смысловик. Етйувтсвардз!

Воронцова. Етйувтсвардз, молодой человек.

Любовь. Етйувтсвардз…

Смысловик (проходит). В чем дело? Где источник?

Любовь (указывает на лежащую Дину Альбертовну). Она пришла с каким-то журналом и завела жидовский разговор.

Смысловик. Она ваша соседка?

Любовь. Соседка.

Воронцова. И Любочкина свекровь.

Смысловик (подняв бровь). Ситуация ясна.

Из диадемы в Дину Альбертовну бьет луч, и она исчезает.

Смысловик (садится, достает блокнот и ручку). Спор возник из-за журнала?

Любовь. Да.

Смысловик (убирает блокнот и ручку). Его надо сжечь.

Любовь. Я так и сказала.

Смысловик. Почему не сожгли сразу? На каком предложении уловили, что перед вами потенциальное смысловое завихрение?

Любовь. На пятом… шестом… Нет, раньше.

Смысловик. Проходили спецкурсы?

Любовь. Да, несколько раз.

Смысловик. Вас не учили, как распознавать манипуляторов?

Любовь. Учили…

Смысловик. Вот и отлично (встает). Ну… нужна моя помощь?

Любовь (смотрит на Дину Альбертовну). Нет, теперь все в порядке.

Воронцова. У нас все хорошо.

Смысловик (садится). Я вижу, что-то беспокоит.

Любовь. Все в порядке.

Смысловик. Может быть, хотите что-то спросить?

Любовь. Просто… Как это все возможно?.. Со временем.

Смысловик (довольно). Я так и знал. Я знал, что вы сомневаетесь.

Любовь. Я не сомневаюсь.

Воронцова. Что вы, Люба никогда не сомневается!

Смысловик. Разве я сказал, что это плохо? Если о сомнении говорится вовремя…

Любовь. Просто не всегда все происходит в об-

ратную сторону.

Смысловик (строго). Никакой «обратной стороны» нет. Перед — это зад. Зад — это перед.

Любовь. Я это помню.

Смысловик. Вас, возможно, смущает, что пока не все процессы происходят в нужном временном направлении. Это легко объяснить. Представьте, на высокой скорости по дороге едет машина. Перед ней вырастает огромная непреодолимая стена. Что делать в таком случае водителю? Он на полном ходу разворачивает автомобиль.

Воронцова. У меня муж так и водит.

Смысловик. Значит, вы представляете, как чувствуют себя пассажиры в этот момент. Эта ситуация очень похожа на ту, в которой находимся мы. Еще не все успели развернуться. Это так. Пока мы прижаты инерцией. Это так. Но неотвратимо новое движение. Новое направление, новая скорость делают свое дело.

Воронцова. Поскорее бы.

Смысловик (Любови). Я вижу, вы смотрите на мать с каким-то испугом. Вы видите в ней свою смерть. Действительно, вы, молодые, уникальное поколение. Вы не восстаете. Вы вышли из матери, пожили и вернулись в мать. Завидная судьба. Да, вы не из восставших!

Воронцова. Папа! Про папу забыли — его привезти должны с минуты на минуту.

Смысловик. Никто ни о чем не забыл. Забвения больше нет. Есть только движение вперед.

Затемнение.

Медленный выход из затемнения.

Та же комната. Возле окна лежит Воронцов.

Воронцова и Любовь сидят в креслах, Максим застыл на пороге.

Воронцов лежит неподвижно.

Воронцова (тревожно). Не встает чего-то…

Максим. Встанет.

Воронцова. Может, ему помочь?

Любовь. Нельзя. На месте сиди.

Пауза.

Воронцова (привстает). Да что ж такое?

Максим. Сиди!

Воронцов (ворочается). Гребаная мать…

Воронцова (истерически радостно). Ожил!

Воронцов. Любитесь в рот…

Любовь. Батя ожил!

Радостные голоса: «Ожил! Ожил!»

Воронцов, матерясь, встает и подходит к окну. Смотрит на родственников, держась за подокон-

ник. Они окружают его.

Любовь. Папочка, расскажи, где ты был.

Воронцов. В аду.

Воронцова. В аду?

Пауза.

Воронцов. Там повсюду серо-желтые пятна, как от детского говна.

Воронцова. Что же это было?

Воронцов. А хер его знает. Они гудели, бродили вокруг, бродили. Потом пришел какой-то мужик с чашкой, который пил кровь. Тьфу, вспоминать не хочу. Двести лет паранойи. Двести лет! Двести лет она меня драла. Все время в бреду. Потом, наконец, почувствовал, как сползаюсь к могиле. Черви меня понемногу отрыгивали, мясо на кости накручивали. Жидкость в меня полилась из земли…

Воронцов. А что перед самой смертью было?

Воронцов. Бога видел.

Любовь. Ну и как он?

Воронцов. Мудак. Как пидор докопался: почему так, почему эдак. Кино какое-то показывал. Ну, я его на хрен послал и как по желобу себе в мозги скатился.

Воронцова (обнимает его). Вот и правильно,

папа.

Воронцов. Два часа брехал: не бухай, не трахайся. А когда время подошло, я встал и говорю: «Иди-ка ты в Пизу». И ожил. Подумаю только, сколько ждет меня по всей России говна и блевоты, сколько я в командировках баб перетрахаю, сколько они у меня мозгов через член высосут… А денег сколько, а жидкостей всяких вытечет и втечет, сколько раз моргну, сколько — пердну. Все это встает передо мной, как будто откопанное.

Любовь (отряхивает). У тебя опарыш из уха выпал.

Воронцова. Они еще около месяца выходят, пока тело не окрепнет. И земля в волосах… (целует мужа). Ты мой любимый зомби.

Любовь (целует отца). Могилой пахнешь…

Обнимают и целуют Воронцова.

Любовь. А ты папу приласкать не хочешь?

Максим. Хочу. Но по расписанию я должен срочно сходить в туалет. Прошу прощения.

Уходит.

Воронцов (дочери). И как тебя угораздило выйти замуж за жида?

Воронцова. Одно радует: разведутся.

Воронцов (целует Любовь в лоб). Зарастет плевочка у моей девочки. Уменьшится, съежится и в маму топ-топ-топ…

Смеются.

Туалетная комната.

Максим входит в туалет и закрывает за собой дверь. Минуту стоит молча, прислонившись спиной к двери. Спускает воду.

Дверь открывается, в туалет входит Смысловик.

Максим. В чем дело?

Смысловик закрывает дверь.

Смысловик. Это мой вопрос. В чем дело, Максим?

Максим. Я не понимаю…

Смысловик. Что вы сейчас делали?

Максим молчит.

Смысловик. Что вы сейчас здесь делали? В этом месте. Чем вы занимались?

Максим. Разве вы не понимаете…

Смысловик. Догадываюсь.

Максим. Хотите, чтобы я произнес это вслух?

Смысловик. Да.

Пауза.

Максим. Я испражнялся.

Смысловик. Вы можете это доказать?

Максим. Я должен это доказывать?

Пауза.

Смысловик. Мы отключили канализацию.

Максим бледнеет.

Смысловик. Чтобы ответить на ваш вопрос о доказательствах. Чтобы на судебном заседании мы могли сказать: в трубах было пусто, и мы можем это доказать.

Максим. Хотите меня запугать?

Смысловик. Хочу вам помочь. Тот, кто не отсасывает вовремя кал из канализации, кто не отрыгивает пищу, тот ставит под угрозу естественное течение времени.

Максим. Мне горько сознавать, что мой метаболизм угрожает жизни целой страны (отстраняет его). Мне нужно идти.

Смысловик. Я могу сделать так, что вам некуда будет идти.

Максим (останавливается). Чего вы хотите?

Смысловик. Поговорите с Сергеем. Он ваш друг.

Пауза.

Максим. Нет.

Смысловик. Не можете простить его? О, какой вы гордый!

Максим. У вас волосы отслаиваются. И кожа.

Смысловик (проводит рукой по голове). Есть немного.

Бросает волосы в унитаз.

Максим. Вы недавно восстали?

Смысловик. Да, относительно.

Максим. Но вы же молодой человек.

Смысловик. А молодые не умирают?

Максим. Почему вы умерли?

Пауза.

Максим. Если не скажете, я никуда не пойду.

Смысловик. Самоубийство.

Максим. Неужели? А причины?

Смысловик. Ну… все говорили про конец света. Было так страшно. Мой сосед… он убил собственного ребенка.

Максим. Такое было повсюду…

Смысловик. А потом я выглянул в окно и увидел, как это приближается. Огромная синяя гора на небе; все тоже стало синим, без ветра гнулись деревья, искры на металлических предметах.

Ужас, ужас…

Максим. Я помню.

Смысловик. Этого нельзя помнить.

Хватается за дверную ручку. Максим удерживает его.

Максим. Как ты умер? Как умер?

Смысловик. Я все забыл, клянусь!

Максим. Что ты сделал?

Смысловик. Я просто смотрел в окно.

Максим. И выпрыгнул, да?

Смысловик. Из-за притяжения: синяя гора.

Максим. Ты прыгнул, не смог вынести кошмара?

Смысловик. Меня просто вытянуло наружу.

Стук в дверь.

Воронцова. По расписанию я должна покакать.

Смысловик (отталкивает Максима). Расписание.

Открывает дверь, выходит.

Городской парк

Скамья, застеленная газетами. Рядом на коленях стоит Сергей. Он собирает с земли зерна, отгоняя налетающих голубей.

Сергей. Пошли вон!.. Кыш!.. Кыш!..

Подходит Максим.

Сергей (поднимается). Привет (машет руками). А ну пошли отсюда! (Максиму). Замучили они меня. Сядем?

Садятся.

Сергей. Я знал, что ты придешь.

Максим кивает.

Сергей (берет Максима за руку). Все в порядке.

Отпускает руку.

Сергей. Главное, не волноваться.

Максим. Меня попросили с тобой встретиться, хотя я считаю…

Сергей. Да, да. Я все понимаю. Я все понимаю. Только как друг, только по-дружески посоветовать.

Максим. В прошлый раз ты…

Сергей. Прошлого раза нет. Есть только раз будущий. Но ты в это не веришь. Не веришь?

Максим молчит.

Сергей. Ты боишься сказать правду. Боишься,

что тобой снова заинтересуются. Так?

Максим молчит.

Сергей. Ты боишься сказать: я не верю, что время идет в обратную сторону.

Пауза.

Максим. Дерьмо не залезает обратно в задницу.

Сергей. Что?

Максим. Я не могу ходить в туалет и делать вид, что дерьмо выпрыгивает и залезает мне в зад. Это мерзко.

Сергей. А дерьмо, которое вылезает из зада и уносится неизвестно куда — это не мерзко?

Максим. Все это мерзко. И обсуждать это мерзко. Страна, в которой человека заставляют засовывать дерьмо в задницу и отрыгивать еду — эта страна не имеет будущего.

Сергей (радостно). Конечно! Наконец-то ты понял, что у нас нет будущего! Молодец! Да, да! (Берет его за руку.) Почему ты не хочешь видеть очевидного? Время действительно обернулось. Каждую ночь я ложусь в кровать, беру со стола книгу и забываю ее. На прошлой неделе я окончательно забыл Кафку. Какое счастье!

Максим (сжимает его руку, смотрит в глаза). Но ведь это неправда, Сережа. Время нельзя развернуть. И дерьмо падает вниз, что бы с ним ни делали. А этот ужас с кладбищами: разрытые могилы, поднятые покойники…

Сергей. Они оживают!

Максим. Как перед концом света.

Сергей. Нет, перед началом жизни.

Максим. Но это не жизнь. Даже смерть не так страшна, как то, что маячит впереди.

Сергей. А что плохого в юности и детстве?

Максим. Я не об этом.

Сергей (смеется). Ты о женской пуське?

Максим молчит.

Сергей. А что плохого? Вместо смерти теперь мама.

Максим. И ее вагина-пылесос. Раньше человек мог надеяться на самоубийство. А как теперь? Что делать, если тебе очень нужно умереть? Разбежаться и влететь в маму на скорости гоночного автомобиля?

Сергей. Не надо умирать, надо жить. И любить… (Смотрит Максиму в глаза.) И доверять…

Максим (сглотнув). Спасибо.

Сергей. Втягивать кал — это просто. Это такая

небольшая плата за…

Максим (встает). Спасибо.

Сергей. Я научу тебя. Я должен научить тебя (встает). Стой. Если ты уйдешь, я должен буду им позвонить.

Максим стоит на месте.

Сергей (быстро говорит). Можно начать с любого предмета. Ну, который тебе приятен, которому ты доверяешь. Можно взять шариковую ручку и попробовать втянуть ее. Это просто. Проще, чем ты думаешь. Надо просто свыкнуться с мыслью, что какой-то предмет будет проникать в тебя. Или попроси кого-нибудь, чтобы он тебе помог (хрипло). У тебя есть, кого попросить? Друг, которому ты доверяешь? Человек, который бы мог сунуть тебе в зад? Тогда ты сразу поймешь, как это работает. А, Макс?.. У тебя есть такой друг, как ты думаешь?..

Пауза.

Максим. У меня нет такого друга.

Уходит.

Сергей бросает кулек с зерном на землю. Зерно рассыпается, слетаются голуби.

Ресторан

Ресторанный зал. За одним из столиков, заметно скучая, сидит Любовь.

Любовь (проходящему мимо официанту). Вы не могли бы принести новые огарки?

Официант. Конечно.

Исчезает.

Любовь смотрит на часы. Появляется официант с двумя свечными огарками.

Любовь (вертит в руках бокал). Подумать только, я одна умотала целую бутылку.

Сплевывает в бокал.

Официант (осторожно берет бокал из ее рук). Разрешите.

Сливает шампанское из бокала в бутылку.

Официант. Можно уносить?

Любовь. Да.

Официант уносит шампанское. Любовь сидит, закрыв лицо руками. Быстро входит Максим.

Максим (целует Любовь). Извини, я опоздал.

Любовь. Шампанское только что унесли…

Максим. Я встречался с Сергеем.

Любовь. И я целый час сидела одна…

Максим (накрывает колени салфеткой). Ты ведь знаешь, я не мог отказаться.

Любовь. До этого я ждала тебя дома. Думала, что ты наконец придешь и отсосешь из меня сперму…

Максим. Дорогая, потише…

Любовь. А теперь она преет во мне…

Максим. Я отсосу ее. Обязательно.

Любовь. Все должно происходить вовремя. Не будь подонком: если ты когда-то наполнил меня своей любовью, то, будь добр, забери ее. Кто снимет с моих щек поцелуи? Кто откачает семя?

Максим. Ну, если говорить честно, разве мало на свете мужчин?

Любовь. Ах, вот что ты мне предлагаешь?

Появляется официант, ставит на стол две вазочки для мороженого. Отходит в сторону.

Любовь. Но ты знаешь, что по закону никто, кроме тебя, не имеет на это право.

Максим (кивнув на официанта). Чего он ждет? (Официанту.) Чего вам?

Официант. Десерт.

Максим. О, боже, опять…

Официант. Но вы и так отклонились от графика

минимум на час.

Любовь (Максиму). Не спорь.

Официант. Разрешите проверить.

Максим. В конце концов…

Любовь. Проверяйте, пожалуйста.

Официант при помощи деревянной палочки и зеркальца проверяет полость рта Любови.

Максим. Я отказываюсь.

Любовь. Максим, это всего лишь небольшой тест на защеканство.

Официант. В последнее время посетители довольно часто вводят персонал в заблуждение, пряча в щеках еду.

Максим. Что мне прятать! У меня же не такие брыльца, как у вас.

Любовь (сквозь зубы). Дорогой, я прошу тебя…

Максим. Хорошо. Поменяйте палочку.

Официант. Она чистая.

Любовь. Мы должны беречь лес.

Официант проверяет ротовую полость Максима.

Официант. Спасибо.

Максим. Спасибо вам. (Отодвигает вазочку.) Я не буду мороженое.

Любовь. Несите, пожалуйста, сразу горячее.

Официант уходит.

Любовь. Дорогой, почему ты выкобениваешься?
Максим. Сергей меня уговаривал, теперь ты.
Любовь. Значит, мы верим, что тебя можно уговорить.
Максим. Зря.

Официант входит с подносом, накрытым баранчиком.

Максим. Как? Уже?
Официант. Уже.

Ставит поднос на стол. Снимает баранчик, прикрывает нос рукавом. На блюде лежат фекалии.

Официант. Прошу.
Максим (встает). Это же дерьмо.
Любовь. Максим, это наша утка.
Максим (отворачивается). Черт, черт, черт.

Любовь вставляет в рот два пальца и отрыгивает на тарелку перед собой утиную голову.

Любовь. Смотри. Я же говорила: утка.
Максим (официанту). Унесите это немедленно.

Официант. Приятного аппетита.

Уходит, оставляя блюдо на столе.

Максим. Идиот!

Хватает баранчик, накрывает блюдо.

Любовь. Прекрати, ты ведешь себя как ребенок.

Снимает баранчик, убирает его под стол.

Любовь. Я покажу тебе, как это просто.

Поворачивается к столику спиной, задирает юбку, спускает трусы.

Максим. Что ты делаешь?

Любовь. Это небольшое приготовление…

Повязывает вокруг бедер салфетку.

Любовь. Как будто вставляешь в попу гнилой банан.

Максим. Я никогда не вставлял себе гнилой банан.

Любовь. Тем более стоит посмотреть (подцепляет салфеткой фекалию). А теперь…

Максим (машет руками). Брось ее, пожалуйста! Пожалуйста!

Любовь. Представь, что в тебя входит лучик

света (засовывает фекалию себе в зад). Ап.

Максим (закрывает лицо). О нет…

Любовь. Почувствуй внутри столб энергии. Ммм… Ммм…

Стоит с закрытыми глазами.

Максим. Что с тобой?

Любовь. Она идет вверх, вверх…

Максим. Она не может идти вверх: перистальтика не позволит.

Любовь. А как Бетховен писал, будучи глухим?

Пауза.

Максим. Что?

Любовь. Как Бетховен писал, будучи глухим?

Максим. Задавать такой вопрос, стоя в такой позе…

Любовь. Я ужинаю — что такого?

Максим (бросает салфетку на стол). А я не буду здесь ужинать.

Любовь. Максим, постой.

Быстро подтирается салфеткой, натягивает трусы и юбку.

Любовь (подходит к мужу). Представь, что это веселый аттракцион. Представь, что это игра, что

на выходные мы поехали в Торжок.

Максим. Потому что… это не весело… Это как смеяться над инвалидами.

Любовь. А почему бы над ними не посмеяться? Очень забавно смотреть, как они корчатся, когда прохожие забирают у них монеты. Каждое утро, идя на работу, я набираю себе на ланч. И еще…

Любовь блюет на грудь Максима.

Любовь. Извини.

Максим. Что значит — извини? Сначала ты засовывала себе дерьмо в задницу, потом заблевала мне одежду.

Любовь. Извини, я должна была сделать это в тарелку.

Максим дает жене пощечину.

Любовь. Ты… ударил меня?

Плача, опускается на стул.

Максим. Я не знаю, что я делаю.

Появляется официант.

Официант. Что здесь произошло?

Любовь. Он избил меня.

Максим (указывает на стол, на свою испачкан-

ную рубашку). Вы только посмотрите на это.

Официант (подходит к нему). Вы что, ее ударили?

Любовь (берет официанта за руку). Не делайте ему ничего. Пусть идет.

Официант (указывает на выход). Убирайтесь.

Максим. Я знаю, что не прав и бить женщину…

Любовь. Уходи. Я не могу слышать твой голос.

Максим уходит.

Любовь. Как все жестоко запуталось!

Воскресная школа

Школьный класс. Несколько столов, на которых разложены книги, цветные карандаши и краски.

Священники (отец Феофан, отец Федор и отец Сергий) окружили толстого отца Илариона.

Отец Феофан. Ты съел булку.

Отец Иларион (запинаясь). Нннет я ннне ел.

Отец Федор. Ел. Я сам видел.

Отец Сергий. Мы все видели, как ты трескал.

Отец Иларион. Но ведь так хочется кушать…

Отец Феофан. Ты и так жирный.

Отец Федор. Есть ртом нельзя.

Входит маленький Боря. Священники бегут к нему.

Священники. Борис Максимович! Борис Максимович! Отец Иларион съел булку ртом!

Боря. Садитесь! Живо!

Священники садятся за столы.

Боря. Давайте подумаем, мог ли отец Иларион не съесть булку, если его будущее уже существует? Может быть, отец Иларион когда-то исповедовал инновационные взгляды на питание и сейчас должен есть ртом?

Пауза.

Боря. Ну же, где ваша теологическая мышца?

Отец Сергий. Выходит, что…

Отец Феофан. Отец Иларион…

Отец Федор. Как бы…

Отец Иларион. Кушать хотелось.

Боря. Тьфу!

Отец Сергий. Мы ничего не понимаем…

Боря. А вы и не должны ничего понимать. То есть вы должны понять, а сразу после этого — перестать. Понимание должно распадаться. В этом смысл школы: в одну дыру влетело, из другой вылетело. Распадаться и застывать.

Отец Феофан. Это как будто сосулька упала и разбилась.

Священники смеются.

Боря. Идеальное состояние мозгов — нечто вроде ледяного порошка, когда любое знание растерто в сверххолодные крупицы.

Отец Феофан. Как песок на морозе? Помню, в детстве… поздней осенью у соседей шла стройка, вдруг ударили морозы. Рабочих распустили, а я воровал песок для кошки из большой кучи. Так трудно было его отколупывать!

Боря. Верно, отец Феофан. Если бы не мерзкая рожа, вас можно было бы слушать с удовольствием.

Священники смеются.

Боря. Тихо (в его руках появляется Библия). В прошлый раз я обещал рассказать о Спасителе. Пару слов о том, как изменилось наше понимание сотериологии… Отец Иларион, не пукайте, когда я говорю о важных вещах…

Отец Иларион. Простите.

Боря. Итак, Спаситель. Он придет на землю, чтобы вернуть нам наши грехи. Для того чтобы Его приход состоялся, важно каждому совершать свой грех. Кому-то больший, кому-то меньший. Тот, кто не грешит, образует тромб, закупорку в метафизической артерии мира. Ясно?

Отец Иларион поднимает руку.

Боря. Да?

Отец Иларион. Вот у нас был Господь Иисус Христос, а дьяволом был дьявол. Потом все стало наоборот. Это значит, что теперь мы поклоняемся дьяволу?

Боря. Господь прекрасен от начала к концу и от конца к началу. «Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого», — сказано в Евангелии от Матфея. Теперь подумайте, что изменится, если эта молния будет блистать от запада к востоку?

Отец Иларион. Если молния, то ничего…

Боря. А значит, и с Господом не произойдет ничего. В последнее время от него поступают только хорошие новости. Все больше восставших сообщают, что Господь — это Иисус, о котором написано в Библии, что он консервативен во взглядах и не любит голливудское кино. Мне очень понравилась метафора, которой Господь описал жизнь одному из восставших. Он сравнил с ее забегом на собачьем турнире. Ну, когда собаки бегут по трубе. Хозяин засовывает своего питомца в трубу, а затем ждет, когда тот выпрыгнет с другого конца.

Отец Иларион. Правильно ли я понимаю, что теперь собаки засовываются с другого конца трубы?

Боря. Верно. Когда вы добежите до ее конца, то увидите свет и услышите аплодисменты.

Отец Сергий. А хозяин там стоять будет?

Отец Федор. Может ли быть такое, что собака прибежит быстрее хозяина?

Отец Сергий. А как хозяин успевает и засовывать, и ловить собак?

Боря. Последние исследования православных ученых показали, что «труба жизни» изогнута кольцом, поэтому Господь действует как работник конвейера. Он почти сразу засовывает в трубу выпавших собак. Таким образом не накапливается излишков. Всего в работе находится около миллиарда душ.

Отец Нектарий. Но на планете ведь намного больше людей.

Боря. Одна душа может жить в нескольких телах. Предположим, одно тело живет в Москве, другое в Сыктывкаре или тоже в Москве. Они могут встретиться; и, как говорил Кант, вступят в брак для обладания гениталиями друг друга.

Отец Иларион. Разрешите еще вопрос!

Боря (захлопывает Библию). Нет, мне кажется,

вы немного одержимы демоном вопрошания.

Спрыгивает с кафедры, идет к двери. Священники провожают его, почтительно наклонив головы. Затемнение.

Раздевалка

Несколько мальчиков стоят возле шкафов и переодеваются. Входит Боря, сбрасывает на скамейку верхнюю одежду, открывает шкафчик.

Вова (Боре). Добрый день.

Боря. Здравствуй.

Вова. Как занятия?

Боря. Священники на редкость тупой народец.

Вова. Воистину. Их только и интересует, станут ли у них отбирать недвижимость.

Боря. А у тебя кто?

Вова. Тоже священники.

Боря. Тоже? Я думал, они только мне попадаются. Странно, ни экономистов, ни программистов, ни кулинаров — только священники.

Вова. В последние годы только их выпускали.

К мальчикам подходит Колька.

Колька (протягивает руку Вове). О чем трете?

Вова показывает Боре, чтобы тот молчал.

Колька. Видели, у Мелкого новая соска?

Мальчики молчат.

Колька (протягивает руку Вове). Ах, забыл. Я Колька.

Вова молча, не подавая руки, смотрит на него.

Колька (смущается). Ясно… (Протягивает руку Боре.) Колька.

Боря (протягивает руку). Боря.

Вова (бьет его по руке). Нельзя.

Боря. Почему?

Вова. На него Мелкий указал.

Боря (вздрогнув). Указал?

Вова (шепотом). День рождения…

Колька. Послушайте, парни, мне кажется, это ужасная традиция, когда на тебя может показать Мелкий и ты…

Вова. Мы это не обсуждаем!

Боря. Да, мы просто дети.

Строит детскую физиономию.

Вова (квакает). Мы дети, невинные, в этом не разбираемся.

Колька. Тогда почему вы мной манкируете? Почему не подаете руки? Ведь Мелкий и на вас

указать может!

Боря. С нами такого никогда не произойдет.

Колька. Почему?

Вова. Потому что мы дети, а детей охраняет Бог.

Колька. Но я тоже ребенок. Почему он меня не охраняет?

Вова. Ты уже дрочишься.

Боря. Ага, мы видели!

Вова. У детей пипки безволосые и мягкие, детки лежат и выдувают пузырьки из слюней.

Колька. Но послушайте…

Вова. Не хотим мы слушать. Уходи. Уходи. Хулиган, двоечник.

Боря. Мастурбатор.

В раздевалку входят двое Первоклашек. Они везут коляску, в которой лежит горошина (Мелкий). Над ней установлено увеличительное стекло.

Первоклашка 1. Слава Мелкому!

Первоклашка 2. Слава Мелкому!

Первоклашка 1. Меньше молекулы, меньше атома, словно кварк! Мельче его нет ничего в природе!

Первоклашка 1. Словно первород, из которого состоит все сущее!

Вова. Слава Мелкому!

Боря. Слава Мелкому!

Мелкий указывает на Кольку и пищит.

Первоклашка 1. Чего молчишь?

Колька. А чего говорить? Все знают, что Мелкий меня сожрать хочет… Жирная горошина!

Первоклашка 1 (замахивается). Я тебе…

Мелкий (выплевывает соску). Пусть говорит.

Колька (Вове и Боре). Каждый год в свой день рождения он скармливает кого-нибудь своей ненасытной матери. Долго ли будем терпеть этого нерожденного? Сколько еще погибнет детей? Сколько уже погибло? Алексей, Василий, Петр — вот их имена!

Мелкий. А детки твои ни в чем не виноваты? А? А сам ты, Колька, безгрешен?

Боря. Воришка. Телефоны, говорят, воровал.

Вова. Жадина.

Боря. Драчун. И дрочун.

Мелкий. Слышишь, «жадина», «драчун».

Колька. И что ж меня теперь — в мамку?

Мелкий. Хочешь, на кол посадим?

Колька. Нет уж. Меня прошу по-божески упокоить в утробе.

Мелкий. Об этом не беспокойся (протягивает

ручку). Взять его!

Первоклашки хватают Кольку и уводят.

Мелкий (Вове и Боре). Вопросы есть?

Вова и Боря испуганно молчат.

Мелкий. На связи.

Быстро уезжает.

Квартира Воронцовых

Детская комната. Повсюду валяются игрушки. Боря сидит на полу и собирает пирамидку из цветных колец. Стук в дверь.

Любовь. Борис Максимович, это мама. Можно войти?
Боря. Да, входи.

Дверь открывается, входит Любовь Воронцова.

Любовь. Вы сегодня смотреть будете?
Боря. Что смотреть?
Любовь. Ну, в глаза смерти.
Боря (прикладывает руку ко лбу). О…
Любовь. Понимаю, возможно, сегодня не готовы…
Боря. Нет-нет. Вполне. Можно. Показывай.

Любовь садится на стул, задирает юбку и спускает трусы до щиколоток.

Боря. Трусы лучше вообще снять: они мешают.
Любовь. Хорошо.

Снимает.

Любовь. Так лучше?

Боря кивает.
Любовь сидит, сжав колени.
Пауза. Боря замер, держа в руках кольцо и не нанизывая его на пирамидку.

Любовь (робко). Раздвигать?
Боря (сухо). Я скажу.

Пауза.

Боря (с мучением). Господи, Господи… (Матери.) Раздвигай.

Любовь медленно раздвигает колени.

Боря (с ужасом смотрит ей между ног). Нет… нет… не могу… (Вскакивает.) Не будет этого! Никогда!
Любовь (встает). Боренька! Малыш!
Боря. Никогда! Человечество найдет способ избежать! Если человечество не найдет, то бого-

человечество найдет! (Орет.) Назад!

Любовь садится и раздвигает ноги.

Боря (подходит). Смерть… я вижу свою смерть…

Любовь. Боря, это всего лишь мои половые органы…

Боря. Заткнись. Я смотрю в глаза смерти.

Любовь. Да нету там глаз.

Боря (встает на колени). Подожди… дай я…

Любовь. Опять? Опять руки совать будешь?

Боря. Молчи, мамочка, молчи.

Боря раздвигает руками пошире колени матери и просовывает голову между ними. Его голова исчезает под юбкой.

Любовь (вскрикивает). Ой!

Боря хрюкает.

Любовь. Ой, как пошел…

Боря шевелит задом и отталкивается ножками.

Любовь. Малыш…

Входит Максим.

Любовь. Боренька…

Максим. Что вы делаете?
Любовь. Боря… полез смотреть смерть.
Максим. Маленький дурак!

Хватает Борю за ноги и вытягивает наружу.

Боря (падает на спину). Эй-эй, оставьте меня!
Максим (жене). И ты идиотка!
Боря. Оставь меня, хреносос!
Любовь. Ай! У меня там сжалось, сжалось!

Максим выдергивает Борю из жены. Оба падают на пол.

Боря. Пуф! Я стоял на пороге смерти, сволочи.
Максим (снимает тапочек). Гаденыш, иди сюда.
Любовь. Нет! Это же Боренька!
Боря (пытается убежать). Меня бить нельзя — я мудрый!
Максим (снимает с сына штаны, бьет тапочком по заду). Вот так! вот так! вот так!

Боря кричит и рычит. Любовь смотрит на порку с ужасом. Врывается Воронцова.

Воронцова. Что вы тут делаете?! Максюха! Борька!
Любовь (указывает). Он убивает его.

Воронцова (вырывает внука). Не смей! Прокляну!

Максим. Вот так…

Воронцова (отнимает внука, гладит его по голове). Он бил тебя, маленький…

Максим (тяжело дышит). Гаденыш. Ты знаешь, куда он засовывал голову?

Воронцова. Карапуз… (Максиму.) Куда бы ни засовывал — это светлая голова.

Боря (шепотом). Я тайно снял на телефон, как он меня избивал.

Воронцова. Ты молодец, крошечка.

Боря. Я хитрый.

Воронцова. Ты Соломон.

Максим. Что вы бормочете?

Боря (встает, отряхивается). Я прощаю тебя, отец.

Максим. Что? Не хватало еще, чтобы какой-то сопляк…

Воронцова. Максим, ты забыл — он старше тебя!

Максим. С какой стати?

Воронцова (шепотом). Ты с ума сошел.

Максим. Нет, я хочу знать, как этот соплячок может быть старше меня, если я наблюдаю его всего шесть лет.

Любовь (в ужасе). Максик, пожалуйста, хватит. Нас же… слушают.

Боря. Из уважения ко мне нас слушают, но не сразу реагируют. (Отцу, с мирной улыбкой.)

Папа, ты, наверное, позабыл кое-что. Я тебе напомню: наступал кошмарный 2017 год, и какой-то сумасшедший…

Максим. Я знаю, он застрелил министра обороны, и тогда президент решил пустить время вспять. Будущее России — это ее прошлое. Но все это чушь!

Воронцова (испуганно). Ах!

Боря. Осторожнее, аппаратура реагирует на определенные сочетания слов.

Максим. На какие?

Боря. Если их произнести, произойдет кое-что плохое.

Максим (хватает его). Какие это слова?!

Любовь (хватает мужа). Не трогай ребенка!

Воронцова (хватает внука). Оставь!

Боря. Не могу, не могу говорить!

Максим. Что за слова, маленькая сволочь!

Воронцова. Он светлый! Отпусти!

Боря (хрипит). Я мудрый…

Максим. Говори! Говори!

Боря. Мы погибнем!

Любовь. Молчи, сыночек!

Максим. Говори или я тебя!.. Что за слова? Там должно быть про Россию, так? Так?!

Боря (хрипит). Да…

Максим. Что с «Россией»? «Россия — дерьмо»? (Оглядывается.) Ну что, сработала твоя аппаратура?

Боря. Нет…

Воронцова. И слава богу!

Максим (трясет сына). Что это за слова?.. Россия… (Отпускает сына.) Россия, вперед!

Удар в литавры. Свет меркнет, затем снова вспыхивает с утроенной силой.

Максим. Россия, вперед!

Грохот, словно обвалилась полка с хрусталем.

Боря. Замолчи, папа! Папочка!

Максим (отступая). Россия, вперед!

Рев и крики невидимых животных.

Боря. Россия, назад, назад, назад! Мама, бубулечка, подкрикивайте! Россия, назад, назад, назад!

Воронцова. Назад, родненькая, назад, назад!

Любовь. Назад, назад, назад!

Максим. Россия…

Затемнение.

Медленно красным освещаются углы комнаты. Теперь здесь стоят четыре смысловика.

Смысловик 1 (кашляет). Я, кажется, снова простудился.

Смысловик 2. Размешай в молоке мед, масло и нутряной свиной жир.

Смысловик 3. Вонять будет.

Смысловик 4. А работа у нас — на парфюмерной фабрике?

Смысловики смеются.

Смысловик 1. Работа у нас, конечно, с говнецом.

Смысловик 2. Не в смысле плохая работа.

Смысловик 3. Работать приходится с разным говнецом.

Смысловик 4. С разной тварью.

Пауза.

Боря (указывает на отца). Это он сказал.

Смысловики подходят к Максиму.

Смысловик 1. Зубы медленно поднимаются с пола и встают в десны Максима.

Смысловик 2. Вырванный глаз из моей ладони

возвращается в глазницу Максима.

Смысловик 3. Оторванный член, раздавленный моим сапогом, вновь висит у Максима между ног.

Смысловик 4. Сломанная рука вновь срастается и выпрямляется.

Пауза.

Смысловик 1. Так в какую сторону идет время, Максим Леонидович?

Смысловик 2. Может быть, вперед, как вы хотите?

Смысловик 3. Или все-таки назад?

Смысловик 4. Как вы думаете, Максим Леонидович?

Смысловик 1 (отстраняет смысловиков). Максиму Леонидовичу нужно подумать.

Максим. Я уже подумал.

Смысловик 1. Подумали?

Максим. Да.

Смысловик 1. И…

Максим. Время идет вперед и только вперед.

Смысловик 2 (кричит). Идиот! Время может идти куда угодно! Идиот!

Максим. Психологическая и термодинамическая стрелы времени должны быть равнонаправ-

лены, только при этом условии во Вселенной могут развиться такие высокоорганизованные существа, как мы. Как я.

Смысловик 3. У вас нет сердца, Максим. А еще у вас нет печени, почек — все эти органы лежат рядом с вашим вскрытым трупом. Я прямо вижу эту картину…

Смысловик 4. И мозга у вас тоже нет. А вот у вашей мамы…

Максим. Мамы? (Подходит к нему.) При чем тут моя мама?

Смысловик 3. А, Цурючка!

Смысловик 4. Дина Альбертовна Цурюк.

Максим (бросается на него). Сука! Сволочь! Что вы сделали с моей мамой! Не смейте к ней…

Смысловик 1 (шепчет). Если время идет вперед, то сделанное нами будет только усугубляться. Вы понимаете? Только усугубляться. Раны на теле вашей матери будут гнить. И все это из-за вас, Максим. Из-за вашей тупой упертости.

Максим (берет его за руку). Где она? Куда вы ее спрятали?

Смысловик 1. В надежное место, где время никуда не идет. Эдакие законсервированные вип-персоны. Если их освободить, они начнут говорить ровно то, что говорили до консервации.

Они не растут, не развиваются, в их головах нет электрических импульсов, в их желудках не выделяется сок.

Максим. Отведите меня… к маме.

Смысловик 1. А член отсосете?

Максим. Что?

Смысловик 1. Шучу. Если бы вы отсосали его у меня в будущем, я бы и спрашивать не стал. (Смысловикам.) Ребята, проводите мальчика к маме.

Камера, где остановилось время

Дина Альбертовна Цурюк сидит, покачиваясь, на деревянном табурете. Она замотана в лохмотья и прячет лицо. В камере — высоко под потолком — зарешеченное окно, в углу стоит ведро с помоями. Входит Максим.

Максим (зажимает нос). Какая вонь!..

Останавливается.

Максим. Мама?.. Мама, это ты?

Подходит.

Максим. Мамочка, это твой кудрявый Макс. Ма…

Дина Альбертовна открывает лицо: оно разби-

то. Максим отступает на несколько шагов.

Максим. Боже мой… что это…

Цурюк. Это я… сынок…

Максим. Что с тобой?.. Где глаза?.. Где нос?.. Мама, ты не можешь так выглядеть… Это не ты.

Цурюк. Это я… (Протягивает из-под лохмотьев культи.) Смотри… отстрелили пальцы…

Максим подходит, опускается на колени, целует руки. Дина Альбертовна склоняет к нему изуродованное лицо.

Максим. Мама, мамочка…

Цурюк. Кудрявый Макс…

Максим. Я все подпишу, если они хотят… (Плачет.) Какая разница, куда движется время… Пусть оно пойдет назад и ты снова… снова будешь красивой и молодой. Все будет по-прежнему…

Цурюк. А Советский Союз? Мы с отцом были диссидентами. Ты хочешь вернуть меня в это время?

Максим. Но вы будете здоровы и молоды. Вы сможете налить себе стакан воды. И пусть потом будет революция и восстановление империи. Иисуса снимут с креста. Будет Ледниковый период и динозавры. Потом… все сожмется в точку сингулярности. Там будет очень тепло и все-все

атомы будут рядом. Я прижмусь к тебе, мамочка, своими атомами…

Цурюк. Кудрявый дурачок. С другой стороны ко мне будут прижиматься атомы Сталина и Гитлера — такого финала я не хочу. Я сторонник бесконечного расширения Вселенной, до предела, до бесчувствия, до разрыва всяческих связей между атомами и в атомах.

Максим. Но это же очень страшно! Превратиться во взвесь частичек! В космическую пыль! Какой там будет стоять холод и…

Цурюк. Свобода!

Максим. Но это же смерть. Мама!

Цурюк. Ты хочешь сказать, то, за что боролись мы с твоим отцом, — это смерть? Нет, смерть — это то, что происходит сегодня. Иначе бы я не гнила в этой камере, малыш.

Максим. Ты не можешь… гнить. Здесь не идет время.

Цурюк. Глупыш, время идет повсюду. И даже в ученом, который сделал открытие о множестве времен, оно течет вперед. И зарплату он сначала получает, а потом тратит. Хочешь убедиться в моей правоте? Чувствуешь, как воняет? Чувствуешь?

Максим. Да…

Цурюк. Это дерьмо в ведре. Оно ясно указывает, что время все-таки идет.

Открывается дверь камеры, входит солдат. Берет ведро и идет обратно.

Цурюк. Мальчик, мальчик, постой.

Максим (встает). Погодите, пожалуйста.

Солдат (останавливается). Ну, чего?

Цурюк. Почему вы забираете ведро?

Солдат. А?

Цурюк. Почему не просите, чтобы я всосала его содержимое?

Солдат. Тьфу, дура.

Максим. Не оскорбляйте мою, мать!

Солдат (устало). Молчи, жиденок.

Максим (подходит к нему). Извинись, или я тебя отхлещу.

Солдат плюет в ведро и выходит. Снова входит с тарелкой супа, ложкой и куском хлеба.

Солдат (подает Дине Альбертовне). Держи.

Цурюк. Спасибо.

Максим хлопает солдата по плечу.

Солдат (оборачивается). Чего тебе?

Максим плюет ему в лицо.

Солдат. Ах ты сука!

Бьет Максима в живот. Максим падает, Солдат добивает его ногами. Плюет Максиму на спину. Максим неподвижно лежит на полу, Солдат отрывает от его рубашки карман, утирает лицо. Дина Альбертовна ест суп и закусывает хлебом.

Цурюк (жует хлеб). Ярчайший пример лицемерия нашей власти. По ее логике карман должен был прирасти к рубашке. По ее логике я должна не есть суп, а отплевывать его в тарелку, по ее логике…

Солдат. Будешь болтать — отрыгнешь все, что схавала.

Цурюк. Мне искренне интересно, как работает ваша голова. Вы защищаете власть и ее веру в обратное время. Зачем тогда вынесли ведро?

Солдат. Хочешь дышать дерьмом? Принесу обратно.

Цурюк. Значит, вы видите, что показания власти и действительности расходятся? Почему же вы продолжаете выполнять ее преступные приказы?

Солдат. У меня дед был военный, отец военный, брат военный…

Цурюк. То есть вы поддерживаете преступни-

ков по семейной традиции?

Солдат. Ты дослушай. Дед был военный, отец военный…

Цурюк. …брат военный…

Солдат. А я — дурак. Я люблю бить и рвать. На гражданке с этим трудно, а здесь — обязанность.

Цурюк. Ты слышишь, Макс?

Максим. Сквозь ужас.

Солдат. Сказали, если буду вести себя нормально, переведут смотреть за другой камерой. Там жид сидит богатый.

Максим. Какой?

Солдат. Хер знает. В очках. Много нефти жопой всосал.

Цурюк (возбужденно). С седыми волосами?

Солдат. Ага, серые, как пепел синагоги.

Идет к двери.

Цурюк. Это он.

Максим (солдату). Какое сегодня число?

Солдат. А что? На обрезание опаздываешь. Двадцать пятое?

Выходит.

Максим. Мама, ты понимаешь, что это значит? Его должны выпустить через неделю, мама! Его

ведь тогда арестовали, значит, теперь должны выпустить.

Цурюк. Господи, какой ты дурачок. Ну кто же его выпустит…

Максим. Но ведь они сами говорят, что время… Ведь люди вспомнят.

Цурюк. Мужья забывают дни рождения жен, подростки — что надо уступать место пожилым. Люди все забывают. Неужели народ вспомнит, что когда-то посадили старого еврея… Никогда этого не будет, кудрявый Макс.

Максим. Будет. Мы найдем газету, мы покажем ее.

Дина Альбертовна качает головой.

Максим. Что же делать?
Солдат (входит). Доела? Давай тарелку.

Дина Альбертовна протягивает тарелку.

Солдат. И ложку давай.
Цурюк. А ложку я буду лизать.
Солдат. Тьфу.

Выходит.

Максим. Зачем ты так унизилась?
Цурюк (показывает). Зато у меня есть ложка.

Максим. Ты сама говорила: ничего у них не брать. Ни ложки, ни вилки.

Цурюк. Это просто ложка. Ложка, сделанная простым человеком на простом станке. За такого человека я всегда и боролась. И ты еще увидишь, для чего ее можно использовать.

Дина Альбертовна идет к стене и стучит ложкой по батарее. Слушает. Снова стучит.

Через некоторое время раздается ответный стук.

Цурюк (возбужденно). Ты слышал?

Максим. Да, кто-то ударил по батарее.

Цурюк. Это он, это его стук (стучит). Я спросила, что нас ждет (слушает). А ты хотел отдать ложку…

Стук по батарее.

Максим. Отвечает!

Цурюк. Да! Он сказал… «А».

Максим. Что это значит? Нас ждет — «А»? В каком смысле? Мы будем первыми, кто увидит новый мир?

Цурюк. Или то, что мы будем кричать «а-а» от ужаса?

Максим. Или…

Стук по батарее.

Цурюк. Он ответил… «Д».
Максим. Он сказал «ад»…
Цурюк. Нас ждет ад…

Пауза.

Цурюк. Но, может быть, он хотел сказать другое? Может быть, его прервали — прервали, когда он хотел сказать что-то важное? Схватили за горло и оттащили от стены?

Максим. Вполне возможно. Он мог начать слово «адрес». Или «Адонис». Он как Адонис, которого убил на охоте разъяренный вепрь режима.

Цурюк. Я, кажется, знаю. Он писал «Adeste Fideles» — «Приидите, верные».

Максим. Он хотел, чтобы мы не отчаивались.

Цурюк. Ты должен запомнить это, слышишь. Слышишь? И когда выйдешь отсюда — расскажи всем.

Максим. Так и будет.

Открывается дверь.

Солдат. Время.
Максим (обнимает мать). Пора прощаться.
Цурюк. Пора.

Стоят обнявшись.

Цурюк. Будь верным, кудрявый Макс.
Солдат. Выдвигайся.
Максим (обнимает мать). Мама…
Цурюк. Помни, что он сказал…

Максим идет к двери, выходит. Солдат выходит за ним. Тишина.

Автобусная остановка

Максим на остановке. Подходит автобус — в нем только священники. Передние двери открываются: из них пятясь выходят пассажиры. В средние и задние двери так же, пятясь, входят. Максим пропускает автобус. Появляется Любовь: она бежит к Максиму, у нее на руках лежит Боря.

Максим. Что случилось?
Любовь. Боря! Боренька!
Максим (касается сына). Господи, что с ним! Здесь кровь.
Любовь. Его ранили.
Максим. О, ужас! Как это случилось?
Любовь. Мы гуляли с Борей в парке. Малютка залез на скамейку и очень смешно передразнивал Ельцина. Люди улыбались и давали ему деньги…
Боря. Деньги…

Любовь. Вдруг какой-то сумасшедший выстрелил в Борю. Он подумал, что это помолодевший Борис Николаевич.

Максим. Но почему ты принесла его сюда? Почему он не в больнице?

Любовь. Они нечего не могут сделать. Только ты, Максим — только ты.

Максим. Я? Но как? Я не врач.

Любовь. Время…

Боря. Время, папа.

Максим. Я не понимаю…

Боря. Чем дольше ты говоришь, что время идет вперед, тем глубже проникает пуля в сердце твоего маленького сына, тем больнее ему умирать. Я понимаю, что тебе плевать на всех — ты бросил мать в тюрьме. Старую, покрытую язвами. Ты не захотел вернуть ей молодость. Кто я такой, чтобы просить: папочка, верни мне жизнь, я умираю, папочка. Лишь скажи, что время идет назад, и пуля выйдет из моего слабого тельца и улетит обратно в пистолет сумасшедшего. Но я даже не прошу об этом. Я знаю, мой отец… мой отец… (Вертит головой.) Туннель… я лечу сквозь туннель…

Любовь. Максим, спаси его!

Боря (болтает ножками). Я наполовину вступил в загробный мир.

Любовь. Максим, спаси его!

Боря. Нет, не нужно. Сердце делает последний «тук-тук».

Максим (берет сына на руки). Боренька, малыш, Боренька.

Боря (гладит его по лицу). Па… па…

Максим. Боря!!!

Любовь. Он умер.

Максим. Боря!!!

Боря молчит.

Максим (кричит). Время, остановись!..

Любовь смотрит на него.

Максим. Время, назад!

Любовь. Бесполезно.

Максим. Время, назад!!!

Любовь отходит от Максима.

Максим (едва не срывая голос). Назад!!!

Пауза.

Максим опускает тело Бори на скамью, встает рядом.

Максим. Чуда не произошло.

Отходит.

Боря (выплевывает пулю). Та-а-да-а-ам! Вера отца оживила меня.

Максим (оборачивается). Боря?

Боря свистит. Появляются четыре смысловика.

Смысловик 1 (подходит к Максиму). Ну?

Максим. Вы не поверите, но я поверил. Поверил, что…

Смысловик 1 бьет Максима в живот.

Максим (согнувшись). За что?

Смысловик 1. Ну почему, почему вы нам сразу не верите! Мы ведь даем вам готовые ответы (плюет). Ненавижу.

Смысловики уходят.

Боря подходит к матери, берет ее за руку.

Максим медленно поднимается.

Начинается дождь.

Квартира. Гостиная

Семья за столом: Любовь, Боря, Воронцова и Воронцов. Максим сидит отдельно, склонив голову. Боря сидит с айпадом, встроенным в деревянный оклад.

Боря. Вау… вау…

Воронцова (дочери). Боря так увлечен своей новой иконой.

Воронцов. Покажи хоть бабке.

Боря показывает на экране «Троицу» Рублева.

Воронцова. Даже не знаю, что ты скажешь про наш подарок.

Любовь (вынимает коробку и протягивает ее Боре). Это тебе, малыш.

Боря. Ах, что это? (берет коробку). Мамочка… Мамочка, я тебя люблю! (Обнимает и целует мать.) Спасибо, родная моя!

Любовь (целует сына). Не мне одной говори спасибо, но и своим бабуле с дедулей.

Боря (посылает Воронцовой и Воронцову воздушные поцелуи). Спасибо, дорогие мои! (Матери.) А папу мне благодарить?

Любовь. Благодари.

Воронцова. Хотя бы за то, что он больше не препятствует твоему здоровому развитию.

Боря. Спасибо, папочка!

Любовь. Иди, поцелуй отца.

Боря спрыгивает со стула, бежит к Максиму и целует его.

Максим. Что… что они тебе подарили?

Боря (берет коробку, показывает). Игра «Держа-

ва: единая и целостная».

Максим. А-а…

Пауза.

Воронцов. Что-то не так?

Максим. А-а… разве «единая» и «целостная» не синонимы?

Боря. Мама, что такое синонимы?

Воронцова. Это устаревшее еврейское слово.

Максим. А как играют в твою игру?

Любовь. Картонный лист раскладывают на столе. Там игровое поле с клетками. Надо выбрать фигурку, бросать кубик и ходить.

Максим. А какие фигурки?

Боря. Я знаю, там есть жиды, гомосеки, пиндосы.

Любовь (сажает сына на колени). Это устаревшая игра, сынок. Та, что у тебя, — новая. Там остались только фигурки русских людей, клеточки расположены просто и по кругу.

Максим. Зачем же в нее играть, в такую игру?

Любовь. Это очень приятная игра: фигурки просто ходят друг к другу в гости. Можно выбирать, с чем пойти — с тортом или печеньями, какой подарок взять. Победителей и проигравших здесь нет — только приятный отдых.

Боря (гладит коробку). Мне нравится, что игра деревянная… Не то что старые, агрессивные компьютерные игры, от которых только портились глаза и характер. А деревянные фигурки так приятно держать в руках…

Воронцова. Дерево — это так…

Воронцов. Охерительно.

Боря. В нем столько тепла и в то же время твердости и уверенности. Деревянная игрушка — живая, теплая, а не холодная и отстраненная, как виртуальная картинка. Играть деревянными игрушками приятно.

Воронцов. А из какого она дерева?

Любовь. На коробке написано, что из березы.

Боря (читает). Тут сказано, что фигурки, будучи частью живого дерева, сохраняют с ним связь. По весне их можно надрезать и сосать сок.

Воронцов. Вона как!

Любовь. Какое чудо!

Воронцова. Невероятно!

Воронцов. А написано, что потом дырочку нужно замазать воском или мхом заткнуть?

Боря. Написано, деда, но чуть ниже.

Воронцов. Умная инструкция.

Любовь. Но не опасно ли давать ребенку сосать такие маленькие фигурки? Ведь он может про-

глотить и подавиться.

Воронцова. Для кого возраста эта игра?

Максим (громко). Странная есть вещь!

За столом возникает тишина.

Максим. То, что сок вытекает, а не втекает.

Пауза.

Максим. Сок должен втекать, а не вытекать.

Пауза.

Максим. Насколько я понимаю…

Пауза.

Воронцов (ударяет кулаком по столу). А ведь мальчишка прав!

Воронцова. Господи, как же мы сразу… (Любови.) Что ты купила ребенку, дура?!

Боря роняет коробку.

Боря. Я не трогал ее, я не трогал ее…

Хватает со стола айпад с «иконой» и целует ее.

Любовь (встает растерянная). Но… клянусь, я не специально.

Боря (держится за горло). Меня хотели отравить!

Мой разум! Мой рассудок! (Мечется.) Синонимы, всюду синонимы! Они хохочут и глумятся!

Падает, Любовь бросается к нему.

Воронцова (вскакивает). Сволочь! Преступная мать!

Максим. Оставьте ее.

Все замирают. Максим приближается к Любови.

Максим. Посмотри мне в глаза.

Любовь. Зачем?

Максим. Посмотри мне в глаза.

Любовь. Я смотрю…

Максим. По-настоящему смотри.

Любовь смотрит на Максима.

Максим. Почему ты решила подсунуть эту игру нашему сыну?

Любовь. Не почему…

Максим. Кто-то попросил тебя?

Любовь. Никто. Клянусь, я сама… Она продавалась в магазине. В магазине «Деткины радости».

Максим. Чек?

Любовь. В… сумке. Наверное…

Максим. Пойди и принеси.

Любовь встает и быстро выходит из комнаты.

Максим (матери). Открой игру.

Воронцова. Не хочу даже прикасаться к этой гадости.

Боря. Не ребенку же ее открывать.

Воронцов. Верно говорит. А ну, мать, открой.

Воронцова (с отвращением берет коробку). Хорошо (открывает). Ну, я открыла?

Максим. Читайте инструкцию.

Воронцова. Всю?

Максим. Нет, читайте выходные данные. Где напечатано, сколько комплектов.

Воронцова (щурится). Очень мелко… Как мушиные какашки…

Максим (вырывает у нее игру, деревянные фигурки рассыпаются по полу). Дай сюда! (Боре.) Не смей их брать! (Читает) Так-так… где-то должно быть…

Пауза.

Максим. Ага! Вот. Дизайн и верстка: Марк Цукерберг.

Воронцов. Жидяра.

Максим. Что я говорил!

Воронцов. Молодец, парень! (Встает, хлопает Максима по плечу.) Молодец, Максим. Видать,

чуешь своих.

Максим (резко хватает тестя за горло). Что ты сказал, старый?

Воронцова. Ай!

Любовь (входит). Я нашла чек и еще кое-что инте… Максим! Что ты делаешь?!

Боря. Он душит дедулю.

Максим. Я не жид, я не еврей, я русский — ты слышишь?

Воронцов. Пусти…

Любовь (падает на колени). Меня убей, а отца не трогай.

Боря. Папа, тебе делают интересное предложение.

Любовь. Меня, меня!

Максим. Скажи ему, что я даже не обрезан.

Любовь. Папа, он даже не обрезан!

Максим отпускает Воронцова, тот падает на пол. Пауза.

Максим (жене). Что ты нашла?

Любовь. Чек (протягивает газету). И еще свежая газета. Пишут, что магазин «Деткины радости» закрыт.

Воронцова (Воронцову). Как ты?

Воронцов. Хорошо душил, по-мужски. Нравится

мне такой тесть! Ей-богу, нравится!

Максим. Теперь у тебя только такой тесть и будет.

Воронцова. И слава богу, что прозрел.

Максим возвращается к столу, ест. Пауза.

Любовь (присев на стул). Чек… нужен ли чек?.. А то я искала…

Максим смотрит на нее с ненавистью. Воронцова машет руками: не нужен.

Воронцов. Тупая баба. Я бы врезал.

Максим продолжает смотреть на Любовь.

Боря (размахивается и бьет мать в позвоночник). На!

Любовь вскрикивает и оборачивается.

Воронцов. Подбавь, подбавь!

Боря лупит Любовь по спине и пояснице.

Любовь. Что ты делаешь? Максим, скажи ему!.. Кто-нибудь!..

Боря продолжает бить Любовь. Она выбегает, Боря — за ней.

Воронцов (берет ложку, зачерпывает суп). На-

кладывай, накладывай!

Воронцов выплевывает суп.

Максим. Ты что, дед, охренел?
Воронцов. Само…
Максим. Что — само?
Воронцова (берет ложку). Дурак ты, есть разучился. Дома мы едим обычно, а в ресторане — блюем…

Воронцова выплевывает суп.

Максим. И ты туда же?
Воронцова. Не влезает.
Максим. Даже в жопу влезает, а тут — рот. (Бьет по столу.) Что ты продукты поганишь, тварь.
Воронцов. Так ты сам попробуй.
Максим. Эх, дураки.

Зачерпывает суп ложкой, засовывает ее в рот и тут же выплевывает.

Максим. Тьфу…

Вбегает Боря.

Боря. Беда!.. Я загнал маму в туалет и тут…
Любовь (вбегает). На Бореньку напал кусок говна.

Боря (раздвигает руки). Вот такой.

Любовь (показывает свернутый платок). Вот этот. Как выпрыгнул и прямо Боре в…

Боря. Хорошо, я увернулся.

Воронцов. Время. Время назад пошло. По-настоящему.

Пауза.

Максим (встает). Значит, пошло.

Любовь. Что же делать?

Стук в дверь.

Максим. Открой.

Любовь. А вдруг там что-то плохое?

Максим. Открой.

Любовь идет к двери, открывает. Быстро входит Сергей.

Сергей. Собирайтесь.

Максим. Куда?

Сергей. В стране хаос.

Воронцова (садится на стул). Что, опять?

Любовь (идет в комнату). Боря, помоги мне. Поскорее.

Максим. Мы никуда не поедем.

Любовь. Как?

Воронцов. Ты что, тебя же, еврея, шмальнут в первый день. И сына твоего, полужидка.

Максим. Мы никуда не едем.

Сергей. Не слушай его, Люба.

Любовь и Боря уходят в комнату.

Сергей (подходит к Максиму, целует его). Надо уезжать, уезжать (целует Воронцову и Воронцова). Уезжать, пока все не рухнуло. А рухнет оно быстро.

Максим (хватает его за руку). Мы никуда…

Сергей (вырывает руку). Да приди ты в себя, сумасшедший.

Любовь (выходит с сумкой Louis Vuitton). У нас небольшая проблема.

Боря кладет пачку денег в сумку, они вылетают обратно.

Боря. Видали?

Максим поднимает деньги, рвет и разбрасывает вокруг себя.

Воронцов. Ты чаво?!

Максим бьет его по голове, Воронцов падает.

Максим (Сергею). И тебя, тварь, убью.

Воронцова. Сереженьку-то за что?!

Сергей. За помощь. Ну как знаешь. Я сам увезу Любу и маленького Борю.

Боря. Меня — обязательно.

Сергей. А ты, как знаешь, так и поступай.

Воронцов, стащив нож со стола, бросается на Максима, но тот успевает перехватить руку и выбить нож.

Воронцов. А-а-а, жидя-я-яра, руку лома-ает!

Максим (отпускает его, берет нож). Этот нож не для меня.

Ударяет ножом Сергея.

Максим. А для него.

Сергей. А!

Падает с красным пятном на рубашке.

Максим (вытирает нож о скатерть). Верить надо было, верить. Тогда бы он не вошел, а вышел (оборачивается). Ну, кто еще хочет в эмиграцию?

Боря. Только не валите эти вопросы на ребенка.

Максим. Ну, кто мне ответит?

Воронцов. Остаемся мы, остаемся. Это родина наша.

Воронцова. Остаемся… куда деваться…

Любовь. Остаемся…

Боря. Мя-мя… мя-мя…

Воронцова. Что с ним?

Любовь. Смотрите, Боренька стал совсем маленьким.

Входит Дина Альбертовна Цурюк. Она помолодела.

Максим. Мама?.. Это ты?..

Цурюк. Я, кудрявый Макс.

Максим. Но… как?

Цурюк. Видишь, я молодая. Все наши сбросили лет по двадцать.

Максим (указывает на окно). Что там происходит?

Цурюк. Власть пала, рухнули тюрьмы, узники свободны. Повсюду воодушевление, блогеры, горящие здания. Пусть время идет назад, влево, вбок — лишь бы не как раньше. Это революция (бросает что-то на пол.) Вот вам подарок.

Боря (подбегает). Мя-мя!

Любовь (поднимает). Что это?

Цурюк. Кусок Спасской башни: куранты взорваны. (Максиму.) Ты не рад?

Максим. Уходи.

Цурюк. Почему, сын?

Максим. Уходи. Я не с вами.

Цурюк. Что произошло?

Максим. Мы идем назад, а не как черви — влево, вбок, в сторону. Хватит игр. Я хочу вернуться туда, где было мне хорошо. И не только мне. Хватит игр.

Цурюк. Значит, я иду одна. Спасибо, что вернул мне молодость.

Максим. Никому не говори, что ты моя мать.

Цурюк. Не скажу. Клянусь. А не веришь — дай кислоты, я выпью.

Воронцова. Есть уксус.

Пауза.

Максим. Уходи.

Дина Альбертовна молча выходит.

Максим (закрыв лицо рукой). Мамочка…

Боря. Мя-мя!

Максим (становится на колени). Мамочка, моя мамочка…

Встает, бежит за матерью.

Максим. Остановись, мама!

Затемнение.

Кабинет Мелкого

Мелкий лежит на красной подушке. Напротив стоит раздувшаяся и постаревшая Дина Альбертовна.

На заднике изображена огромная старуха, раздвинувшая ноги. Ее промежность закрыта бордовым занавесом.

Мелкий. Подумать только, маленький бунтик, а все так перепугались.

Звучит голос Дины Альбертовны: «Власть пала, рухнули тюрьмы, узники свободны. Повсюду воодушевление, блогеры, горящие здания и горящие глаза. Пусть время идет назад, влево, вбок — лишь бы не как раньше. Это революция».

Цурюк. Вам смешно?

Мелкий. Мне весело.

Цурюк. Дайте стул.

Мелкий. Поздно. Вы сами отказались от прекрасного венского стула.

Цурюк. Он был без сиденья.

Мелкий. Ну и что? Это стул-инвалид. Вы против инвалидов? Хорошенькую вы им устроите жизнь. А у нас они заняты полезным делом — сидят и разбирают прищепки.

Цурюк. И что вы собираетесь со мной сделать?

Мелкий. А что вы, Дина Альбертовна, сделали со своим сыном?

Цурюк. Ничего. Он… не знаю, как сказать. Покончил с собой.

Мелкий (приближается). Ха, самоубийство в мать? Или у вас в животе кое-что другое? (указывает на живот). Например, гексоген.

Цурюк. Вы серьезно?

Мелкий. Это ведь надежно: никто не досмотрит. В случае чего вы кричите перед телекамерами, что вы женщина и еврейка, в конце концов. И никто не посмеет тронуть такую сарочку (приближается). А, Дина Альбертовна? Что у вас там?

Максим (голос). Отойди, сволочь.

Мелкий. (отступает). Ага. Может быть, это заставит вас говорить?

Мелкий подходит к занавесу и отдергивает его. За ним колышется огромная красная щель.

Мелкий. Нравится?

Щель ревет от восторга и брызжет.

Мелкий. Подойдите ближе, Дина Альбертовна.

Дина Альбертовна подходит.

Мелкий. Время, куда бы оно ни шло, нужно питать. Вот оно, Великое и Пожирающее!

Цурюк выхватывает ложку, приставляет ее к горлу Мелкого.

Цурюк. Это ложка, обыкновенная тюремная ложка, ручку которой я при случае заточила. И случай этот настал.

Мелкий. Вы, Дина Альбертовна, дура. Меня нельзя так убить. Кровь льется в меня, кровь со всей страны, а вы хотите вот так — ложкой.

Дина Альбертовна толкает Мелкого в красную щель.

Он с криком исчезает в ней, как Дон Жуан, поглощенный адом.

Взрыв. Затемнение.

В темноте раздается детский крик.

Сцена медленно освещается. Прежний интерьер.

Дина Альбертовна лежит на сцене, широко раздвинув ноги, тужится.

Из нее, держась за пуповину, выходит Максим с пурпурным флагом Фанфары.

КОНЕЦ